

НАШ АДРЕС — СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ
РОССИЙСКИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ,
ПОСВЯЩЕННЫЙ 100-ЛЕТИЮ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Скифия
Санкт-Петербург
2022

ББК 84 (2Рос=Рус)
УДК 82-822
Н37

Некоммерческое издание

Издание выпущено при поддержке
Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга

Составитель **Е. В. Лукин**

Н37 Наш адрес — Советский Союз. Сборник / Сост. Е. В. Лукин. — Санкт-Петербург : Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2022. — 242 с.: ил.

Литературный сборник «Наш адрес — Советский Союз» посвящен знаменательной дате — 100-летию Союза Советских Социалистических Республик. В него вошли стихи, рассказы, очерки и статьи российских соотечественников из 15 республик ближнего и дальнего зарубежья: Армении, Белоруссии, Болгарии, Германии, Казахстана, Канады, Киргизии, Латвии, Литвы, Молдавии, Палестины, Приднестровья, Словакии, Турции, Узбекистана. Сборник издан по инициативе и поддержке Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга и приурочен к Всемирной тематической конференции российских соотечественников «Экономическое сотрудничество: соотечественники и регионы России. Отвечая на вызовы времени».

ISBN: 978-5-00025-285-7

ББК 84 (2Рос=Рус)
УДК 82-822

*Обложка и иллюстрации из серии «100 лет СССР»
петербургского художника Владимира Зенина*

© Лукин Е. В., составление, 2022

© Коллектив авторов, 2022

© Оформление. ООО «Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ»», 2022

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Дорогие читатели!

Рад приветствовать вас на страницах сборника, ставшего уже регулярным и, судя по отзывам, полюбившимся изданием Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга. Он традиционно является венцом ежегодного литературного конкурса для наших соотечественников, проживающих за пределами России.

На этот раз конкурс был посвящен знаменательной для нашей страны дате. Ровно 100 лет тому назад, 30 декабря 1922 года, Первый Всесоюзный съезд Советов СССР утвердил Декларацию и Договор об образовании СССР — документ, юридически оформивший и закрепивший объединение в одно федеративное союзное государство четырех советских социалистических республик — РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР. Было провозглашено образование первого в мире многонационального социалистического государства — Союза Советских Социалистических Республик.

Уверен, что для каждого из тех, кто держит в руках предлагаемый сборник, эти четыре слова звучат по-особенному, обозначая Отечество, Родину. Они так звучат даже спустя три десятилетия после дезинтеграции этого уникального, невиданного доселе в истории человечества государства. Как мы помним, в своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 2005 года Президент России Владимир Путин подчеркнул, что крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой XX века, для российского же народа оно стало настоящей трагедией, когда десятки миллионов наших сограждан оказались за пределами российской территории.

Да, мы все хорошо помним, к каким человеческим трагедиям привела тогда потеря единой страны. Граждане, жившие до этого в условиях равноправия, столкнулись с небывалыми испытаниями и несправедливостью. И наш долг перед будущими поколениями — как можно более тщательно и объективно изучать эти ошибки истории, чтобы не допускать их вновь.

В настоящем издании опубликованы работы российских соотечественников, поступившие к нам из разных стран. В этих работах отразились серьезные размышления о выдающейся исторической роли Советского Союза в сфере мировой политики, философии, экономики, культуры, видении путей решения насущных проблем, с которыми сталкивается русская цивилизация.

Особенно животрепещущим обсуждение данной тематики видится в современных геополитических условиях, когда Россия ведет непримиримую борьбу с дикими проявлениями недобитого украинского нацизма, с циничной ложью и агрессией так называемых «цивилизованных» стран Запада. События, начавшиеся 24 февраля 2022 года, обозначили важный этап справедливой борьбы за стратегическую безопасность России и ее союзников. Они также мобилизовали интеллектуальные и творческие усилия среди наших соотечественников. С плодами этих усилий я предлагаю вам познакомиться на страницах данного издания.

Желаю всем читателям здоровья, благополучия, и самое главное — чтобы над нашей Родиной всегда было мирное небо.

Особые слова благодарности хочу высказать в адрес бесценного составителя данного и предыдущих десяти сборников — петербургского писателя Евгения Валентиновича Лукина.

Е. Д. ГРИГОРЬЕВ,
член Правительства Санкт-Петербурга,
председатель Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга

МЫ РОДОМ ИЗ СССР

Ксения
БОНДАРЕВА
(Беларусь)

РОДОМ ИЗ СССР

Я спросила у отца: «Как же жили вы тогда,
В тот момент, когда ваш возраст был такой, как у меня?»
Папа сразу засмутился, может, даже растерялся,
Но, собрав себя в кулак, рассказал, что было, как.

Папа гордо мне ответил, что родился он в стране,
Где пятнадцать все республик дружно жили на Земле.
Ни границ (все люди — братья), ни конфликтов, ни проблем,
Потому что все мы были родом из СССР.

«Не имели мы смартфонов — я считаю, это класс!
Мы с друзьями говорили каждый день с глазу на глаз.
И быть может, удивлю я: три копейки стоил квас,
И сметану в свою банку отпускали тут у нас.

Рано утром мы, собравшись полным классом в выходной,
Для страны все собирали вторчермет — металлолом.
Так бежали дни и годы, мы старались как могли,
Только жалко одно, дочка: что страну не сберегли.

Захотели все свободы, жить отдельною страной —
И теперь друзей, бывает, мы обходим стороной.
Но хотелось бы, как раньше, встать в широкий дружный круг,
Чтоб пятнадцать флагов реяли, улыбались все вокруг».

Долго с папой мы общались, шел неспешно разговор,
И глаза его горели негасимую звездой.
Было видно, что приятно папе это вспоминать,
Только мне совсем непросто было это понимать.

После этих разговоров долго не могла уснуть,
Разложила все по полкам, чтобы уловить всю суть.
И под утро, на рассвете, наконец-то поняла:
Папа — жизнь в двадцатом веке, продолжение — это я!

В чем-то можем не сходиться и порою возражать,
Но другое поколение мы должны все уважать!
Ни границ (все люди — братья), ни конфликтов, ни проблем,
Ведь мои родные люди родом из СССР.

**Александр
АНФИНОГЕНОВ**
(Молдавия)

К ЮБИЛЕЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Слова известного колумбийского писателя, журналиста и политического деятеля, лауреата Нобелевской премии по литературе Габриэля Гарсиа Маркеса: «Жизнь — это не то, чем человек жил, а то, что он помнит и как это вспоминает, чтобы рассказать об этом» с глубокой пронзительностью подтверждают, что мы живем, пока помним свою историю. Одним из значимых периодов истории нашего Отечества служит отмечаемый 30 декабря 100-летний юбилей со дня образования в 1922 году Союза Советских Социалистических Республик.

После революции в 1917 году началась Гражданская война и интервенция, которые превратили страну в военный лагерь, хозяйство было разорено, а ценности уничтожены и разворованы. Огромные территории оказались в разрухе. Тогда казалось, что и полувека не хватит, чтобы это все восстановить. Но уже через двадцать лет наступил подъем экономики. Большинство людей трудились честно, проявляли массовый героизм, не считаясь с условиями труда и материальным обеспечением, а Родина оказывала поддержку.

Летом 1940 года Бессарабия по пакту Молотова — Риббентропа (его секретным протоколам) вошла в состав Советского Союза. В связи с этим Президиум Верховного совета Украинской ССР своим указом утвердил состав уездных исполнительных комитетов для осуществления руководящей деятельности

на новой территории, представители этих комитетов 28 июня прибыли в Кишинёв для распределения по уездам.

В начале августа 1940 года руководство Бессарабии было приглашено в Кремль на заседание политбюро, на котором под председательством Калинина был подписан проект Постановления о создании Молдавской ССР. А 8 февраля 1941 года в Кишинёве на первой сессии Верховного Совета республика была конституционно оформлена, окончательно утверждена 10 февраля.

Невиданной мобилизацией человеческих и промышленных ресурсов Родина сумела подготовиться к неизбежной битве. С началом Великой Отечественной войны была организована эвакуация населения города Кишинёва и Кишинёвского уезда, оборудования заводов, фабрик, мастерских и мельниц, машинно-тракторных станций и запасов продовольствия, подвоза к линии фронта боеприпасов и продовольствия для частей Красной армии, удерживающих границу. Продовольствие и боеприпасы доставлялись в целях маскировки на волах по полевым дорогам.

Зимой 1942 года Марьяновский районный исполнительный комитет в Омской области организовал сбор денежных средств на постройку эскадрильи самолетов «За освобождение Молдавии от немецко-румынских оккупантов». В фонд обороны было сдано 100 500 рублей.

Центральным комитетом партии штабу партизанского движения при Военном Совете 4-го Украинского фронта в начале марта 1943 года была поставлена задача организации партизанского движения в Молдавии. На оккупированной территории в отношении местного, а особенно еврейского населения фашисты проводили жестокую политику. Ни в чем не повинных людей, в большинстве своем стариков, женщин и детей, повсеместно расстреливали или ссылали в левобережные районы Днестра в специально созданные там гетто, где фашисты подвергали своих жертв пыткам и издевательствам. Для борьбы с оккупантами формировались группы в составе десяти бойцов и одной радистки, которые забрасывались в тыл

фашистов для проведения диверсионно-разведывательных мероприятий на коммуникациях противника в Кишинёве, Бельцах, Тирасполе, Оргееве, Бендерах, Сороках, Котовске, Ниспоренах, Страшенах, Калараше, Унгенах, Кагуле, Леово, Бессарабке. Эти малочисленные отряды оказывали ощутимую помощь войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов при их наступлении.

После освобождения 18 марта 1944 года города Сороки в режиме строжайшей секретности началось отселение крестьян из сел, расположенных вблизи фронтовой полосы, на участке планируемой Яско-Кишинёвской операции, одного из десяти «сталинских ударов».

В ночь на 24 августа 1944 года Кишинёв был освобожден, и группа руководящих работников районных и уездных учреждений вошла в горящий город для организации работы уездных органов Советской власти и наведения порядка на освобожденной от фашистов территории.

Гитлеровцы оставили на поле боя свыше 30 тысяч трупов своих солдат и офицеров, и до 3000 конских трупов. Стояла невероятная жара, и разлагающиеся останки грозили страшной эпидемией. Их оперативно собрали и закопали. А пленных немцев под присмотром конвоиров после проверки отправляли на строительство новых жилых домов и предприятий, взамен разрушенных в ходе боевых действий.

Сразу после освобождения Молдавии, еще до окончания войны, началось восстановление ее народного хозяйства. К 1949 году объем промышленной продукции превысил довоенный уровень. Были восстановлены или построены заново сотни промышленных предприятий, больниц, школ и учреждений. Плодово-виноградная опытная станция была преобразована в Институт плодоводства, виноградарства и виноделия. Талантливым сотрудникам института Храмову, Соколовой, Масюкову, Степановой, Некрасовой — удалось привезти в республику и размножить свыше 900 сортов различных пород плодовых культур и винограда. Было заложено шесть сортоиспытательных садов по 100 гектаров каждый. 14 декабря

1949 года Совет Министров Молдавской ССР своим постановлением «Об организации государственной сети сортоиспытания плодово-ягодных культур» утвердил природно-сортовое районирование и проект перспективного развития плодового хозяйства, предложенный Государственной комиссией по сортоиспытанию. Закладка сортовых садов была проведена за два года, с двойным опережением, без дополнительных затрат.

Храмовым была проведена большая работа в вопросе вегетативного размножения в плодоводстве. Был создан значительный фонд различных карликовых и полукарликовых подвоев для яблонь сортов Парадизка и Дусен; проведены изучение и отбор самых устойчивых и скороплодных форм растений; заложен маточник чистотипного исходного материала карликовой яблони, что обеспечило государственные плодопитомники подвоем и привело к созданию высокоплодовых карликовых садов.

Молдавская ССР превратилась в развитую индустриально-аграрную страну. За послевоенные годы здесь вступили в строй 162 крупных промышленных предприятия. В том числе Молдавская ГРЭС, Бендерский шелковый и Тираспольский хлопчатобумажный комбинаты, Кишинёвская ТЭЦ, Рыбницкий цементный завод, Молдавский металлургический завод, девять сахарных заводов, консервные заводы, электромеханический, приборостроительный, телевизионный, тракторный заводы, предприятия «Молдавгидромаш», «Микропровод», «Счетмаш», «Сигнал».

В короткие сроки был восстановлен цветущий край. Молдавская ССР стала одной из самых развитых советских республик, где наряду с ростом показателей пищевой и легкой промышленности быстро развивались машиностроение и приборостроение. Создавалась уникальная прогрессивная экономическая структура, формировались и наращивали квалификацию рабочий класс, инженерно-технический корпус, научно-техническая интеллигенция с одновременным созданием конструкторских бюро, научно-исследовательских институтов, испытательных, ремонтных баз. Была образована Академия наук Молдавской ССР.

С приходом к власти карьеристов новой волны, прикрывающихся в конце 80-х годов лозунгами демократизации и перестройки, экономика большой страны столкнулась с невиданным саботажем. Полки магазинов опустели. Это было ненормально для самого богатого ресурсами государства в мире. Где были и чем занимались в это время правоохранительные органы? Бездействие центральных властных структур привело в итоге к Беловежскому соглашению в декабре 1991 года.

Главное сейчас — это воспитание нравственности у молодежи, которую предыдущие поколения сквозь десятилетия призывают словами из произведения великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева: «Играйте, веселитесь, растите молодые силы. Жизнь у вас впереди, и вам легче будет жить: вам не придется, как нам, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о том, как бы уцелеть — и сколько из нас не уцелело! — а вам надобно дело делать, работать, и благословение нашего брата, старика, будет с вами...»

Мы должны быть достойны памяти наших предшественников!

Ольга ПЕТРОВА

(Молдавия)

РОЖДЕННАЯ В СССР

Много лет назад, в июне 1982 года, я сдавала экзамены на аттестат зрелости. Сочинение писала о дружбе народов в Советском Союзе. Тема была ожидаема — в декабре мы отмечали 60 лет образования государства. Я писала о дружбе, взаимовыручке людей разных национальностей. О том, что и в дни страшных испытаний, и в дни и великих побед мы были вместе. Нам были не страшны враги, ведь вместе мы были очень сильными.

В институте я участвовала во всесоюзных студенческих олимпиадах. Команды приезжали из всех республик, Москвы и Ленинграда. Мы были разными, каждому хотелось выиграть, но никого не волновало, кто ты и откуда, мы были соперниками, а не врагами, мы говорили на одном языке и понимали друг друга.

Последний раз настоящую дружбу народов я почувствовала в декабре 1989 года после землетрясения в Спитаке. В первые же дни после страшной трагедии в Армению направились самолеты со спасателями, помощью, которая передавалась не только по государственным каналам, но и собиралась обычными людьми во всех союзных республиках. Строительные управления автопоездами двигались в Армению, чтобы как можно быстрее восстановить дома, школы, заводы... В те дни я уже работала в Молдавской Академии наук. Один из моих

коллег занимался скалолазанием. Буквально через два дня после трагедии вся республиканская сборная по скалолазанию спецрейсом улетела в Армению. Они разбирали завалы, и какое было счастье, когда удалось из каменного плена вытащить ребенка!

В те дни мне казалось, что этот порядок вещей вечен. Увы, пройдет совсем немного времени, и страшная болезнь уничтожит корни могучего дерева...

Сейчас мне хочется снова вернуться туда, в те годы, когда жизнь была разумной. Я не идеалист, и у меня нет машины времени. Я могу только вспоминать. Половину своей жизни я прожила в Советском Союзе. Обычно говорят: тогда вы были молодыми и все видели в розовом цвете. Отнюдь! Я видела и все хорошее, и все дурное, что было в моей стране. Ведь у каждого человека, у каждого государства есть и светлые, и темные стороны, есть взлеты и падения.

Моя картина мира складывалась из рассказов близких, прочитанных книг, просмотренных фильмов и спектаклей. Знаете, начало XX века мне очень напоминает начало века XXI. Очень хорошо это описано Алексеем Толстым в романе «Хождение по мукам». Слом моральных устоев, пена, всплывшая над водоворотом человеческих судеб, политическая несостоятельность власти — все это было.

Действительно, удивительно, как из безвременья, крови и разрухи Первой мировой войны, трагически потерянных территорий смогла появиться великая держава! Но она появилась! Вопреки голоду и холоду, мировой изоляции, неприятию многими новой власти.

Почему? Наверное, потому, что ее создавал народ-созидатель. Я говорю не только о стройках первых пятилеток, но и об образовании (за короткий срок пройти путь от ликвидации неграмотности до построения одной из самых лучших систем образования в мире), о науке, медицине, литературе и искусстве. А еще потому, что патриотизм был естественен для советского человека. Помните, как у Аркадия Гайдара: «Что такое счастье — это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди

знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной».

Коллективизм для нас был нормой, мы понимали, что такое общая цель, понимали, что можно и должно пожертвовать чем-то личным ради общего счастья.

Мне трудно припомнить тот момент времени, когда поменялись ориентиры и на смену Мальчишам-Кибальчишам пришли Мальчиши-Плохиши, готовые продать Родину за ящик печенья и бочку варенья, когда личные интересы стали превыше всего, когда у человека есть только права и никаких обязанностей по отношению к государству. Вместо народотворца появился народ-потребитель.

Мне физически больно, когда мою Родину называют «совком», даже в шутку. Такое уничижительное отношение к стране унижает меня, унижает нас всех. Принижает все, что было в СССР. Подумайте: ни одна страна не отрекалась от своего прошлого. Национальный праздник Франции — день взятия Бастилии, гимн — «Марсельеза», Советский Союз не отрекся от царской России. Да, можно осуждать прошлую власть, но нужно уважать свой народ. Как не понимают (а может, и понимают) те, кто презрительно относятся к СССР, что подобное неуважение к прошлому приводит к неуважению собственных родителей, дедушек и бабушек? И получается, что их жизнь была никчемной, напрасной. Но ведь это не так! Мы до сих пор пользуемся тем, что было создано в прошлые годы нашими людьми! Жизнь не началась в декабре 1991 года. Чтобы было будущее, нельзя отречься от прошлого.

Уже тридцать лет мы живем в отдельных государствах. Нас разделяют настоящие границы с пограничниками и таможенниками. Но для меня понятие страны в границах 1/6 части суши не изменилось. Мне не все равно, что происходит не только у нас в Молдавии, но и в Средней Азии, на Кавказе, в России, Украине, Прибалтике и Белоруссии. Я радуюсь их успехам и переживаю горе вместе с ними. И этого не изменить.

**Елизавета
ВОЛКОВА**
(Узбекистан)

СПЛОЧЕННОСТЬ — ЭТО СИНОНИМ СССР

31 год — именно столько времени прошло со дня распада Советского Союза. Мои представления об СССР формировались из книг по истории, различных программ на ТВ, но в особенности из рассказов моего папы. Он часто предается воспоминаниям о советском времени. И если сейчас путешествия — развлечение не из дешевых, то в годы юности мой папа объездил практически весь Советский Союз: солнечный Киев, город-герой Минск, жаркий Батуми и почти всю Россию. После поездок папа привозил домой гору шоколадных конфет и орехи разных видов.

Мне нравится слушать истории про автоматы с газированной водой и содовой, напиток которыми можно было на целый день; дефицитные джинсы «варенки» и кожаные куртки, которые были так обожаемы в СССР. А машины в то время были самой настоящей роскошью.

Я очень люблю рассматривать сохранившиеся старые фотографии с папиной службы в Казахстане, где он в находившемся недалеко от их полка единственном магазинчике купил оригинальные французские духи. Или фотографии с советских свадеб — по-моему, они были очень душевными, наполненными искренностью и теплотой.

Думаю, что сплоченность — синоним СССР. Да и люди, я считаю, в то время были другими — готовыми к взаимопомощи и поддержке.

Может быть, Советский Союз не был «раем на земле», но все, что было в СССР, было для людей: бесплатная медицина, квартиры, множество привилегий для работающих граждан и многое другое.

И хотя в советские времена многое было в дефиците, чего-то не было вообще, а что-то считалось недоступным, но в каждом из случаев люди были счастливы, будто бы каждый момент их жизни был наполнен чем-то сокровенным и оттого становился особо важным.

А способны ли мы, в сегодняшнем мире стать счастливыми, как когда-то народы Советского Союза?

Зухра
БЕРДИГОЖИНА
(Казахстан)

МОЙ ДОМ — СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Что такое Советский Союз? Для меня, как и для многих людей, кто родился, учился и жил в СССР, — это родина. Родину не выбирают. Не было бы Советского Союза — и меня, и многих-многих других бы не было.

Это была уникальная страна. Первое в мире рабоче-крестьянское государство с передовой наукой, бесплатным образованием, медициной и жильем. Были ли в Советском Союзе недостатки? Да, а разве сейчас есть идеальные независимые государства?

Мое детство прошло в Советском Союзе. Наша семья жила в одноэтажном шестиквартирном доме. У каждой семьи был дворик, в котором обязательно стояли стол и скамейки. Ограда двориков была символической, и вся жизнь соседей проходила друг у друга на виду. Самое удивительное, что никто никому не мешал, наоборот, мы жили как одна дружная семья.

Наш дом был интернациональным: русские, украинцы, армяне, туркмены, татары жили в нем, были и смешанные семьи. В кругу семьи соседи говорили на родных языках, а друг с другом — на русском. В праздники наш дом пел: стоило одной из соседок в своем дворике затянуть песню — как со всех сторон к ней бежали женщины и начинали подпевать. Пели на разных языках. Но самыми любимыми были русские

народные и советские песни. Дружно жили. Наш дом был мини-копией Советского Союза.

В этом году Советскому Союзу могло бы исполниться сто лет. В силу разных причин этого не произойдет. Я учитель истории, на уроках мы с учениками исследуем эти причины. Ученики пишут отзывы об уроке. Одна девочка написала: «Я своими глазами хочу увидеть Советский Союз». Руководжу в школе музеем боевой и трудовой славы, рассказываю детям о героическом и трудовом подвиге советского народа. Чтобы ученики знали о Советском Союзе.

Ольга
СИДОРОВИЧ
(Беларусь)

МОГУ ГОРДИТЬСЯ, ЧТО РОДИЛАСЬ В СССР

Мне было 7 лет, когда было решено, что СССР больше не существует. Расстроилась ли я? Сложно сказать — в таком возрасте любые действия взрослых кажутся обоснованными.

Но в памяти то и дело всплывает флакончик маминых духов «Красная Москва», все мои детские фотоснимки сделаны на советский фотоаппарат «Зенит». А торт «Сказка» — все из того же детства, когда не было такого огромного выбора сладостей, как сегодня. Но ведь это название знал каждый советский ребенок и взрослый, ни один праздник в нашей семье не обходился без него.

Сегодня нет дефицита в парфюмерии, технический прогресс тоже не стоит на месте, можно купить практически все и всегда. И это неплохо! У нашего молодого поколения есть будущее!

Но недавно вместе с группой ребят 12–16 лет я побывала в музее «Назад в СССР» в Круглянском районе Республики Беларусь. И что же я увидела?! Наши современные дети с жадностью рассматривали предметы из моего далекого детства. И им не казалось это все устаревшим и неинтересным. Мы вместе с любопытством перелистали азбуку, с которой я пошла в первый класс, советский кассовый аппарат и счета вызвали у мальчиков и девочек неподдельный восторг.

А что делала я в это время? Я тихонько наблюдала за молодым поколением и постепенно осознавала, что я могу гордиться тем, что родилась в СССР и стала частичкой того мира, вещей и событий. И никто не сможет забрать у меня эти воспоминания, эти счастливые моменты советского детства.

Райхан ТУЛЯКОВА

(Узбекистан)

СССР — ЭТО МОЯ СУДЬБА

Я горжусь, что родилась в СССР и прожила в нем почти 30 лет — половину своей жизни. Росла я в интернациональной семье. Бабушка — Латыпова Малика, татарка, заслуженная учительница Узбекистана, родилась в России, приехала в Узбекистан на работу по направлению. Папа — Рахимов Кадам, узбек, ветеран войны и труда, окончил в России Владимирское военное училище. Мама — Рахимова Розалия, татарка, родилась в Казахстане, пенсионерка, преподавала узбекский язык в школе с русским языком обучения.

В первый класс я пошла в школу № 3 имени Н. К. Крупской с русским языком обучения, и это было в порядке вещей. В старших классах увлеклась литературой благодаря Анне Васильевне — учителю русского языка. Пробовала писать стихи, но больше всего любила читать наизусть. Литературные чтения, театрализованные постановки, конкурсы чтецов и многие другие мероприятия не обходили меня стороной. А школьные вечера! Это были незабываемые традиционные тематические вечера: «Осенний бал», «Новогодний карнавал», «Вечер встречи с выпускниками», «Весенний бал», «Выпускной вечер».

А как учились? Учиться плохо было стыдно! Мы очень старались, и, хотя учителя преподавали нам уроки с мелом и тряпкой в руке, мы получили хорошие знания без репетиторов и дополнительных занятий. Об этом говорит и тот факт,

что из 21 выпускника нашего класса 20 поступили в вузы нашей большой необъятной страны.

Не скрою, я очень хотела быть учителем географии, но на тот момент факультета географии для выпускников, окончивших школу с русским языком обучения, в Узбекистане не было, а отправлять единственную дочку учиться далеко родители не хотели. А ведь все мои одноклассники разъехались по Союзу, и мне пришлось поступать на факультет русского языка и литературы Хорезмского государственного педагогического института имени В. И. Ленина.

После окончания института работала во Дворце пионеров руководителем клуба интернациональной дружбы. Вот где русский язык — язык межнационального общения — был особенно нужен! Затем продолжила работу в школе с русским языком обучения пионервожатой. Это был яркий, запоминающийся, богатый событиями и мероприятиями период: операция «Тимуровцы», военно-спортивная игра «Зарница», пионерские слеты, смотры строя и песни, операция «Красная гвоздика», пионерские и комсомольские приветствия на партийных съездах и комсомольских конференциях. Нарядные детишки, барабанная дробь и звуки горнов, стихи, от которых слезы на глазах, дрожь по телу и гордость: за страну, за народ, за детей, за себя! Помню, как из красных и желтых жгутов делали аксельбанты барабанщикам!

А школьный хор, которым руководил Панов Юрий Сергеевич! Мы, пионервожатые, помогли ему построить большой школьный хор, и пионерские, и детские песни — «Крылатые качели», «Орлята учатся летать!», «Взвейтесь кострами, синие ночи!» — звучали на весь зал. До сих пор храню у себя на полке большой сборник пионерских песен и комплект открыток «Детские песни». Да, в каждом доме была домашняя библиотека!

Я горжусь, что жила в СССР — многонациональной дружной стране!

Помню, как воспитывали меня мои родители. В нашей семье никогда не гонялись за новой мебелью или модным платьем, а ставили цель: летом, получив отпускные, ехать путешествовать. И это было здорово! Одно лето по городам-героям, другое по

городам на Волге, третье — по горам Кавказа или Сибири. А группы собирались из разных концов необъятной страны — СССР. И всех нас опять роднил, спланивал русский язык!

В 80-х годах, будучи молоденькой девчонкой, я на общественных началах возглавила всесоюзную молодежную экспедицию «Моя Родина — СССР» в области. И теперь уже сама возила учеников по историческим местам, местам боевой и трудовой славы в Челябинск, Минск, Алма-Ату, Казань, Волгоград. В городе Волгограде с учениками посетили семью ветерана Великой Отечественной войны — «Сталинградского Николая Островского» Евгения Лесникова. А в Минске писатель Александр Коваленко подарил мне книгу «Побратимы Морозова» с надписью: «На добрую память. Пусть герои данной книги помогут вам в воспитании молодежи».

Я горжусь, что родилась в СССР — стране, победившей фашизм!

Тема войны всегда была мне дорога. Выросла я на рассказах отца, военных фильмах и книгах. Поэтому особенно переживала, что наши дети не знают, какие жестокие вещи стоят за страшным словом «война». Поэтому мы совместно с Салуниной Венерой Васильевной создали «Золотую Книгу Памяти» — книгу, в какой-то мере памятник человеческому подвигу, человеческой истории — куда стали записывать рассказы наших ветеранов войны, а ученики нам помогали. Ежегодно наша школа в канун праздника Победы становилась центром великой Памяти. Со всех концов съезжались в школу ветераны войны и труда. И пусть их с каждым днем становилось меньше и меньше, но традиция остается жить благодаря нашим учителям и ученикам. В этот день звучит духовой оркестр, встречая ветеранов знакомыми маршами. А в актовом зале уже ждут своего выступления юные артисты театра-студии «Ростки надежды» с музыкально-поэтической композицией «Во здравие живых!», чтобы вновь и вновь оживить в памяти великий подвиг великого народа. А в руках наших учеников оживает «Бессмертный полк» — портреты отцов, дедов и прадедов.

По традиции, на вечере Памяти я декламирую отрывок из поэмы Сергея Викалова «Одна навек», в конце которой звучит призыв:

И ты, однажды ты поведай ему, оставив все дела,
Что он не дожил до Победы, но умер, чтоб она была!

Это призыв к нашим счастливым детям, чтобы помнили «Какой ценой завоевано счастье!».

К 75-летию Победы над фашистской Германией, несмотря на пандемию и карантин, мы с учениками открыли телеграм-канал «Мир без войны!», подготовили видео «Не уходите, ветераны!», «101» — о подвиге узбекских воинов в концлагере по одноименной книге Анвара Иргашева и Юлии Медведовской, провели различные онлайн-конкурсы. Не передать словами гордости моей за то, что каждый ученик школы со своими родителями не остался в стороне!

100 лет — СССР! Вот уже более тридцати лет я живу в независимом Узбекистане — многонациональной, гостеприимной, солнечной и дружелюбной стране!

В 1991 году стала работать учителем. Тяжелые были первые годы независимости. За это время школа испытала взлеты и падения. Было время, когда в связи с объявлением узбекского языка государственным (1989) родители начали забирать своих детей в школы с узбекским языком обучения. В эти годы школа успела потерять большое, просторное здание из-за уменьшения контингента учащихся (пришлось поменяться зданием с узбекской школой). И все остальное от оформления до мебели оставляло желать лучшего. А еще помню, когда мы проводили семинар в одной из школ, в зале в адрес докладчика Тамары Васильевны, прозвучал обидный возглас: «А, можно на узбекском, мы не понимаем!» Но ненадолго.

Прошло 2–3 года — все вернулось на круги своя. Поняли: без русского языка нет будущего, нет карьеры, нет полноценных знаний. Не скрою, что довелось мне быть руководителем школы с русским языком обучения. И я очень благодарна

судьбе, что она свела меня с замечательными учителями, одна из которых Фарида Александровна — учитель русского языка и литературы, учитель от бога, творческая личность, честный и преданный друг. О ней можно говорить бесконечно... В нашем городке четыре школы с русским языком обучения, а в свое время было десять.

Вернемся опять к школе. Ничего не поделать. Нужно работать, нужно принимать в августе первоклассников! Коллектив, которому меня представили, состоял из 35 учителей. «Лучше слов о нас скажут дела...» единственная фраза, которую я как директор могла сказать своему новому коллективу. Пришлось засучить рукава и приняться за дело.

Мама часто говорила: «Видно, я тебя родила для школы». Но что поделаешь, такое воспитание получила я в своей семье — семье учителей. На долгие годы в память моей мамы врезались лица детишек тех первых послевоенных лет. Их не по-детски взрослый взгляд. Бабушка Малика — учительница начальных классов — часто приводила в дом голодных, оборванных сирот, чтобы обогреть, поделиться куском хлеба. А ведь и самим жилось несладко: нелегко было поднимать семью из шести человек. Но доброты, душевной щедрости Малики-опа хватало на всех — на своих и на чужих детей. Сама рано оставшаяся без родителей, она очень близко воспринимала боль и беды других людей, всегда старалась протянуть руку помощи. Образ бабушки и сегодня незримо присутствует в нашей семье. Словно продолжают уроки доброты, милосердия, большой человеческой любви. Малика-опа, несмотря на свою занятость всегда находила время для семьи. В каждого из четверых детей смогла вложить частичку своей души. По стопам бабушки Малики пошли две дочери — Розалия и Лилия. Первая, Розалия Исмаиловна — моя мама — как и бабушка Малика, брала мягкостью и терпеливостью даже самых трудных детей. Ее никак нельзя было охарактеризовать как строгого и требовательного педагога, но поставленной задачи добиваться умела. В школе, где мама проработала почти 30 лет, дети обожали ее уроки. Любовь к узбекскому языку, поэзии она прививала

даже тем, кто начинал освоение предмета с нуля. Этот живой пример повлиял и на мой выбор. От матери и бабушки мне достались мягкость, доброта и еще всепрощение. Семейным принципом стало соблюдение такой заповеди бабушки Малики: «Враг камнем ударит, а ты ему хлеба поднеси». От отца же, ветерана войны и труда, кадрового военного, работавшего в школе военруком после выхода в отставку, передались воля, требовательность к себе, поступкам людей, неприятие лжи, подлости и несправедливости. Все это пригодилось мне на ответственном посту завуча гимназии № 3, а затем и директора школы № 10.

Я живу школой. Но где, как не в семье, найти вдохновение? Всегда готовы были поддержать родители, рядом понимающий меня с полуслова муж Андрей, выросли дети: сын Руслан и дочь Юлиана, подрастают внуки Марат, Данил и Есения. То и дело заглядывают они в мои тетради, записи. Кто знает, какой выбор они сделают?

Трудно работать в школе. Тысячи доверчивых взглядов, тысячи надежд и судеб. И за каждого ты в ответе. Как бы сейчас много ни говорили о качестве обучения и качестве знаний учащихся, я всегда на одну ступень выше буду ставить воспитанность. Без высоких человеческих качеств, даже при невероятных умственных способностях, не сможет человек состояться как Человек.

«Школа — наш дом. Мы большая семья!» — это девиз нашей школы. Ведь в ней учатся и учат русский язык русские (которых стало так мало), узбеки, татары, корейцы, туркмены, казахи и другие. И нашу большую школьную семью объединял и объединяет великий, могучий русский язык!

Сейчас я на пенсии, но продолжаю работать. Мне бы уже успокоиться и отдохнуть, но странное ощущение прилива новых сил и открытия «второго дыхания» не дают мне жить спокойно, а по-другому я, кажется, не могу. Нас называют «люди старой закалки». И это действительно так! Нас учили учиться, работать, гордиться своим трудом и своей страной!

В своем районе, будучи коуч-тренером, провожу семинары для учителей русского языка, размещаю в телеграм-канале «Майские пчелки» методические разработки, презентации, тесты для учителей русского языка. Совместно с республиканским центром образования проводим онлайн-семинары, готовим методические разработки, проводим анализ учебников. С общественной организацией «Ассоциация учителей» проводим по всей республике мастер-классы.

Большим событием для меня стало то, что в декабре 2021 года я стала победителем конкурса «Национальная премия “Учитель-2021”» в номинации «За вклад в систему образования». И конечно, я горжусь, что эту награду я получила как учитель русского языка! Я горжусь, что я говорю, думаю, пишу и люблю на русском языке! Он действительно нам достался в наследство как язык межнационального общения, и это богатое, неоценимое наследство мы должны сохранить и передать своим детям, внукам, ученикам.

Свою победу в конкурсе я посвятила своей бабушке Латыповой Малике — заслуженной учительнице Узбекской ССР, отцу Рахимову Кадаму — ветерану войны и труда, лучшему воениру области, маме Рахимовой Розалии Исмаиловне — ветерану труда, дяде Латыпову Анатолию Яковлевичу — учителю физики, победителю Всесоюзного конкурса «Лучший учитель физики».

Ну вот и все! Почти все! Пролетела жизнь, как одно мгновение, но не покидает меня ощущение, что это было вчера: наша дружба, любовь, милосердие, патриотизм, взаимопомощь и уважение. И очень хочется передать эти простые человеческие чувства и ценности нашим детям, внукам и правнукам, нашим ученикам, молодым учителям и родителям!

СССР — это моя судьба, моя жизнь, моя семья, моя любовь, мои родители, мои ученики, мои друзья и коллеги! СССР — это моя Родина, которой я дорожу, которой я обязана своей жизнью, своими успехами и достижениями!

**Диана
АБДИНА**
(Турция)

АЛАНИЯ — КОПИЯ СССР

Раздался протяжный призыв муэдзина к молитве. Звук волнами прокатился по утренней прохладе. Первая зима без снега, у моря. Так много различий и так много схожего! Несмотря на ярко выраженную турецкую архитектуру, Алания стала уменьшенной копией стран бывшего СССР. По дороге в университет на каждом шагу можно увидеть своих: русских, белорусов, казахов, киргизов, узбеков. Русская речь слышна отовсюду, местные продавцы зазывают: «Девушка, посмотри...» Наши, взглянув на меня, сразу переходят на русский язык. И что удивительно, и наши, и турки знают, что я владею русским языком. По дороге на занятия сквозь шум города еле слышен призыв муэдзина к молитве.

Как мне нравится в нашем университете! Наша альма-матер познакомила меня с друзьями из разных уголков мира: Инжу из Казахстана, Таисия и Софья из России, Вивайе из Сенегала. Как интересно узнавать культуру и обычаи других стран! Для меня было удивительно, что многие мои однокурсники старше меня на 3–5 лет. К примеру, у нас в Казахстане после школы многие стараются сразу поступить в университет и в группе много ровесников, а в Турции не так! У одной моей однокурсницы трое детей!

Как быстро пролетел этот день! Несмотря на сложную учебу, каждый день не похож на другой. В ночной тишине, до меня донесся протяжный голос муэдзина, который продолжал призывать к молитве.

**Светлана
ГЛЕМБОЦКАЯ**

(Беларусь)

**РОЖДАЛСЯ НОВЫЙ МАТЕРИК —
ОТЕЧЕСТВО МОЕ**

Он не Титаник, а Титан!
Пусть подло — в спину — ураган,
Но светоч мира и добра
Всем долгий свет оставил.
На дно тянула нас беда,
Но правды суть (гляди!) всплыла:
Был в центре Человек Труда!
Не хан, не царь, не барин.

Гул... Первых пятилеток ритм:
Магнитка, Днепрогэс, Турксиб...
План ГОЭЛРО — набатом цифр,
Всех планов «громадье».
«Индустриальный взрыв» — не миф.
И темпом жал на стройность рифм.
Рождался новый материк —
Отечество мое...

На стройках века первый кол —
Не из-под палки! Это ложь.
Судьбу ковала молодежь,
Чтоб смыслом труд наполнить!
В делах мужал и рос народ.
Пусть недруг злобу — в обиход,
Но фактов мощный ледоход
Силен! Потомок, помни!

Паучий черный подлый крест...
Его вращение разъест
Границы стран. И божий перст:
Вторая мировая!
Разбой и мира передел.
Для «низших рас» — рабов удел,
Но свастика взята в прицел.
Пощады гнев не знает!

Зверел тевтонским волком враг,
Но пал, поверженный, Рейхстаг.
И над Рейхстагом — алый флаг!
Он воссиял над миром.
Молчите, пушки! Не стрелять!
Солдат шел, хлебушком делясь.
И образ Красного Кремля
Планете стал кумиром.

И осознал рабочий класс
Призыв к борьбе! «Курантов глас»
Индокитаю в кандалах
Служил ориентиром.
Послевоенные года...
Колониальных монстров крах:
Десятки вольных государств —
На политкарте мира.

Пятидесятые... Зерна!
Чтобы заполнить закрома,
Ждала задорных целина:
Энтузиазм окреп.
Союз «серп-молот» — в общий герб.
Республик дружба! Славлю тех,
Кто плавил сталь, кто сеял хлеб,
Кто воспевал тот хлеб!

«Герб мирный!» — множилась молва.
Рождались новые слова.
И вот октябрьским утром
Весь мир взорвало: «Спутник!!!»
И к звездным далям корабли
Наш символ гордый понесли.
Гагарин ввысь — «Колумбом»!
Он — первый «горный путник...»

Парады в Тушине... На взлет!
Шел комсомол в Воздушный флот,
Еще в тридцатых запоем
Про «руки-крылья птиц».
Их имена гремели. Вслух —
Мажором: Чкалов, Кожедуб...
И охранял высокий дух
Спокойствие границ.

И было что нам охранять:
Завоеванья Октября!
Блок НАТО, хищников альянс,
Щетинит свою рать.
Амбиций полон зла клубок
(Рука — на атомный «курок»!).
Весь мир готов он растерзать
И под себя подмять.

Настанет истины момент,
В тебе живуч советский ген!
И он рожден в СССР.
Питайте прозорливость!
Мышление — интеллекта свет —
Поможет отыскать ответ,
Как жить на лучшей из планет
В борьбе за справедливость.

100 лет СССР. Индустриализация

Анна НЕМЦОВА

(Словакия)

МОЙ АДРЕС — НЕ ДОМ И НЕ УЛИЦА...

Союз Советских Социалистических Республик — сверхдержава, государство, в котором проживало свыше двухсот различных народов и национальностей и занимавшее огромную территорию. Это страна великих достижений и открытий, страна моего детства.

Я родилась в семье военнослужащего в городе Улан-Баторе в Монголии, где служил отец. Монголию почти не помню, но зато впечатления о советском детстве, проведенном в военном городке, бережно храню всю свою жизнь. Дети военных отличались тем, что были очень дружны между собой и помогали друг другу, это было особое братство. С некоторыми из военного городка мы переписываемся до сих пор, а ведь прошло уже много-много лет. Каждый вечер мы выходили на улицу и играли в классики, прятки, выбивалу, прыгали через резиночку. Дети были разного возраста и национальностей, но это никому не мешало, наоборот, было очень весело. Малышей никто не обижал. Возвращались домой, когда мамы начинали звать, выкрикивая наши имена. Еще одним развлечением было печь картошку, хлеб и сало на огне и играть на поле возле военного городка в землянках. В связи с переездами дети военных часто меняли школы. Мне тоже пришлось учиться в двух школах и поменять немецкий язык на английский. Самой большой мотивацией для школьников была поездка в «Артек». «Учись хорошо, в “Артек” поедешь!» — так

говорили нам родители. Мечту детства осуществили мои дети, которые в 2020 году попали в «Морской» лагерь по программе «Амбассадоры мира» и провели там три незабываемые недели...

В нашей семье мама была из Белоруссии, а папа — из России. Каждое лето я проводила в Калининской (сейчас Тверской) области у бабушки. Там были другие традиции: чаепитие у самовара, причем чай пили из блюдца с сахаром вприкуску, разговоры с бабушкой и первые уроки шитья с ней. Дети посмеивались над моим белорусским «г» и просили сказать что-нибудь, а по приезде в Белоруссию у меня был калининский говор: «Ты че делаешь-то?» Звучало это довольно забавно. По дороге к бабушке мы с отцом всегда проводили день в Москве и ходили на Красную площадь, на ВДНХ, где просто дух перехватывало от масштабов нашей страны и советских достижений. «В какой удивительной стране мы живем!» — думала я, когда проходила все павильоны ВДНХ. Обязательным атрибутом экскурсии было московское мороженое, которое казалось мне самым вкусным в мире!

Все эти события в далеком безвозвратном прошлом, можно долго обсуждать плюсы и минусы прошедшей эпохи, но лично для меня эпоха СССР, моменты моего детства — это время надежд на будущее, время, когда родители были еще молоды, было самым счастливым в моей жизни.

Светлана СВЕТЛОВА

(Болгария)

ГОРЖУСЬ ТЕМ, ЧТО Я — РУССКАЯ СОВЕТСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Родилась я в Советском Союзе, моя Родина — СССР, поэтому я исключительно рада, что мы сохраняем нашу историческую память о таких важнейших событиях, как 100-летие создания СССР и пионерской организации. Пусть их, к огромному сожалению, уже нет, но память о них жива и передается по цепочке дальше.

Мне 88 лет. Я родилась в 1934 году, в г. Туапсе на Чёрном море и там я пережила нашу Великую Отечественную войну со своей бабушкой, Светловой Стефанией Логиновой, мамой моего отца, Светлова К. К. Я пережила вой сирен, бомбежки, взрывы бомб, бомбоубежище и эвакуацию на военных грузовиках в горы, в оставленный черкесский аул Аймалуг. Потом возвращение в наш разбитый до основания город Туапсе.

Именно эта страшная война показала силу духа и жизнеспособность нашего социалистического строя! Фронт и тыл, армия и весь народ сжались в смертоносный кулак с единой целью защитить нашу жизнь, нашу землю, Родину!

В те тяжелейшие годы не было нытья, безнадежности и отчаяния. Жизнь протекала возле уличных громкоговорителей с голосом Левитана, вселяя бодрость, надежду и непоколебимую веру в нашу Победу.

Когда у нас в саду стали рыть яму для бомбоубежища, она приходилась на то место, где моя бабушка той весной посадила молодую яблоньку. Бабушка заявила: «Ройте подальше! Война-то закончится, мы победим, а что же дереву зря погибать?!» И яму вырыли подальше.

Во время войны все боялись почтальона: лучше никаких вестей, чем самая ужасная. Но бабушка получила серый треугольник: «Ваш сын, Георгий Константинович Светлов, капитан III ранга, погиб, защищая Родину от немецких захватчиков. Вечная Слава героям!» Слышали ли вы крик матери? Это был вопль тысяч матерей, потерявших своих сыновей... Этот вопль звучит у меня в ушах и через 80 лет.

Из-за войны я пошла в школу в 9 лет. У нас были скромные, но содержательные и красивые детство и юность.

С помощью учителей, в основном фронтовиков, мы сами создавали кружки: рисования, хорового пения, театральный и гимнастики.

Нас не только учили, но и воспитывали. В этом особенно помогала детская, высокого общественного качества литература: «Тимур и его команда», «Васёк Трубачёв и его товарищи», «Улица младшего сына», «Зоя Космодемьянская» и много других. Мы сами искали и находили, кому помочь, испытывая при этом удовлетворение и гордость от сделанного небольшого добра. Мы росли и жили в морально здоровом обществе.

Именно тематические кружки и клубы, бесплатные и доступные всем в городах и селах, давали возможность ребятам и молодежи определить свой интерес и выбрать путь в жизни. Так обыкновенная девочка Валя Терешкова из села Масленниково занималась парашютизмом в аэроклубе Ярославля и ступенька за ступенькой стала первой и единственной женщиной-космонавтом, которая на корабле «Восток-5» облетела нашу планету 48 раз за двое суток, став гордостью Советского Союза!

Говоря о воспитании детей и молодежи в советское время, необходимо вспомнить о роли пионерской организации и комсомола. Торжественное посвящение запоминалось на всю

жизнь и делало тебя частью общего дела с единой целью. «Я, юный пионер Советского Союза, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю» — эти обещания исполнялись в годы невзгод Родины, так и во время Великой Отечественной войны.

Окончив школу с золотой медалью в 1953 году, я поступила в Ленинградский университет на кафедру арабской филологии, оставив одинокую бабушку и любимый город. Интересно и исключительно значимо то, что ни она, ни я не испытывали тревоги и страха за меня в большом городе. Да, грустно, тяжело, но не страшно. Наше государство давало стипендию, общежитие, безопасность. Чего же больше?

В те годы мой папа, Светлов Константин Константинович, отбывал срок в Котласе, Коми АССР, был освобожден досрочно, за работу получал какие-то деньги и купил мне, студентке, первые в моей жизни часики. Он вернулся в Туапсе к маме, моей бабушке, и работал на Судостроительном заводе, а когда ушел из жизни, завод проводил его в последний путь с духовым оркестром, как было принято тогда, и поставил на его могиле небольшой памятник с красной звездой.

В документах и автобиографии я всегда упоминала и о его заключении, но это НИКОГДА не ложилось на меня темным пятном.

Когда я окончила Университет, меня, как молодого специалиста по арабскому языку, направили работать тогда в Йеменское королевство, там было много наших специалистов. До отъезда я позвонила папе в Туапсе и сказала, что по работе уезжаю далеко и надолго. И только.

Новая работа, новая жизнь в средневековой тогда стране, 1959 год, захватила и «завертела» меня. И вот меня вызвали к нашему Консулу — почему я не пишу отцу? Папа, не получая от меня писем, растревожился, решил и написал в Москву: «В Кремль, правительству Советского Союза от солдата и инвалида ВОВ Светлова К. К. Уважаемые управляющие нашей страной, мою единственную дочь, С. К. Светлову, арабистку, направили на работу — куда? Я в большой тревоге. У вас

тоже есть дети, и вы меня поймете. Прошу — сообщите». Папа стал ждать, и ответ пришел. Ликовал и гордился уважением к просьбе простого рабочего не только папа — радовался и удивлялся весь наш квартал! Конечно, я стала регулярно писать папе.

Дорогие друзья, от всего сердца и расстояния своих 88 лет благодарю всех тех, кто принял участие в организации памяти 100-летия от создания СССР и пионерской организации. Спасибо. Большое спасибо! Это великое событие, расколовшее однотипный уклад жизни, казавшийся непоколебимым, на две несовместимые системы! «В Великой Отечественной войне победил русский народ, организованный в советскую, социалистическую, на период войны — сталинскую, как бы кому ни хотелось чего-то иного, государственную систему!» — сказал академик Фурсов Андрей Ильич — гость в Софии из Москвы на конгрессе — 75 лет начала ВОВ, 19 мая 2016 года.

Я горжусь, что я русская, советского происхождения. Наш строй дал мне и моему поколению гуманное, непотребительское воспитание, дисциплину, твердые моральные устои, глубокие знания и чистоту чувств. Горжусь своим родным городом Туапсе, который устоял и не пропустил немцев к Грозненской нефти. За свой подвиг в 2008 году Указом Президента РФ В. В. Путина получил почетное звание — Город воинской славы!

Горжусь тем, что мы, русские, помним и чтим немеркнущую славу нашей Победы и имена миллионов, погибших во имя ее. Среди них — и мой родной дядя, капитан III ранга Георгий Константинович Светлов. Его подводная лодка «С-12», выполнив боевое задание, погибла 3 августа 1943 года. в Финском заливе со всем экипажем в 46 человек и обнаружена летом 2018 года поисковой группой по государственной программе РФ «Слава кораблям Великой Победы». Возможно ли это забыть? Никогда!..

Светлана
АЛЬ-ХАЛЬДИ
(Палестина)

МЫ РОДОМ ВСЕ ИЗ СССР

Мы родом все из СССР,
Семьи побед и достижений.
Мы для других во всем пример
В осуществлении стремлений...

Манит нас прошлое, бывшее —
Там детство, юность, свет родных,
Эмоций море колдовское,
И лист от слез сырых размыт...

Мы родом все из СССР,
Мальчишки, милые девчонки,
Затерты фото все до дыр,
Все кадры яркой киноплёнки...

Мы там счастливые такие,
Улыбки светятся теплом,
А лица просто озорные,
Мечтают встретиться с добром...

Всех раскидало как песчинки
По разным странам, городам,
Но живы нежные картинки,
Нас не сломить никак врагам...

Мы родом все из СССР,
Гордимся этим, твердо знаем,
Россия — стойкости пример,
Дедов мы подвиг вспоминаем...

Ты слышишь, Запад? Не удастся
Страну великую смести.
Березы русские нам снятся,
И Путин мудрый впереди...

А мы вокруг сплоченным строим
Шагаем все плечом к плечу,
Прочтем молитву перед боем,
Не погасив души свечу...

Алия
МАМАТКАЗИНА
(Узбекистан)

В ПАРКЕ НАШЕЙ ПАМЯТИ

Термез. Ясный морозный день. Иду через парк. Когда-то во времена моего детства он назывался «Парк культуры и отдыха имени Горького». Теперь это парк имени Бабура. После недавней реконструкции я в нем первый раз.

Иду не спеша, разглядывая веселые фигурки персонажей из сказок и мультфильмов, усеявшие парк и придающие ему какое-то веселое, сказочное настроение. Подошла к фонтану и присела на одну из разноцветных пластмассовых скамеек. Очень захотела разглядеть, каким стал парк, когда-то заросший деревьями, кроны которых смыкались высоко над головами тех, кто сюда приходил.

Теперь здесь новые, молодые деревца. И то ли потому, что листьев на них нет, опали (все-таки зима!), то ли потому, что они еще совсем юные и тоненькие, парк очень хорошо просматривается насквозь. Видны новые, совсем недавние постройки, детские аттракционы.

И вдруг где-то в уголках моей памяти тихонько зазвучала музыка. Музыка духового оркестра. Он играл здесь, в парке, очень часто и очень давно. Так давно, что за это время успели вырасти мои дети, а теперь растет мой внук. А молоденький лейтенант, который дирижировал оркестром, давно уже стал полковником и вышел на пенсию.

Под звуки музыки, которая звучала сейчас в моей памяти, я смотрела вокруг себя и вспоминала, что здесь было раньше.

Вот здесь, возле фонтана «Дружбы народов», мы с братом, держа за руки маму и папу, которые были тогда еще совсем молодыми, гуляли теплыми летними вечерами...

А тут был плавательный бассейн, в котором я, когда ходила на летних каникулах на детскую площадку, чуть не утонула. Плавать я совсем не умела, но почему-то расхрабрилась и поплыла, как говорят, «по-собачьи». И в памяти до сих пор рука, которая потянулась ко мне, лежащей на дне бассейна почему-то с открытыми глазами. Я по сей день помню этого человека, который вытащил меня из воды. Правда, он давным-давно на пенсии и уже, наверное, не помнит ни меня, ни того, что спас когда-то девочку-второклассницу.

Вот там, недалеко от центральной аллеи, была летняя концертная площадка. И мы школьниками часто выступали здесь с балетными номерами. Тогда в Доме пионеров работала бывшая балерина Александра Ивановна, в годы войны эвакуированная в наш город из Ленинграда. Она очень любила свою профессию, которой не могла здесь заниматься... А мы были по уши влюблены и в нее, и в балет...

А вот здесь был памятник борцам за народное счастье. Под обелиском покоился прах 14 человек.

Одним из первых тут был похоронен Авдошин, прибывший сюда в 1897 году в числе первых 11 российских пограничников для охраны южных рубежей согласно договору между Российской империей и Бухарским эмиратом. Именно они, а затем прибывшие сюда российские войска основали на месте разрушенного в 1220 году Чингисханом старого Термеза военное урочище Термез, которое в 1926 году, слившись с близлежащим кишлаком Патта-Кесар стало называться городом.

Авдошин стал здесь первым таможенником, и верой и правдой прослужил на своем посту до 1921 года. По записям воспоминаний его современников, хранящимся в областном музее, это был честнейший и неподкупный человек, девизом которого были те же слова, что и слова таможенника Верещагина из

знаменитого кинофильма «Белое солнце пустыни» — «Я мзду не беру — мне за державу обидно». Так же, как и Верещагин, он погиб на своем боевом посту. Хоронили его всем Термезом.

Затем в этом же месте, ставшем братской могилой, были похоронены командир 16-го кавалерийского полка В. Я. Лопатин, первый председатель областного исполкома Мурад Тураходжаев, первый военный летчик Термеза Волчек, красноармейцы и первые пограничники.

Здесь же были похоронены жены двух военкомов с детьми, ехавшие к месту службы своих мужей в далекий от России Термез, но так и не доехавших до него... Их нашли порубанными возле обоза, в котором они ехали.

Раньше здесь постоянно горел Вечный огонь. Школьников возле него принимали в пионеры (моя выросшая младшая дочь, как и все дети ее возраста, уже не знает, кто это такие), а студенты перед тем, как поехать на ударные стройки летних студенческих стройотрядов, давали клятву добросовестно трудиться...

Сейчас на месте снесенного Вечного огня и обелиска, под которым так и остались останки погибших, полукругом высятся амфитеатр, стены которого, впрочем, несмотря на то что он возведен совсем недавно, уже покосились и дали трещины.

В народе, наверное, недаром есть поверье: не возводить что-то на могилах умерших.

В этой стороне парка находилась тенистая аллея, на которой я почти четверть века назад с такими же энтузиастами, как и сама, организовывала первые, тогда еще не ставшие традиционными, детские праздники в Международный день защиты детей — 1 июня.

И вдруг вижу: идет женщина с сумкой-авоськой. Идет и оглядывается по сторонам. Слышу ее слова, сказанные тихонько, для себя: «Да-а, все изменилось...»

— А что изменилось? — спросила я у нее.

— Да все! Вот здесь мы с мужем и детьми раньше за столиками под деревьями ели мороженое и шашлыки. А вот здесь играла музыка. А вот тут...

Почувствовав в женщине такую же ностальгию по давно ушедшим временам, как и у меня, я разговорилась с ней.

Александра Васильевна родилась в 1921 году в Татарии. Выйдя замуж, с мужем — работником органов — приехала в Термез. Работала в строительных организациях. Сейчас на пенсии. У них с мужем двое детей. Старшая дочь живет в Волгограде. А сын здесь, есть внуки.

В парке после его реконструкции она в первый раз. Очень нравится. Красивый он стал и какой-то веселый. Конечно, раньше был другим. Но в ее памяти он остался прежним....

— Похорошел наш город, особенно в последнее время, стал чище, — сказала Александра Васильевна.

Долго мы говорили с ней, вспоминали, каким был парк, что в нем и где было раньше. А потом разошлись. Она пошла по своим делам по аллее к центральному выходу, я — в противоположную сторону...

Все течет, все изменяется...

И пусть в памяти наших детей и внуков через много лет парк останется таким, каким стал сейчас, — перестроенным и изменившимся. Но в моей памяти, памяти термезчан-старожилов он навсегда остался таким, каким был во времена нашей юности. Жизнь ведь не пьеса, и ее не переиграешь заново...

**Галина
РАДИОНОВА**

(Беларусь)

ВАСЮТКИН ВИШНЯК

Наша постоянно меняющаяся жизнь все время меняет и наше сознание, отодвигает от нас все прошлое, открывая путь будущему. В настоящем прошлое становится историей, которая чаще всего бывает спрятанной в неведомых закоулках памяти. Но без памяти всего происшедшего нельзя оценить настоящее. Именно поэтому в нужный момент приходится рыться в прошлом, возвращаться к истокам прожитого и пережитого, событиям и лицам, оставившим след в душе на всю жизнь.

Вспоминаю родной дом, в котором прошли годы детства и юности, и оживают в сознании самые дорогие мне люди и события, возвращая свои имена и места, где прошли те события. Хочется рассказать о них, чтоб навсегда вернуть к жизни хотя бы словом. И рассказывая, еще раз могу оценить, что они значили для меня.

Я из возраста послевоенных лет, почти ровесница Победы, поэтому каждый день моего взросления связан с присутствием в жизни людей и историй времен Великой Отечественной войны. Уже много, если не сказать — очень много, написано о войне, ее героях, об историях, связанных с теми событиями, а из памяти, как из музейного архива, снова и снова выплывают страницы человеческих судеб, на которых остался отпечаток далеких лет.

Мое детство проходило в рабочем поселке на окраине уральского Челябинска, куда была эвакуирована наша семья, там после войны и осталась. Кроме родителей и нас, троих детей, в семье постоянно появлялся кто-то из родственников, приезжавших чаще всего из Рязанской области, откуда родом мои родители. Кому-то нужна была помощь в устройстве на работу, кто-то отоваривался продуктами и уезжал, чтобы через какое-то время вернуться опять. И всегда на гостинцы, если это было летом, привозили ведро вишни. Мама с каким-то особым теплом называла эту вишню «Васюткиной». Но тогда, еще дошкольницей, я не задавалась вопросом, откуда такое название. «Васюткина» да и «Васюткина»!

Позже, когда стала ходить в школу, часто отправляли родители меня на каникулы в деревню к своим родителям. При этом мама давала наказ, чтобы обязательно привезла домой вишню. Действительно, эта вишня вызывала восхищение: темно-бордовая, сочная, сладкая. И потому вопросов, почему ее все любят, не возникало.

Деревня, как теперь помню, называлась Лопатинки. А вот точного названия района, где была эта деревня, не помню.

Жизнь у колхозников в послевоенные годы была трудной: вместо денег за трудодни выдавали сельхозпродукты — рожь, овощи, мед... Денег не получали. Вот и ехали люди в города к своим родственникам, чтобы завестись с их помощью чем-то необходимым, отоваривались и возвращались домой, прощаясь до следующего раза. И, провожая меня в деревню с кем-то из таких попутчиков, мама отправляла туда вместе с нами пару больших чемоданов, полных продуктов.

Бабушка Таня скрупулезно рассматривала гостинцы и раскладывала по сундукам, стоящим в избе в ряд в красном углу. Сладости припрятавались так, чтобы мы, дети, их не нашли. А приезжали на каникулы к дедушке и бабушке из разных городов до шести человек.

Несмотря на скудность деревенской жизни, как можно оценить ее с позиции настоящего времени, лето пролетало весело

и стремительно. Больше всего ждали, когда в саду поспеют вишня и яблоки.

Дедушка Ваня забирал старших детей на колхозное поле трудиться взамен бабушки, которая оставалась с младшими хозяйничать в доме.

Бабушка, управившись по хозяйству, часто звала нас пойти в вишняк, как называли в деревне сад с вишневыми деревьями, чтоб посмотреть, не поспели ли ягоды. Так и говорила: «Пойдем, посмотрим, скоро ли нас Васютка сладкой ягодкой угостит». Опять же для меня, тогда ученицы начальных классов, названное имя с вишней не ассоциировалось.

Когда была уже в пятом классе и начали изучать ботанику, на одном из уроков речь зашла о Мичурине и его работах по выведению новых сортов различных садовых растений. Я подняла руку и сообщила, что знаю один из сортов вишни, якобы выведенный Мичуриным, а название этой вишни — «васюткина». Учительница, посмотрев на меня, сказала, что о таком сорте не слышала и надо бы мне выяснить, откуда у меня такие сведения. Я спасовала.

Вернулась после уроков домой расстроенной и стала спрашивать маму, откуда название у любимой нами вишни. Тогда-то узнала историю, ставшую одной из страниц жизни нашей семьи.

Было у моего деда Ивана и бабушки Татьяны к началу Великой Отечественной войны семеро детей. Четверо старших к тому времени уже обзавелись семьями и разъехались по разным городам. Дома остались две младшие девочки — двух и семи лет — да один из мальчишек, уже повзрослевший — Василий, или, как его называли дома, Васютка. Было ему шестнадцать лет. Окончил он в школе только семь классов и пошел трудиться в колхоз, чтобы помогать семье.

В начале войны, когда началась мобилизация мужчин на фронт, деду Ивану было уже больше пятидесяти лет, его в армию не призвали, а так как он был грамотным, назначили вместо уходившего на войну председателем сельсовета.

Васютка просился на фронт, а его по недостатку положенного возраста не призывали.

Те места, где они жили, бои обошли стороной. Только в то время военной жизни всем доставалось несладко.

Год еще трудился Васютка, как взрослый мужик, на колхозных полях и везде старался успеть да дома помочь. Но пришел срок, и получил Васютка повестку явиться на сборный пункт. Проводили его и стали ждать весточек с фронта. Приходили письма не очень часто, коротенькие и с обещанием скоро вернуться.

В дома односельчан одна за другой приходили похоронки. Все труднее было ожидание. Год прошел, и другой... Шли письма до 1944 года. И в госпитале он с ранениями побывал, оттуда — в строй. Военные сводки давали надежду на скорую победу. Однако не суждено ему было вернуться... Ближе к победной весне пришла в дом черная весть о его гибели. Черствые строки, которые, казалось, уже намозолили глаза всем, увидевшим горе, теперь прочла и мать: «В боях за освобождение... погиб смертью храбрых».

Держала Татьяна в руках письмо, а рядом две девочки, подростки, смотрели на мамины слезы и тоже в плач. Вытерла мать глаза да пошла в сенцы к жернову намолоть ржи на лепешки, чтоб накормить семью. Только тогда дала волю слезам — лились они ручьем в муку, только этих слез никто не видел. Когда к вечеру вернулся Иван домой, без слез подала она ему листок. Ушел муж в хлев, долго не возвращался в избу, а вернувшись, сказал: «Надо жить, мать, и для детей, и за него». Никому не рассказывали о своей беде, и каждого односельчанина, ждущего кого-то из родных с фронта, успокаивали: «Ждите, верьте, придет...»

Недалеко от деревни был сад, посаженный еще помещиками, которым когда-то принадлежала деревня. Называли этот сад в деревне барским. В том саду росло много фруктовых деревьев и экзотических растений, приносящих в прошлом гордость как хозяину, так и деревенским жителям.

Во время войны, когда уголь не завозился, при наступлении холодов топить в избах печи было нечем, и шли люди рубить деревья в том саду. Однако правление сельсовета постановило во что бы то ни стало сохранить сад. Иван, знавший к тому времени все посадки в саду, часто уходил в сад, ссылаясь на необходимость охраны, и чтобы побыть одному.

Пришел май 1945 года. Люди праздновали Победу. Весна выдалась такой солнечной, нарядной, как будто вся природа ликовала вместе с победителями. Принес Иван домой саженец вишни из того сада. Сказал: «Нет у нас ни места, ни могилки, где Васютку помянуть можем, — так посадим эту вишенку, пусть нас своими плодами радует. Сорт хороший. Мы с ней, как с живым сыном, разговаривать будем. Посадим в конце огорода, чтобы никому в глаза не бросалась. Пусть Васютке привет от нас передает».

Шли годы, и мирная жизнь понемногу брала свое: вернулись с фронта мужики, оставшиеся в живых, возрождалась колхозная жизнь. Саженец, посаженный Иваном, прижился и быстро дал новую поросль. С горечью смотрели родители Василия на подрастающие деревья, а летом, когда созревали ягоды, собирали их в корзинку и шли в церковь соседней деревни, каким-то чудом сохранившуюся, не разгромленную и не разграбленную революционерами-большевиками, чтобы раздать вишню прихожанам, при этом просили помянуть убиенного воина раба Божьего Василия.

За семь — десять лет уже не одно, а несколько деревьев давали урожай вкуснейших ягод. И начали называть тот клочок земли «Васюткиным вишняком», а про вишню стали говорить, что она Васюткина.

Настоящий вишневый сад разросся за огородом деревенской усадьбы моих дедов. Повзрослели их младшие дочери, уехали учиться в город. Остались старики одни, и стали на время каникул встречать внуков.

Повзрослела и я. У бабушки выяснила, что сорт той вишни назывался «владимирский», или в просторечье — «Влади-

мирка». Но у нас в доме навсегда осталась в памяти как «Васюткина».

Беда потери сына не могла не оставить рубцов на сердце матери. Стала моя бабушка Таня часто жаловаться на боли в груди. В деревне не было даже фельдшерского пункта, только фельдшерица принимала больных на дому и давала им направление в районную поликлинику. Ездить в направлении «туда-сюда» в район, чтобы получить необходимое лечение, было проблемно из-за транспорта и большой траты времени. Решила тогда моя мама забрать мать на время к себе, чтобы подлечить ее в городских условиях. Остался в доме за хозяина один дед Иван. Трудно было старикам расставаться. К тому же дед был старше бабушки более чем на десяток лет. Были они всегда дружными, любящими, а тут оказались разлученными. Почтальонша, работающая в деревне, часто не могла принести вовремя письма от бабушки деду и не могла вовремя забрать письма от него, а потому письма получали с большим запозданием. Телефонная связь была в деревне часто недоступна. Так и случилось, что письмо уже от соседей, сообщающих о смерти деда Ивана, пришло тоже с большим запозданием. Умер дед скоропостижно от инфаркта, похоронили его дочери, живущие в Рязани. Больше ничего не сообщалось.

Позже выяснилась причина смерти.

Выстроил колхоз новые молочно-товарные фермы для коров. Гнали их на водопой мимо дедовой усадьбы. Чтобы сократить путь к реке, решило правление колхоза проложить новый маршрут через дедов огород, ссылаясь на то, что живет старик один, а дети приезжают только изредка летом. Мол, и так хватит ему земли для огорода. Подогнали трактор к вишняку, и стал тракторист выкорчевывать деревья. Дед выскочил из дома, бросился навстречу двигающемуся трактору, чтоб защитить посадку. Да не слушал его тракторист, продолжал крушить деревья. Сник дед, поплелся к дому и упал посреди дороги. Подбежали к нему люди, да было поздно. Не выдержало сердце старика.

Бабушка долго болела. Все рвалась поехать, хотя бы могилке поклониться. Чтобы убедить ее не ехать, принимая во внимание состояние здоровья матери, обратились мои родители к священнику, и объяснил он ей, что главное — это молиться об усопшем, а ехать далеко в ее возрасте с плохим здоровьем не стоит. Послушалась и осталась жить в нашей семье. Только постоянно спрашивала, знает ли кто, как дела в деревне, как себя чувствуют вишни в их саду. И все дружно уверяли, что все в порядке, вишни по-прежнему красавицы и радуют всех своими ягодами.

Дом их сначала оформила на себя одна из младших дочерей, а позже продала его колхозу на снос. Людей, живущих в деревне, оставалось все меньше: молодые уезжали жить в города, а старики потихоньку умирали. Всем оставшимся одиноким старым жителям деревни было предложено переселиться к родственникам в соседние деревни. Так не стало и самой деревни Лопатинки.

Мамины сестры редко писали письма матери, были спокойны за ее старость. К нам уже никто не приезжал. Только часто, собираясь за чаем, мы вспоминали варенье из Васюткиной вишни да истории из деревенской жизни и наших летних каникул.

Рассуждая про себя, где моя малая родина и что меня связывает с ней, я вспомнила не только годы детства и далекий заводской поселок на Урале, но и небольшую деревеньку Лопатинки в Рязанской области, откуда начинался наш род.

Живу я полвека в Беларуси. Здесь родились и выросли, стали уже родителями мои дети. Никогда не было в моей душе разницы в отношении между той моей родиной в России, воспитавшей меня и давшей путевку в жизнь, и Беларусью, принявшей меня, ставшей моим вторым домом. В России остались могилы самых дорогих для меня людей — родителей, дедов, там живут все мои родные.

В боях за освобождение Беларуси под Витебском отдал жизнь молодой солдат Васютка Королёв. В Брест-Литовске в авиационном полку служил брат отца Семён Родионов,

откуда и был отправлен на фронт, погиб. Прошла через всю Беларусь и со вторым Белорусским фронтом дошла до Варшавы двоюродная сестра отца Надежда Родионова, участвовала в боях за освобождение Минска.

Как я узнала позже, прожив в Гомеле много лет, и то осталось в моем сердце навсегда, что в боях за освобождение нашего города сражался солдатом мой школьный учитель математики — Столпник Борис Павлович. Значит, многое и давно уже связывало мою судьбу с Беларусью. А потому нет у меня малой родины, есть одна большая — Родина, где вне зависимости от места рождения есть одно главное — любовь и преданность земле, на которой живешь.

И есть на этой Родине совсем небольшой, неухоженный, старый вишневый сад рядом с ушедшей в небытие деревней Лопатинки, возродившийся на сильных корнях деревьев из почек обрубленных ветвей. Он по-прежнему зацветает в мае и отдает созревшие ягоды земле в память о родительской любви к сыну и сыновьей любви к Родине.

Лейла
ШАХНАЗАРОВА
(Узбекистан)

ОНА НЕ БЫЛА ПОХОЖА НА ЦЕЛИКОВСКУЮ

В 1945-м моему папе было двадцать лет. Мальчишка с грудью в медалях. За Варшаву, за Будапешт. За Берлин... Он все-таки успел повоевать, приписав себе год. Уходил на фронт рядовым, вернулся лейтенантом. Контуженным. С мечтой о мирной жизни и работе, о том, чтобы завести семью.

С обзаведением семьей никакой загвоздки не предвиделось — молодые здоровые парни после войны, понятно, были нарасхват. Семья, дети были бы у Махмуда Мухамедова в любом случае, как бы ни повернулась судьба. Вот только... если бы не война и Победа, это были бы другие дети — не я и не мой брат...

Паренек из Бухары вырос в традиционной национальной семье, где говорили только по-таджикски, как во всех семьях бухарских иранцев, и судьба его была, в общем, определена. И жениться он должен был бы, по всему, на девушке с соседней улицы, опять же по традиции...

Если бы не война... Расставание с домом и родными в семнадцать лет. Фронт. Ранение. Но — выжил, уцелел. Освоил трудный русский язык (хотя долгое время непонятная строчка из песни «Широка страна моя родная» звучала для него: «...Где тако-ой на десять человек!..»).

Он дошел до Берлина, открывая для себя на этом пути новый, неведомый мир, совсем не похожий на мир его детства

и юности. Европа, хоть и разрушенная, в дымящихся развалинах, — все равно — потрясение, иная планета! Женщины... — таких он даже в кино не видел, в довоенные бухарские кино-театры не завозили фильмов с Марлен Дитрих, Гретой Гарбо, Вивьен Ли.

Нет, конечно, и в Праге, Вене, Лейпциге в конце войны не встречались на каждом углу Греты Гарбо. Но...

В общем, в родной город в 1948 году (тогда в армии служили пять лет) парень вернулся не только с отличным знанием русского и очень неплохим немецким, но и с совсем другими представлениями о женщинах, красоте, любви...

О девушке с соседней улицы теперь уже речь для него не шла. Он учился заочно в Московской ветеринарной академии, работал в местной ветлечебнице и... искал свою — если не Марлен Дитрих, то Людмилу Целиковскую. Догадываюсь об этом по тому, что на давних фотографиях середины пятидесятых рядом с моим красавцем-отцом прислоняются к его плечу какие-то пергидролевые блондинки с перманентом.

Молодая докторша, так выделявшаяся в тогдашней Бухаре своей непохожестью на местных женщин, выросла в Кисловодске. Тогда там жило много армян. «Дождик, дождик, перестань, я поеду в Эривань — Богу молиться, Христу поклониться!..» — до сих пор, когда за окном дождь, всплывает в памяти эта слышанная от мамы детская считалочка давних кисловодских времен.

Но Кисловодск — это уже ее отрочество. А детство — Краснодар, в котором тогда, в начале 1930-х, все дышало совсем еще недавним Екатеринодаром и в самом центре города, на перекрестке улиц Екатерининской и Красной, стояло затейливо-изящным пирожным прекрасное здание гостиницы «Европейская». Которая в то время принадлежала маминому отцу, моему дедушке.

В этой лучшей, наряду с «Московской», гостинице города останавливались множество заезжих знаменитостей. Не удивительно, что маленькая Жанна бывала на самых блестящих гастрольных концертах и спектаклях, видела на сцене Утёсова,

знаменитую красавицу-актрису Тамару Яacobсон, слушала оркестры Виктора Кнушевицкого и Александра Цфасмана. Каждое воскресенье родители водили ее в городскую филармонию (которую тогда чаще называли Курзалом) — приобщать к классической музыке. Русский язык в ее классе преподавала бывшая петербургская дама, когда-то — подруга Игоря Северянина. А дома — многочасовые гаммы на фортепиано, щебет обшивавшей мою бабушку «тонной» модистки мадам Альмы: «Оу, нет, не газглаживайте эта обогочка, пусть как хочет, падает!»

Несколько лет назад я впервые побывала в Краснодаре. И благодаря беззаветному его рыцарю, историку и архивисту Андрею Ступаченко увидела, наконец, подержала в руках фотографии гостиницы «Европейская» — не нынешнего отеля «Европа», а той, давно снесенной. И услышала от Андрея: «Так вы — из тех самых Арутюновых?»

Но «вегетарианские» времена подходили к концу. Любимое детище Иосифа Захаровича Арутюнова, маленький островок Европы во все больше «краснеющем» Краснодаре, было национализировано. А прежнему владельцу отеля, к тому же с женой «из бывших», среди братьев которой были царские офицеры, грозило и кое-что похуже. И дедушка мой решает оставить все и перевезти свою маленькую семью в Кисловодск, где жили его родные.

Несколько очень скромно прожитых, но спокойных лет в декорациях театрально-красивой природы курортного города — конечно, уже без модных портних и ресторанов, но с лелеемым, как драгоценность, «инструментом Жанночки»; ее не прекращающиеся ни на день занятия музыкой... А потом все-таки случилось давно ожидаемое: осуждение отца как бывшего «нэпмана», лагеря, потом высылка в Среднюю Азию, разлучение семьи на много лет...

Войну мои бабушка и мама пережили в оккупированном Кисловодске. По сей день помнятся услышанные от мамочки щемящие военно-сиротские песенки, ходившие в то время:

По Грузинской дороге
Шел пегух колченогий,
А за ним восемнадцать цыплят.
Он зашел в ресторанчик,
Чекалдыкнул стаканчик,
А цыплятам купил шоколад!

***

Товарищ старший лейтенант,
Товарищ младший лейтенант,
Майор, полковник и какой-то генерал
Говорят: «Иди пешочком»,
Говорят: «Иди с мешочком
В Тифлис, а если хочешь — на Урал!»

Это — о том, что перед наступлением немцев власти Северного Кавказа не позаботились об эвакуации населения.

Конечно, немцы, заняв Кисловодск, сразу беспощадно расправились с евреями. Мама вспоминала, как у них в школе дети выпытывали у одноклассника: «Лёвка, а ты ведь еврей, да?» На что умненький очкастый мальчик важно отвечал: «Не говорите глупости, сейчас все — армяне!»

(Бедный Левка, вряд ли его сообразительность помогла ему избежать общей участи. Последний раз мама видела его подметающим улицу — немцы на первых порах гнали всех евреев на принудительные работы. Лёва страшно смутился, когда нравившаяся ему девочка увидела его с метлой в руках, — низко опустил голову.)

«Решив еврейский вопрос», оккупанты остальное население города, в общем, оставили в покое. Как ни странно, при «новом порядке» многим жителям даже были выделены квартиры — те самые, оставшиеся от евреев, — и после ухода немцев

это жилье, представьте, так и осталось за последними хозяевами. По крайней мере, так рассказывала мама. Вот только им с моей бабушкой пришлось до самого отъезда к отцу, которому наконец разрешили поселение в Самарканде, жить на съемных квартирах, терпя издевательства и грубость хамов-хозяев. Насмешка, не раз слышанная мамой в юности: «Ну, ваше сиятельство, как ваши обстоятельства?..» Эту подлую присказку я услышала впервые именно из ее уст, из ее рассказов, а потом уже прочитала в бунинской «Холодной осени». («...И горести моей прекрасной мамы прощаю я неведомо кому...»)

В 1948-м Иосиф Захарович после долгих хлопот все-таки получил разрешение на вызов семьи и перевез жену и дочь в Самарканд. А в середине пятидесятых темноглазая красавица, только что окончившая Самаркандский медицинский институт, отработывала положенные два года на периферии — в знойной, пыльной Бухаре. И... меньше всего рассчитывала остаться здесь навсегда. На местных кавалеров не бросала и взгляда. В Ташкенте ее ждала давняя мечта — Консерватория, куда она поступила параллельно с учебой в СамГМИ и где уже успела проучиться заочно один курс. Вот только окончить ее так и не довелось: краснодарско-кисловодская армянка Жанна Арутюнова вышла замуж за моего отца. Хоть не была похожа на Целиковскую и ни разу за всю свою жизнь не приготовила плов. К тому же — «не той» национальности для ирано-таджикской семьи с патриархальными традициями. К тому же — разведенная и с ребенком... Словом, не подходила она Махмуду Хамидовичу никак. И все-таки оказалась самой прекрасной из всех женщин в мире.

Пианисткой мама моя так и не стала, хотя ей прочили яркое будущее концертирующей исполнительницы. Вместо этого она сорок лет проработала врачом-педиатром, заслужив славу лучшего в Бухаре диагноста. До сих пор, когда бываю в родном городе, ко мне подходят на улице люди: «Вы не дочь той красивой седой дамы-доктора? Она лечила моих детей... моих внуков...»

...Лежу с открытыми глазами
В безмолвной, непроглядной мгле,
С надеждою, что Бог над нами,
Быть может, вспомнит обо мне.

Пошли мне сон, великий Боже,
Чтобы, не мучая меня,
Настал небесный день погожий,
Сменив печаль земного дня.

Эти строки мамочка моя написала незадолго до своего ухода.

Они прожили вместе до 91-го, когда папы не стало. Теперь тот самый «небесный погожий день» настал и для мамы...

А у меня — старшая сестра и лучший на свете брат.

Спасибо, папа, за твою Победу! За то, что вернулся живым. И еще — что выбрал, полюбил и заставил полюбить себя именно мою мамочку. Спасибо за жизнь!

*100 лет СССР.
Великая Отечественная война*

Елена
АЙЗЕНБЕРГ-ГАЛЬПЕРИНА
(Германия)

ДОРОГА ЖИЗНИ

«Все в жизни не просто», — так говорила моя мама Анна Михайловна Позлоцкая. Она родилась в Москве 18 июля 1924 года. Потом жила с родителями в Ленинграде. Пережила тяжелые дни блокады. Была в эвакуации. Имела знак «Житель блокадного Ленинграда». После войны окончила Ленинградский «Учительский институт», преподавала русский язык и литературу. В декабре 1992 года переехала в Германию. Так решили дети — сын, дочь и внуки. Жила в городе Фрэхене, рядом с Кёльном. Умерла в 2011 году.

Тоска по родине

Мама — человек уникальный. У нее была удивительно насыщенная, содержательная, полная событий жизнь. При этом она самая обыкновенная женщина, прожившая жизнь с одним мужем, вырастившая двоих детей, потом внуков, работавшая учительницей в школе. Казалось бы, ничего такого в ней нет особенного. Уникальность моей мамы в том, что она — представитель того нашего дорогого поколения, которое вместе со своей многострадальной страной пережило великую и страшную

войну. Война с фашизмом не только искалечила судьбы людей. Она перевернула их сознание, изменила жизненные ценности, пробудила настоящую любовь к Родине и страх за нее. Но не только войну пережили они. Тяжело было переживать и сталинские репрессии, и безумную во многом организацию жизни в Советском Союзе. Они не просто выжили в страшной войне, они не просто выстояли во времена репрессий. Каждый, кто все это пережил, — одержал свою личную победу. И получилось, что это особое поколение людей, которым под силу все. Которым под силу даже в конце жизни совершить еще один подвиг — эмиграцию. Спросите мою маму: ради чего она сюда приехала? Она скажет: «Не знаю, так дети решили, а я с ними». Но сама она так и не смирилась до конца, что ей пришлось уехать из России. Сейчас, в 84 года, уже и память у нее отказывает, и мало что она помнит, а все твердит, повторяет слова из песни: «А я в Россию, домой хочу...». Наверное, это и есть такой вот обычный, обиденный патриотизм. Все она ценит и понимает: и достойную, обеспеченную старость, здесь, в Германии, и отдельную квартиру, и медицинскую помощь, и изобилие, и порядок. Но разве человеку, прожившему жизнь в Ленинграде, так уж важен этот порядок? Кто знает, может быть, если бы она осталась там и по-прежнему вокруг нее крутились бы дети и уже взрослые внуки, и маленький правнук, и без нее было бы не обойтись, и если бы не было этой «второй эвакуации» — эмиграции, — может быть, и не отказала бы у нее память и не было бы такой старческой тоски, когда знаешь, что все уже могут обойтись без тебя, а ты только сиди и доживай в своем комфорте. Не привыкло так вот это поколение сидеть сложа руки. Там, дома, в Петербурге — Ленинграде, при всей нелегкости быта (в очередях отстоять, накормить семью, достать, устроить, договориться...), успевала мама и побывать на всех новых спектаклях, и в кино сходить, и с подругами встретиться. До старости сохранила она своих подруг. Только вот с каждым годом становится их все меньше...

Здесь, в Германии, тоже много знакомых, много хороших людей встретилось. Но тоска по родине так у нее и не прошла.

Я попробую передать то, что рассказывала мама о своей жизни. Рассказывала она довольно интересно, кое-что удалось записать на магнитофон. Почти все рассказы сводились к теме войны. Что-то было до войны, что-то было после войны. А многое было во время войны. Удивительно, но вот этот кусок жизни, называемый войной, тоже был наполнен событиями, и не только плохими. Люди были счастливы, когда встречались, сходили с ума от горя, когда теряли близких, но они ЖИЛИ — любили, надеялись, ждали. Наверное, потому, что это была их молодость, а в молодости и война воспринимается по-другому.

Вот что рассказывала мне мама:

— Я москвичка. Родилась в Москве. На Косихинском переулке жила родня моего папы — большая, дружная семья Позлоцких — папины сестры: Феня, Рива, Роза, Рая, Фрида и сводные, от второго брака отца — сестра Фира, брат Шурик (летчик) и Паша (Павел Злотогоров, режиссер театра Немировича-Данченко). Потом мой папа, Михаил Соломонович, познакомился с моей мамой, Рахилью, влюбился и уехал с ней жить в Ленинград. Мама была красивая, играла на фортепиано, пела романсы, была довольно образованная — она окончила гимназию, а по тем временам для девушки из еврейской семьи это была редкость. Мама была избалованная, требовательная. Папе приходилось много работать — он был торговым работником, но это было явно не его призвание. У него было только среднее образование, учиться он не смог, потому что сначала надо было помогать сестрам, а потом появилась своя семья. Я своего папу просто обожала и всегда ему очень сочувствовала. Это был золотой человек, с мягким характером. Я помню, как он приходил с работы домой усталый, а я садилась возле его колен, и для меня было удовольствие целовать ему руки... Когда меня отправляли в Москву к «теткам» —

папиным сестрам, — для меня это всегда был праздник. Меня там все ждали, встречали, водили по театрам, баловали.

А в Ленинграде мы жили вместе с маминной родней — Зальмановыми — на углу 3-й Советской улицы и Суворовского проспекта. Там была огромная квартира. В одной части жила мамина сестра Надежда Алексеевна со своим мужем Лазарем Григорьевичем Колодкиным, зубным врачом, и с сыном Толей. А во второй части жили мы с мамой и папой, мамина младшая сестра Ада и брат Данат — у него был еще театральный псевдоним Данич. Он был большой оригинал, ходил в бриджах и в клетчатых гетрах. Жены у него не было, была возлюбленная — негритянка Тина Наевна Хицрон, артистка театра Мюзик-Холл. Данич не очень любил родственников, а меня любил. Я приходила к нему в комнату, и он мне рассказывал разные интересные истории — он очень много путешествовал, знал многих артистов. Мамина младшая сестра Адочка, Аида Алексеевна, была замужем за эстрадным артистом. Его звали Ян, а театральное имя — Гут. Был такой эстрадный дуэт — Роб и Гут, они пользовались тогда очень большим успехом. Ада и Ян очень дружили с Клавдией Ивановной Шульженко и с ее мужем Владимиром Коралли. У нас дома собирались все эти популярные артисты — Шульженко, Коралли, исполнительница русских песен Мария Ивановна Дарская, певица Мария Казимировна Наровская. Для меня и моего двоюродного брата Толи каждый раз был праздник — застолье, музыка, шутки.

С Толей мы дружили всю жизнь, он был мне как родной брат. Когда выросли, у нас всегда были общие компании, общие друзья, и жили мы очень интересно. Толя был талантливый, музыкальный, родители хотели, чтобы он поступил в консерваторию. Но он выбрал юридическую карьеру, стал потом видным юристом. Сейчас ему тоже уже очень много лет, он заместитель директора Института международного морского права в Москве и судья от России в Международном морском трибунале, который заседает в Гамбурге. Но это все уже было потом... А тогда мне было 16, Толе 14. И началась война.

Блокада

В это лето меня хотели отправить на каникулы в Белоруссию, но в последний момент родители передумали. А родственники Лазаря Григорьевича — Геня, Лиза, Фаня, Сонечка — поехали туда на лето к своим родственникам. Там все они погибли, там вся территория была оккупирована немцами. Их буквально уничтожили, загнали в газовые камеры. В какой-то момент пришла телеграмма от Гени, сестры Лазаря Григорьевича: «Если можете, спасите нас». Но никто уже ничем помочь не мог. Вообще все пути уже были перекрыты. В Москву я тоже не смогла уехать. Началась блокада Ленинграда... Я была активная комсомолка, и мы с моими подругами Таней Эциной и Диной Эльман добровольно со школой отправились рыть окопы вокруг Ленинграда. В один из дней начался обстрел из дальнобойных орудий. Дело было к ночи, мы как раз собирались спать в палатках. Мы выскочили, полураздетые, и побежали в сторону города. Я бежала босиком, никогда это не забуду. Потом оказалось, что была прислана машина, и руководство школы, всё, кто мог, — удрали, нас бросили. Но мы все же как-то добрались, изодранные, в жутком состоянии. Папа нас встречал на каких-то железнодорожных путях. А Таня и Дина — это мои подруги, с которыми мы всю жизнь потом были вместе, всё переживали вместе. Дины уже нет в живых. А Таня живет с сыном в Ленинграде, звонит мне иногда сюда, в Германию.

Хлеба по карточкам стали выдавать все меньше, дошло до 125 граммов. И если бы не Клавдия Ивановна Шульженко, мы бы, наверное, не выжили. Артисты тогда обслуживали фронт, а жили они в бомбоубежище Дома Красной армии на Литейном проспекте. И Клавдия Ивановна нам там организовала питание. Мы туда ходили, получали кашу, суп — я, мама, папа и Толя. И еще с собой приносили, всем в квартире помогали. Но все равно все были голодные и измученные. Однажды папа шел по улице, вид у него был совсем изможденный, и вдруг возле него остановилась какая-то машина и какой-то

военный вышел и дал ему буханку хлеба. Папа принес домой этот хлеб и разделил между всеми. А Данич встал на колени и стал целовать ему руки... Но потом Данич все равно умер от голода прямо у себя в комнате. Я открыла дверь, захожу, а он уже мертвый.

Во время бомбежек мы прятались в бомбоубежище с вещами. У мамы начались голодные обмороки. Немцы уже были у черты города. И вот мы получили предписание от комиссии по эвакуации Смольнинского районного совета о том, что мы обязаны выехать из г. Ленинграда на все время войны в порядке эвакуации. Городские власти, видимо, понимали, что евреям не поздоровится в первую очередь.

Стали собираться — мама, папа, я, и Толя ехал с нами — он был уже совсем слабенький, я была постарше и как-то покрепче него. Путь наш лежал в Ташкент... И вот по Дороге Жизни, по льду Ладожского озера мы на грузовике доехали до станции Жихаревка, откуда уже шли поезда на Большую Землю. Сколько людей во время этого переезда погибло на наших глазах! Какой-то человек скончался в машине, в которой мы ехали. А из тех, кто добрался до этой станции, многие набрасывались на горячую еду, которую там раздавали, и умирали уже от того, что изголодавшиеся желудки не могли это перенести.

Эвакуация

В Ташкент мы добирались через Сибирь, больше двух месяцев ехали в теплушках — в товарных вагонах. Это был ужас! Еды практически не было. У людей был голодный понос. Туалетов не было. Спускались, когда были остановки, тут же около вагонов оправлялись — и обратно. Люди умирали прямо в вагонах. Толя был совсем слабенький. У мамы опухли ноги, и она вообще не могла вставать. На одной станции к моему папе подошла цыганка, хотела погадать, а потом просто на

него посмотрела и сказала: «Ты до места не доедешь». Наверное, такой у него был вид.

Каким-то чудом добрались мы до Челябинска. А в Челябинске находился полностью эвакуированный наш ленинградский Кировский завод, который выпускал танки. Заместителем директора Кировского завода был Толин родной дядя, Ефим Григорьевич Колодкин. Он нас встретил, взял Толю к себе, а моих родителей поместил в больницу. Восьмого марта в больнице папа скончался — от истощения. Там, в Челябинске, его и похоронили. Для меня это была трагедия.

Мы двинулись дальше и, после еще долгих мучений, наконец прибыли в Ташкент. А в Ташкенте нас встречала Тамара Ханум. Это была тогда очень известная артистка. Она со своим ансамблем исполняла песни и танцы народов Советского Союза. До войны она часто приезжала на гастроли в Ленинград и очень дружила с моей тетей Адочкой. И вот в память о ней (Ада рано умерла, еще до войны) она взялась нам помогать в Ташкенте. Организовала жилье, все устроила. Да и все, кто только мог, помогали, у нас были блокадные удостоверения. А я, выдержав всю эту ужасную дорогу довольно стойко, в Ташкенте уже тяжело заболела, долго лежала. Постепенно жизнь там как-то наладилась. Толя окончил школу. Я поступила в Технологический институт на вечернее, работала и училась. Потом уже с институтом вернулась в Ленинград. А в Ленинграде уже поступила в педагогический, вернее, это тогда был «Учительский» институт, и стала учителем русского языка и литературы.

В родном городе

Когда вернулись в Ленинград, наша площадь была занята, в квартире жили уже чужие люди. Но я добилась, и нас сначала прописали по лестничной клетке. А потом нам с мамой дали две

смежные комнаты. И мы стали жить в большой коммунальной квартире, в которой когда-то жили только наши родственники, а теперь во всех комнатах жили чужие люди.

В 1950-м я познакомилась со своим будущим мужем Львом Захаровичем Гальпериным. Вернее, это мой брат Толя нас познакомил. Они вместе отдыхали в Зеленогорске в Доме отдыха. Толя мне позвонил как-то: «Аня, давай приезжай».

Я тогда оканчивала институт, а Лёва — университет, факультет журналистики. Он был очень интересный, мы познакомилась, я сразу влюбилась, он в тот же вечер поехал меня провожать домой. За мной в это время ухаживал один капитан. Этот капитан сразу получил «отставку». И мы очень быстро поженились. А через год у меня родился сын Миша. Жизнь была полна трудностей. Во-первых, совместный быт с моей мамой... А главное, что Лёва долго не мог устроиться на работу. Это была такая несправедливость! Он, фронтовик, единственный из всего выпуска факультета 50-го года не получил распределения на работу. Вот такое отношение было в нашей стране к евреям. А тогда без распределения попасть в редакцию, в газету было невозможно... Он подрабатывал случайными гонорарами, обивал пороги редакций. Потом уже с огромным трудом устроился в Лениздат.

Такая короткая жизнь

Я хочу вклиниться в рассказ мамы и добавить то, что происходило уже в мои сознательные годы. Мой отец Лев Захарович Гальперин — один из тех людей, которые своей порядочностью и достоинством нередко осложняли себе жизнь... Он не терпел глупости и наглости. Был остроумен и очень щепетилен. В 18 лет его призвали в армию, он попал сначала в военное училище, получил звание младшего лейтенанта — и на фронт. Всю войну прослужил в зенитной артиллерии на

1-м Украинском фронте, прошел всю Европу. Папа был награжден орденом Красной Звезды, медалями. Выжил, сохранил своих фронтовых друзей — Сёму Прутковского и Алексея Максименко. Это тоже маленькая особая история. Мой отец и Сёма, два еврейских юноши из Ленинграда, служили командирами взводов, а Максименко, крепкий, закаленный украинец, был их командиром — командиром роты. И вот Алексей всегда, во всех ситуациях как будто опекал их обоих, старался уберечь, зря под пули не подставлял. Потом, после войны он уехал к себе в Великую Новосёлровку, под Донецк, и они на долгие годы потеряли друг друга из виду. А через 30 лет Алексей Яковлевич Максименко разыскал моего отца, приехал с женой в Ленинград на День Победы. И это была такая встреча, которую лично я никогда не забуду.

Отец мой, естественно, на фронте вступил в партию. И вот когда он уже стал работать, а работал он в советской печати, он очень быстро многое стал понимать. Он мне как-то сказал, что в других обстоятельствах ни за что бы не вступил в партию.

Он был журналист, но он не писал ура-патриотических статей, он выбрал себе более мирное занятие — техническое оформление газет. Написал диссертацию, а потом и книжку на эту тему. Тогда еще было далеко до компьютерного волшебства, и все делалось буквально вручную — редакторы и ответственные секретари чертили макеты, линотиписты набирали строчки текста, с фотографий делались металлические клише, верстальщики верстали газетные полосы. С этих свинцовых полос делали оттиски, которые проходили через руки многочисленных корректоров, редакторов, цензоров. Потом — ротационный цех, где с огромных машин сверху по конвейерной ленте съезжал тираж газеты, пахнувший свежей типографской краской, упаковывался в пачки. Папа во всем этом деле был ас. Он был техническим редактором ста тридцати многотиражных газет города Ленинграда. Многотиражки — это те газеты, которые выходили на всех заводах, фабриках, во всех вузах. А печатались они в типографии им. Володарского в Лен-издате. Папу знал весь город, вся эта многотиражная

журналистская братия... Его любили, потому что он был отзывчив, справедлив и компетентен. Очень многим он помогал, потому что, когда общаешься с таким количеством людей, естественно, что кому-то можно помочь устроиться на работу, кому-то найти хорошего врача... Многих он обучил газетному делу.

А в 1982 году случилась настоящая трагедия. В холодный апрельский солнечный день у папы прямо на работе, за его рабочим столом остановилось сердце. Скорая приехала через 11 минут. Но все было уже кончено. Ему было 58 лет. Можно себе представить, что творилось в тот день в Лениздате! И потом еще долго люди не могли прийти в себя. И многим долго его не хватало. Так что следующую часть жизни мы уже жили без него, и без него было нелегко... Не знаю, уехали ли бы мы в Германию, если бы он был жив, не знаю.

Добрым словом

Почти всю жизнь мои родители прожили в коммунальной квартире. Только в последние годы папа выхлопотал на работе отдельную квартиру и так радовался! Мама почти 25 лет проработала в заочной школе для моряков Балтийского пароходства, там матросы и рыбаки учились по программе средней школы, заканчивали 10-й класс. Мама много ездила по командировкам, они с коллегами выезжали в порты Балтийского пароходства — Ригу, Таллин, Лиенае, куда приходили наши суда, и там, прямо на судах, принимали зачеты и экзамены. Интересная у нее была жизнь. Она даже в Игарке — северном порту — побывала. Однажды судно потерпело аварию — пришлось по штормтрапу сниматься в шлюпки... Всегда она была в окружении друзей. И всю жизнь мама помогала людям. Таких отзывчивых, общительных и бескорыстных людей мало. Когда мы приехали в Германию, вокруг нее тоже как-то сразу

стал собираться народ. Маме довольно быстро дали квартиру, а многие еще жили в общежитиях. Двери ее не закрывались: кто чайку придет попить со свежим маминым пирогом, кто русское радио послушать. Она умудрилась на своем маленьком приёмничке сразу поймать российскую радиостанцию. Когда мы приехали, в конце 92-го, никакого русского телевидения ни у кого не было. Люди в первое время особенно старались держаться друг за друга — чужая страна все-таки. Это потом уже все как-то устроились, многие стали работать, все получили квартиры. Но все равно к маме любили приходить. Она и тут старалась как могла поддержать. Ведь далеко не каждый может выслушать, помочь советом или добрым словом. А мама могла. Всю жизнь она сочувствовала и помогала людям. Вот еще история, которая очень хорошо отражает ее характер.

Надо было помочь

Продолжение маминого рассказа:

— Да, многое пришлось нам всем пережить. Сколько людей пострадали при Сталине! В одной нашей семье! У моего папы были двоюродные брат и сестра. Они оба были одинокими и жили со своей мамой. Тетя Фрида работала врачом-рентгенологом в Куйбышевской больнице в туберкулезном отделении, а Михаил Исаевич, ее брат, был инженер-электрик. А фамилия их была Ягода. Они действительно были родственниками того Ягоды, члена правительства, — он был их двоюродный брат. Но они с ним никогда в жизни не общались, он вообще был мерзкая личность и родственников не признавал. Но из-за этой фамилии они пострадали, когда Ягоду объявили врагом народа. Их выслали в Среднюю Азию — сначала в Джамбул, потом в Бухару. Мать Дебора Моисеевна умерла в дороге. А они выжили там благодаря тому, что тетя Фрида

работала врачом, спасала людей, к ней и из правительства обращались. Своих специалистов там было очень мало.

После войны их реабилитировали и разрешили вернуться в Ленинград. Но квартира их, вернее, комната, была занята. Надо было им помочь. И я стала настаивать на том, чтобы прописать их у нас. Мама была против, тогда все очень боялись, даже несмотря на то, что они были реабилитированы. Но тут уж я настояла. Они какое-то время жили у нас, а потом им дали комнату в коммунальной квартире. Так они и жили вдвоем. Потом тетя Фрида попала под машину, погибла — была зима, скользко, она переходила дорогу, и водитель не успел затормозить. Водитель был виноват, но на суде дядя Миша сказал, что это была ее вина, чтобы не портить жизнь этому молодому шоферу. Ведь ее все равно уже было не вернуть... Он так один и дожил до старости, мы были его единственными родственниками. Мой муж его очень уважал, дядя Миша часто бывал у нас дома. Он меня очень любил и всю мою семью. До самой старости он боялся, что его заберут. Ночью от малейшего шороха просыпался, боялся, что это обыск, что за ним пришли...

А у одной из моих московских тетушек — тети Фени — была просто трагическая история. Страшная жизнь. Это была одна из папных пяти сестер. Она была очень красивая женщина. Во времена нэпа тетя Феня вышла замуж за обеспеченного человека. У ее мужа Николая Абрамовича были свое издательство, шикарная квартира, богатая библиотека. И он очень любил Фенечку и старался создать ей счастливую жизнь. Своего сына Сёму они отправили учиться в Германию, тогда была такая возможность. Он окончил там университет и вернулся в Москву. Это был 37-й год. ...Сначала забрали Николая Абрамовича. Потом забрали Сёму.

И больше она их никогда не видела. И больше она никогда о них ничего не знала... Один только единственный раз Николай передал с кем-то записку, сбросил с поезда: «Прощай, едем неизвестно куда». И все. Больше никаких сведений она никогда о них не имела. Я только помню, что когда сестры собирались вместе, стоял сплошной плач. Тетя Феня так и про-

жила до самой старости одна, в огромной жуткой коммунальной квартире в Марьиной Роще. Как она жила, я не знаю, у нее было заболевание спины, она согнулась прямо пополам. Но лицо оставалось очень красивым и благородным. Потом, когда уже всех реабилитировали, московские племянники пытались что-то узнать о судьбе ее сына и мужа. Наверное, что-то узнали. Но не знаю, стало ли ей легче. Что может быть тяжелее одинокой старости...

Каждый, наверное, может рассказывать интересные истории о своих родителях. Мне дорого все, что связано с жизнью моих родителей. Папа умер рано. А маме еще предстояло без него пережить эту эмиграцию. Наверное, она бы не поверила, если бы ей когда-то сказали, что в старости она будет жить в Германии. Да ей и сейчас, по-моему, до конца не верится. Ведь душа-то осталась там, дома. Действительно, все непросто.

Геворг
ГЕВОРГЯН
(Армения)

РОССИЯ

Россия — далекая страна, без берега, без края.
Обитель родов разных, мать как родная.
Много историй таят ее страницы.
Запутаны в них всех эпох и времен границы...

Озер глубоких да рек широких ты исток.
Зайдя однажды, чувствуешь: обратных нет дорог.
Творения, подвиги сынов, пример завидный.
Помнишь недругов оскал, их бег постыдный.

Злобу, дурь и удаль всякого хмурого врага
Поглощаешь тайной силой на долгие века.
Наставляем Богом да будет твой народ!
Он страж мира там, где война идет.

Раиса
МЕЛЬНИКОВА
(Литва)

РУССКИЙ ЯЗЫК

С давних времен корни, полные жизни,
В древнеславянскую стелются вязь.
С теми людьми, кто прославил отчизну,
Русский язык сохранил свою связь.

Русским владеть я считаю за счастье,
Предки велели язык наш беречь.
В тяжкие дни испытаний, напастей
Сил придает наша русская речь.

Русский язык разноцветен, прекрасен.
Зная его, можно мудро сказать:
Столько оттенков, метафор в запасе
В русском сокрыто! Как все передать!

Русский язык, как пример обновленья,
Помнит мир: «спутник», «Гагарин», «Восход».
Все словари занесли в свое время
Очередной новых слов этих код.

Русский язык — как прекрасная песня,
Русский язык — мысли вольной полет.
Живы культура и речь. Не исчезнет,
Будет жить вечно российский народ!

**Назар
ШОХИН**
(Узбекистан)

ЗАМЕТКИ О МИНУВШЕМ

Киоск

В 60-х – 70-х годах прошлого века киоск был больше, чем почта, телевидение и радио, — он был островком интеллектуальной жизни, своего рода сервером хрущевско-брежневской эпохи.

Продавец такого ларька при способностях мог превратить его в самую настоящую беседку. Так оно и происходило в хорошую погоду: по утрам, едва забрезжится, у киоска собиралась очередь из беседующих и живо обсуждающих что-то читателей, как правило, знакомых между собой, а в другое время дня дежурили охотники за дефицитными изданиями.

Хозяин киоска поименно знал своих покупателей, был в курсе их предпочтений, прекрасно ориентировался в окрестном пространстве, мог дать справку приезжему — гостю или туристу — о расположении улиц, а при желании — посоветовать, что купить из предлагаемого бумажного ассортимента, и даже пересказать нашуевшую публикацию распроданного издания.

Повсеместно существовал негласный цех продавцов киосков. Продавцы из числа ветеранов войны, инвалидов, пенси-

онеров любили порядок, действуя зачастую автономно от своего начальства. Существовали даже династии киоскеров.

Киоск, без преувеличения, превратился, выражаясь современным языком, в самую настоящую сетевую структуру со своим кругом пользователей.

В самом расположении стандартного типа советских будок «Союзпечати» (стандартных, прямоугольных, с прозрачной витриной или окошком, удачно вписанных в пейзаж) была разумная симметрия: «госплановская рука» в большинстве своем намеренно размещала их в самых многолюдных уголках, отдаляя от книжных магазинов и приближая к колхозным рынкам, тем самым превращая их, как бы сказали сейчас, в доходные точки уличного интеллектуального бизнеса.

Кстати, один из «Ренессансов» эпохи советских киосков пришелся на время, когда в них стали торговать лотерейными билетами. Лотерея была самая разная — от «Спортлото» до той, по которой разыгрывались произведения искусства.

Особняком в 1960–1970-х годах стояли филателистические киоски. Возле такого типа ларьков крутились — особенно по субботам и воскресеньям — дядьки-коллекционеры (своего рода неорганизованное общество) с пухлыми каталогами марок. В малых городах всякие попытки провести выставки марок обычно кончались требованием руководства вступить в советское общество марочников, зорко следившее за фактами незаконной торговли.

Прямые линии, козырек, стекло... в осеннюю погоду и студеные зимние дни среди черных ворон киоски выглядели воронами белыми.

Культура еды против воли питания

Что ели местные дети и подростки вне дома в среднестатистическом узбекском городе в диапазоне спокойного брежневского десятилетия — во второй половине 1960-х — первой половине

1970-х годов? Что в их питании выделялось особо: строгий рацион, широта ассортимента или перманентный дефицит?

Понятно, что приобщение к неродной коллективной еде начиналось с детских садов — коллективного мира одновременного воспитания и питания. Из того, что почему-то въелось в нашу память, — странные для местного ментального вкуса молочный суп с макаронами и плоские сухари.

Позже, в школе, цепочка «комната и кухня в одном здании» разрывалась, и в «столовых за деньги» дети приучались, например, к выбору, приобщаясь к далеким от домашних говяжьим котлетам с вареными макаронами, к брикетированному киселю, к фруктовому повидлу на ломтике буханочного хлеба... Повидло содержалось и в светло-коричневых жареных пирожках, хотя в большинстве своем они были начинены мясным фаршем. Несколько иное меню предлагалось для так называемой продленки или пришкольного лагеря.

Каникулярные путешествия школьников по городам Союза становились для общепита словно профессиональным переливанием крови. В отъезжавших из Ташкента вагонах-ресторанах кормили неизменным борщом с минимумом свеклы и максимумом капусты (иногда на бульоне из говядины на кости, редко со сметаной, часто с обилием обжигающего губы жира, а изредка в овощной благодати можно было обнаружить и мозговую косточку). Нередко детей-путешественников «баловали» и слабокислым рассольником (кальи) — супом с мелконарезанными маринованными огурцами, иногда с перловой крупой. Впрочем, обыденность советского пищевого репертуара изживалась где-нибудь в Тбилиси или Коканде застольными национальными обедами или ужинами на природе для командированных узбекистанских пионеров.

В пионерских лагерях важно было стимулировать аппетит. Помимо завтрака, обеда и ужина, здесь присутствовал полдник — обязательный элемент приема пищи в детсадах. А последний хорош, как известно, тем, что приучал юного узбекистанца не есть много на ужин, предохраняя желудок от переедания на ночь. Запомнились неотъемлемый атрибут

стола в пионерлагерях, в том числе пришкольных, — вызывавший насмешки гороховый суп, а также компоты и фрукты. (Напомним, что летом в каждой смене обязательно подсчитывался привес у пионеров и пионерского отряда в целом.)

Еще один — нерегулярный — прием пищи имел место во время посиделок. Так, негласный местный школьно-родительский этикет требовал накрывать парты для каждого одноклассника в честь дня рождения плитками шоколада и бутылкой лимонада вне уроков. Формально это было за пределами запрещавшего кремовые изделия советского школьного общепита, равно как и отмечание именин дома с тортами и пирожными.

Осень для городского подростка была неразрывно связана с ежедневным выездом на сбор хлопка в близлежащие колхозные и совхозные поля. Там школьники питались тем, что привозили из дома. И тут наполнение «поляны» целиком и полностью диктовалось не столовой, а исторической и национальной фантазией семей — узбекских, русских, еврейских... Из того, что особенно запомнилось, — предварительно замоченный в воде и жаренный в хлопковом масле картофель, а также дефицитный в то время и совершенно чуждый для местной школьной столовой горячий растворимый кофе в маленьких советских термосах.

Нельзя сказать, что в тогдашних гастрономах, продовольственных магазинах не было выбора для хлопкоробов и путешественников на малые расстояния. Перечислим немного: рыба — от дешевой кильки в томате, скумбрии двух-трех видов до сравнительно дорогой, около одного рубля, сайры («сары» в просторечии), а также консервы «Завтрак туриста», «ленивые голубцы» (капуста с тефтелями); баклажанная икра; жестяные банки украинского сгущенного молока... Ради справедливости можно упомянуть продававшиеся практически во всех магазинах напитки — болгарские грушевый и томатный, белорусский березовый и египетский апельсиновый соки.

И еще о фруктовой экзотике. Местные лимоны появились в середине 1970-х, а марокканские апельсины и латиноамериканские

бананы поставлялись в провинции московскими рейсами. Абхазские мандарины появлялись на прилавках и в подарочных пакетах накануне Нового года.

В далеких от Ташкента городах питались несколько иначе, чем в пристольных, кроме того, были различия и в рационе скученных городков Ферганской долины, с одной стороны, и городами малозаселенного запада республики — с другой. Предположим, плов и шашлык в точке городского общепита в Бухаре были редкостью, а вот ассортимент диетических столовых и точек, где питались юные спортсмены по талонам, был в Узбекистане практически одинаков.

Все это вовсе не означало, что детское и молодежное питание, полуофициальные общие столы позднесоветской поры были космополитичными, убивали индивидуальность и национальную специфику. В конце концов, брежневцы смогли создать здоровым питанием безжелтушный рай; микрорайоны-новостройки же с приезжим населением становились свободными от официоза, такими мирами со своими традициями кулинарии и коллективного застолья; а рестораны, по существу, подспудно культивировали новые веяния в мировой кулинарии.

Городские цветы

Как менялся за прошедшее столетие цветочный ландшафт садов и скверов в средних узбекистанских городах? Что нового внесли в местную садово-парковую действительность жители «лесов, полей и рек»?

Образцовая «цветочная витрина» располагалась, разумеется, вокруг партийных офисов. Необсуждаемым атрибутом таких садов были, конечно, розы, причем, как правило, алые, цвета красного знамени.

Меньше «везло» красным розам, как ни странно, в скверах вокруг памятников вождей. Почему? Всякие розы тут смотре-

лись словно посланные из средневекового восточного гаремного сада; они были как будто отчаянно влюблены, но... не в вождей!

Кусты роз всегда и везде походили на своих хозяев: партийные — всегда стриженные, ухоженные; обыкновенные дворовые — простенькие гражданки, ждущие садовых ножниц.

Огромные, выразительные — то ярко-розовые с желтой сердцевинкой, то чайные спелого цвета, то темно-красные, тянущие в сон, — розы цвели от самой весны вплоть до конца хлопкоуборочного сезона.

В элитных садах той поры можно было встретить оранжевую лилию, эту соблазнительную американскую иммигрантку с черными крапинками на цветках, будто дразнящую лепестками-язычками, эпатирующую беззастенчиво выставленными пестиками, увенчанными черными «уголками».

В детских садах возле хрущевских панелек, где царил дух приезжих инженеров, клумбы были усажены бледными и нежными космеями на тонких ножках. В ясельных цветниках обычно хранились лейка и мини-грабли-«царапки» для рыхления земли. Космеи, эти свободолюбивые растения-оптимистки, не складывали в букеты и не дарили — наверное, по причине их недолговечности.

Запомнились похожие на добрых татарских старушек в цветистых платках флоксы. А еще всплывает в памяти любимый местными садовниками белый, красный, красно-белый мирабилис, этот своего рода «метеоприбор», математически чутко реагирующий на время суток и оставляющий после себя «наследника» — крупное черное семечко. И, наконец, завсегда у узбекских садов и огородов — франт с малиновым тюрбаном — целозия, или петушиный гребешок.

Фиолетовые и темно-зеленые мелко нарезанные свежие листья и порошок сушеного базилика используются здесь как приправа. Этими кустиками-крепьшами, неповторимо благоухающими после вечернего полива, окаймляли, как правило, сады и скверы.

Местные славяне и татары, в отличие от начальства, любили ромашки и сирень. Ромашки, возможно, были символом

легкомыслия, сирень олицетворяла мещанство. Может, такое их восприятие было унаследовано из советских фильмов? Как умудрялись растить их при засоленной почве и горьковатой воде — уму непостижимо...

Разноцветные циннии обитали обычно в садах заводов и фабрик. Эти стойкие, очень неприхотливые декоративные цветы особой любовью пользовались у словоохотливых «строителей коммунизма», томящихся в ожидании своей очереди на квартиру. В огородах их не сажали, а вот на городских газонах их было предостаточно.

Очевидно, суеверие не давало местным хозяевам дворов растить у себя бархатцы (по-научному — тагетес). Большинство узбекского населения избегало их (равно как картофеля и сосны), потому и место им было или за воротами дома, или на кладбищах. Они пестрели там бордовыми, оранжевыми, желтыми нотками как символы бренности всего живого. Местные украинцы называли их чернобривцами.

Еще больше предубеждений было по поводу абсолютно невинной мальвы («рожи» по-украински), мало похожей на творение человеческих рук, этакой оппозиционной барской партноменклатуре барышни, всегда стройной, иногда достигающей человеческих плеч, с яркими цветками-маяками разнообразной окраски: в городах ее не любили, хотя садовники охотно культивировали мальву, борясь с запустением.

Лучше, чем к мальве, относились к такому же неприхотливому ее родственнику — китайскому гибискусу, скромному юноше со скрытыми амбициями. Внешне более изысканный, он не притягивал пыль, хотя и не отличался ароматностью; средней высоты кусты его с фиолетовыми и белыми цветами окружали многие скверики.

Городские цветы — явление особое. Их вид и запах в палитре городских красок и ароматов — неотъемлемая часть памяти о человеческих поколениях.

Душанбе

Около часа езды на самолете — и мы в Душанбе. В это сейчас трудно поверить, но с единым «молоткастым, серпастым» паспортом и общей советской валютой приехать тогда в столицу соседней республики и погостить там немного не стоило особых физических и финансовых усилий. Хотя в летние месяцы, надо признать, достать авиабилет по указанному направлению можно было только по большому благу — например, через знакомых в Бухарском обкоме или облисполкоме.

Это потом, через четверть века, мы узнали, что третьего сентября 1924 года самолет Ю-13 совершил свой первый полет по маршруту Бухара — Душанбе, и именно эта дата признается сегодня стартовой в развитии гражданской авиации Таджикистана. Ну а пока предстояло провести в столице соседней советской республики почти две недели школьных каникул.

Сразу после аэропорта мы всей семьей отправились... в театр. Знакомый отца, директор бухарского театра, рекомендовал обратиться к нашему земляку — народному артисту, который помог устроиться в лучшей гостинице (кажется, «Таджикистан»). Немного времени — и вполне приличные для середины 1970-х годов советские апартаменты были готовы к проживанию. С высоты этажей было слышно журчание фонтанов, видны нескончаемые кусты роз, а вечером звучала музыка, аж до крыши поднимался дым от шашлыка.

Все душанбинские каникулы дети были заняты поиском мест для игр, отец — своих однокурсников по Ташкентскому сельскохозяйственному институту, а мать обзванивала многочисленных подруг-одноклассниц.

Душанбе, маленький и уютный, тогда просто утопал в зелени. По улицам курсировали светлолицые и круглоглазые девушки в платках и национальных штанишках — родная Бухара на этом фоне выглядела пустынной и излишне эмансипированной.

Таджикская столица, как потом хорошо скажет диссидент Н. А. Воронель, была «ослепительно-белой, затопленной прозрачным воздухом, который врывается из многочисленных

ущелей сомкнувшегося высоко над городом горного кольца». Я бы добавил, что белый цвет здесь, в Душанбе, повсеместно соседствовал с бежевым и белым городскими цветами.

Местная речь в принципе была понятна бухарцу, правда, немного резала слух своей, скажем так, цветистостью. Знание языка выручило нашу семью, когда администрация гостиницы через неделю вдруг решила выселить нас из номера: к говорящим на таджикском здесь везде относились позитивно.

А еще было удивительно встретить в старых кварталах людей, говоривших по-узбекски, а в универсальных магазинах — гостивших здесь прибывших из Бухары знакомых бухарских евреев. Последних, но уже своих, здесь было тогда много, если судить по местным парикмахерским и предприятиям быта, и говорили они на более понятном для Бухары языке.

Русский язык, разумеется, использовался везде. Приезжим, командированным и туристам в этом отношении было очень легко. Перефразируя В. С. Высоцкого, добавлю, что проникновение «великого и могучего» особенно заметно было здесь в часто посещаемых бытовых местах: в общественных душанбинских туалетах надписи были на русском языке...

В один из дней в душанбинском кинотеатре удалось посмотреть совсем некассовую картину Узбекфильма «Встречи и расставания». Кто же знал, что десятилетия спустя сюжет про печальную судьбу узбекских мигрантов на Западе, роли которых были прекрасно сыграны народными артистами, станет вновь актуальным?

Дефицита хорошей музыки Душанбе, судя по ассортименту магазинов культурных товаров, совсем не испытывал. Так, здесь мы совершенно спокойно и за свою цену купили ставшую для центральных городов СССР уже старой, а для провинций все еще новую грампластинку-сборник «Искристый водопад». Песня «Дождливый вечер в Токио» американской певицы Бренды Ли после отъезда долго потом звучала с бухарского балкона, радуя весь двор. Советская власть, надо признать, вообще была очень «жестокой», тщательно отбирая лучшие образцы западной музыки и превращая их в массовые пластинки с «мелодиями и ритмами зарубежной эстрады».

Тридцать лет спустя пришлось устраивать в опустевших после каникул бухарских пионерлагерях бежавших от гражданской войны таджикистанцев, прибывавших сюда прямо с вокзала буквально в домашней одежде и тапочках ученых, писателей, музыкантов. Но это уже другая, совсем печальная, история для отдельного рассказа.

Кинотеатр

Знаете, почему местные кинотеатры все-таки не будут обречены на забвение? Потому что кино — это уже не конкурент любой современной религии, а ее помощник, театр же, веру проповедующий, — дополнительный храм обращения в веру.

Две половины (прекрасная и сильная) человеческого сообщества, хотя и по-разному, продолжают строить жизнь по сюжетам любимых фильмов. В темноте кинотеатра людям легче объединиться, испытать катарсис, погрузиться в мечту, которую создают талантливый сценарист и режиссер. Широкий экран делает неплохой фильм хорошим, а хороший — лучшим.

Что можно взять в кинотеатры будущего из прежних подобного типа учреждений? Фойе для зрителей, гардероб, буфет... — то, что давно подчинено театром (кинотеатром) сцене (экрану). Вполне приемлемы для настоящего семейные походы, развлекательные площадки для детей, общества киноманов (а последние были и в прошлом). И тогда наконец удастся вернуть кинотеатрам статус клуба по интересам, оставив идеологию в советском киножурнале.

Понятно, что все это станет возможным при условии повышения уровня жизни. Ведь пойти в кинотеатр и выбрать (а не просто посмотреть) там как лучшие национальные, так и зарубежные фильмы могут позволить себе относительно состоятельные граждане. И передовые технологии защиты от видеопиратства — разумеется, всему перечисленному подспорье.

Виктория ПОШОТЯН

(Армения)

СТРАНА МОЕГО СЧАСТЛИВОГО ДЕТСТВА

Я родилась в союзной семье — «союзной» по названию, тогда еще существующего государства — Союза Советских Социалистических Республик, — а также по принципу союза двух национальностей — армянина и российской украинки, вследствие чего семья наша получилась двуязычной, а русский язык — доминирующим!

Служа Советскому Союзу, в 42-м, мой дедушка ушел на фронт защищать тогда еще общую Родину и без вести пропал... Прошли годы, мой отец, в надежде раздобыть информацию о нем, отправился в Москву и окончил МТИЛП, где познакомился с моей мамой... В студенческие годы и после он упорно запрашивал все архивы, пока наконец не пришел ответ из Центрального (г. Подольск). Выяснилось, что дедушка погиб под Смоленском и похоронен в братской могиле в деревне Пустошка Смоленской области (сегодня — Днепровская). Столько лет спустя удалось почтить память и побывать на могиле погибшего дедушки, отдавшего свою жизнь на войне, объединившей братские народы во имя Мира сегодня. А вместе с моей мамой они стали одними из основоположников знаменитой в свое время легкой промышленности в АРМ ССР! Тогда многие получали высшее образование в столице или соседних республиках Союза и совместно развивали общую науку, промышленность и культуру страны!

Советский Союз (невзирая на негативные отзывы многих) в моей памяти сохранился как нечто теплое — семейное, мирное и светлое, полное блеска новогодних украшений, вкусовых, подарков и писем от Деда Мороза, незабываемых поездок в столицу — Москву — и летнего отдыха на море в Сухуми... Тогда, когда не было множества границ, изнурительных проверок документов, войны и вражды!

Советский Союз — страна моего Счастливого Детства!

100 лет СССР. Победа

**Ольга
НАЗАРЕНКО**
(Молдавия)

ПРОРОЧЕСТВО

Собрались мы сегодня, как в старое доброе время,
За все долгие годы поистине стали родными,
Наше общее прошлое оберегаем и ценим,
Ничего, что реалии жизни немного другие.

Между нашими странами — вечные ниточки дружбы,
Мы ее пронесли через годы и через ненастья,
Нашу память никто никогда ни за что не разрушит,
Любим общую родину — родину силы и счастья!

Пусть годы, как птицы, вперед унеслись,
Но мы остаемся родными.
Пятнадцать республик опять собрались
Под флагом великой России!

Нам есть о чем вспомнить. Мы вместе росли.
И наша страна вместе с нами:
Байкал, покоренье целинной земли,
Каналы и стройка на БАМе.

Пятнадцать республик, пятнадцать сестер —
Сказать невозможно, кто краше!
Поэтому тянет нас всех до сих пор
В историю славную нашу!

Пусть годы, как птицы, умчатся вперед,
Но мы остаемся родными
И знаем, что жизнь нас опять соберет
Под флагом великой России!

СИМВОЛЫ ЭПОХИ

**Сергей
ВОРОБЬЁВ**
(Латвия)

СИМВОЛЫ ЭПОХИ

Мы будем жить при коммунизме!
Его рубеж не так далек.
Трудом мы, подвигом приблизим
Великий день, заветный срок.

*Песня «Здравствуй, будущее!»
Слова Е. Долматовского. Музыка В. Мурадели*

Шел 1987 год от Рождества Христова. В те приснопамятные времена я, бывало, наезжал в Москву. И поскольку место моего постоя находилось совсем близко от ВДНХ, то я, не утруждая себя долгой ходьбой, наведывался в этот прелестный угол столицы, где главенствовал сталинский ампир во всей своей красе и помпезности.

Если идти от главного входа, то обязательно проходишь через центральную арку, напоминающую Бранденбургские ворота. В разные времена эти ворота или контролировались билетерами, пропускающими на выставку только по билетам, или открывались для свободного прохода граждан. По каким законам действовал этот пропускной режим, трудно сказать. Возможно, все зависело от времени и политико-экономической ситуации. В тот год «бранденбургские» ворота пропускали граждан страны Советов свободно и без препятствий. Оставалось всего 5 лет до краха страны, и никто ни сном ни духом

не ведал о сем. Народ валом валил в павильоны ВДНХ хотя бы одним глазом взглянуть на то, что отсутствовало на прилавках наших магазинов.

Не доходя до главного павильона «Союз Советских Социалистических Республик» с фасадом из торжественной белой колоннады, я заметил в одной из многочисленных боковых дорожек, обсаженных густым подстриженным кустарником, толпу людей, образующих очередь, двигающуюся крайне медленно, но все время прирастающую новыми очередниками. Дорожка-аллея была довольно узкой, народ заполнял ее по всей ширине, и, по всей вероятности, в конце был какой-то тупик, поскольку люди, дошедшие до цели, возвращались назад, а вернее — продирались сквозь плотную массу этой самой очереди, но в обратном направлении.

— Что дают? — спрашивали продирающихся.

Многие отмалчивались, тем самым подогревая аппетит жаждущей (неважно чего) толпы.

— Наверное, копченую колбасу выбросили, — предполагали одни.

— А может, меховые шапки? — догадывались другие.

— А вы, женщина, не елозьте под ногами, — слышался визгливый мужской голос, — лучше дайте пройти отоварившимся. Чего дают все-таки? — Интересно знать...

Тетка в черном затертом пальто и сером вязаном платке, продирающаяся сквозь очередь, передразнила:

— Чаво дают, чаво дают... Вот дадут очередь — тады узнашь чаво...

«Чем же решила удивить нас Советская власть?» — думал я, медленно продвигаясь в плотной волнующейся толпе к ориентиру, представляющему собой пока еще мифического продавца некоего дефицита. А дефицитом в те времена было все. Перестройка перестроила весь уклад более или менее сытой и обеспеченной жизни. Покупать было нечего. А здесь с верхушки власти намекали на какое-то ускорение, которое, по всей логике запущенных процессов, должно в конце концов привести нас или к расширению этой пустоты, или к самому,

что ни на есть коммунизму. А может, там и не продавец вовсе, а какое-нибудь голографическое исполнение фигуры, скажем, генерального секретаря партии в полный рост, которому, без опаски быть схваченным милицией, можно или плюнуть в лицо, или пожать руку, в зависимости от личного к нему отношения.

Когда моя очередь почти приблизилась к цели, в передних рядах женщина с норковым воротником на шее, энергично раздвигая локтями наседающую толпу, возопила неистовым голосом, подняв взор к тусклому, серому небу:

— Что же это такое делается! Почти час отстояла, а здесь непонятно что!..

— Расскажите, женщина, — раздался возбужденный голос из пошатывающейся очереди, — товар закончился? На всех не хватило, что ли?

— О! — вскрикнула очевидица. — Там на всех хватит с лихвой! Стойте, стойте, люди добрые! Я свое уже отстояла!

От этих слов в плотной среде людей перестройки возникли еще больший интерес и возбуждение, еще большее любопытство и азарт. Интрига приобретала почти необратимый характер.

«Наверняка там что-то любопытное — подумал я, окончательно приближаясь к цели, — а может быть, и какая-нибудь засада непредвиденная». Насчет колбасы и меховых шапок я уже не верил. Но что?!

На этот вопрос я не сразу получил ответ, так как, наконец-то оказавшись на переднем фронте очереди лицом к лицу с объектом общего интереса, долго не мог сообразить, что это вовсе и не лицо, а настоящий голый зад, которым завершался не то монумент, не то статуя, не то мраморный обелиск футуристического содержания. Сегодня такое назвали бы инсталляцией. Или скорее — перформансом, поскольку через определенный промежуток времени, когда нижняя часть «сооружения» зашевелилась, я осознал, что это живой человек, запутавшийся головой в спущенных до щиколоток штанах, но пытающийся натянуть их на свои оголенные ноги и на обнаженную нижнюю

часть торса, сложенную на зависть всем гимнастам, как на шарнире под углом почти в 180 градусов. При сих обстоятельствах зад представлял наивысшую точку этого перформанса и безучастно смотрел в тусклое московское небо, нависшее над ВДНХ, над Центральным павильоном СССР и над всей нашей необъятной страной.

Что можно еще к этому добавить? Я развернулся и, как ледокол, проламывающий ледяные поля Северного Ледовитого океана, пошел в обратном направлении, расталкивая честных и наивных советских людей. А когда по ходу меня спросили: «Почем товар?», я без колебания ответил:

— Богатыри! Бегите в сберкассе, снимайте все ваши накопления! Товар невероятно дорог.

Совершенно не задумываясь о сказанном, я был пророчески прав: через три-четыре года все многочисленные денежные вклады добропорядочных советских граждан сгорят в костре реформ и преобразований 90-х. Как будто через меня вещал чей-то голос свыше. Все деньги вкладчиков на их счетах действительно пропадут, превратившись в мизерные суммы. И останется один голый зад, посмотреть на который выстроятся колонны новых послеперестроечных россиян. Здесь сотворялась лишь малая прелюдия будущей катастрофы, намек на уже начавшиеся процессы развала и духовно-нравственной аннигиляции и материального упадка. Театр абсурда работал в полную силу. Все испытывали на себе давление начавшегося социалистического либерализма. Народ ходил в каком-то замешательстве, нутром чуя что-то недоброе и неизбежное, куда нас с успехом вела родная коммунистическая партия. А вот и пример ее работы:

«Партия торжественно провозглашает:
нынешнее поколение советских людей
будет жить при коммунизме!»

Из материалов XXII съезда КПСС

Да, это выдержка из программного текста, озвученная в 1961 году самим Н. С. Хрущёвым. И она накладными золотыми буквами была выложена на правом угловом фронтоном центрального павильона ВДНХ. Это я увидел именно в том пришлопомытном 1987 году. Семь лет мы уже должны были жить при объявленном коммунизме.

Раньше здесь стояло бронзовое изваяние Иосифа Сталина, строгого правителя земли Русской с прилагаемым к ней народом. У левого фронтона, через белокаменную колоннаду возвышалась по всем законам симметрии и соответствия другая значимая фигура — вождя всего мирового пролетариата Владимира Ленина. Но в 1962 году, когда уже был разоблачен культ личности первой (правой) фигуры, ее убрали с постаменты, а для соблюдения той же симметрии левая фигура Ленина оказалась сначала внутри павильона, в зале Конституции, а затем в 1970 году (к столетнему юбилею вождя) была установлена на постамент в сотне метров от фасада здания, ровно посередине.

«Какое бесстыдство, — опять стал рассуждать я, — партия торжественно (!) провозглашает...» Прошло с тех пор уж 26 лет, выросло новое поколение, которому суждено жить при коммунизме, а коммунизма даже не видеть. И никто не удосужился убрать «вещие» слова с павильона СССР. Или кто-то уже шагнул в этот коммунизм? Напрашивалось предположение, что просто не дошли до обещанного, не все силы для этого напрягали.

(В год наступления обещанной новой завершающей формации, правда, устроят Олимпийские игры. Как бы некое временное замещение коммунизма. Ну, хотя бы так. И на том спасибо Уму, Чести и Совести нашей эпохи.)

Назревала мысль, что если в коммунизм не вошли, вопреки воле партии, то по воле той же партии и из социализма рано или поздно выйдем под ярмо капитализма. Не воплотили будущее, отринули прошлое, в настоящем же остался кукиш, да и тот без масла. А то и голый зад стоящего в кустах в низком пояском поклоне пьяного мужика (что там стояла не женщина, было видно по всем анатомическим признакам). Практически это был символ эпохи — то, к чему так долго шли, принося

неисчислимы жертвы, и к чему наконец-то пришли. Надо хорошо понимать, что вся наша жизнь обставлена символами. Только чаще всего мы их не замечаем. А если и замечаем, то не придаем им значения. Символы всегда предупреждают и настораживают, заставляют задуматься над алогичностью и бездумьем самой жизни. Символы приходят сверху. Наша задача — в них разобраться. А что было написано на левом фронте, где когда-то стоял вечно живой, но в бронзе?

«ВСЯ ВЛАСТЬ В СССР ПРИНАДЛЕЖИТ НАРОДУ» — из конституции СССР

«Какому народу?!» — опять стал рассуждать я в порыве патристического чувства. Народу, представитель которого стоит сейчас в аллее в позиции высокого старта для забега в Светлое Будущее?

Лично на меня та описанная мной картина произвела настолько ошеломляющее впечатление, что даже по прошествии нескольких десятков лет я помню ее, как сегодняшний день, и делюсь ею с тобой, дорогой читатель, взваливая и на тебя бремя моих воспоминаний и ненавязчивых мыслей.

— Что же, — спросит меня тот же читатель, — написано в наши дни, вступившего в свои права XXI века, на угловых фронтонах Центрального павильона ВДНХ? Неужто те же слова и те же надписи?

Конечно же нет! Меняется время, вместо идей приходит бездейственность. А само время становится безвременьем. Из тех же букв кто-то набрал новые слова. А оставшийся алфавит приберег для другого поколения. На левом фронте вместо слов из советской конституции теперь выложено:

АССАМБЛЕЯ НАРОДОВ РОССИИ

На правом — с давней выдержкой из программы исторического съезда партии с обещанием коммунизма:

ДОМ НАРОДОВ РОССИИ

Народы России, будьте бдительны в своем Доме, чтобы вам опять не оказаться в той плотной непробиваемой очереди за мнимым благом, которое в конце концов оборачивается большой... Впрочем, прочитав все вышеизложенное, вы и сами догадываетесь, чем это оборачивается в конце концов.

Р. С. Здесь ничего не выдуманно, ничего не приукрашено и ничего не ретушировано какой-то определенной краской. Здесь все то, что мы видели и что пережили. Лозунги и слова, памятники и монументы, воззвания и декларации, инсталляции и перформансы определяют состояние общества и некий запах времени. Поскольку времени без запахов не бывает. Спросите это у любой собаки. И если ты, читатель, уловил хотя бы легкий намек на ароматы или отдушки периода 80-х, то я свою задачу выполнил — мы оказались там, где многое уже позабыто и потеряло истинный вкус.

Чтобы не было двусмысленности и какого-то неполиткорректного намека, можно было еще тогда, на волне перестройки, размножить идею стоящего в непотребной позе мужика, воплотить все это в белом мраморе и расставить в местах наибольшего скопления людей: на вокзалах, площадях, в местах народных гуляний. Чтобы оно было доступно без всяких очередей. И тогда стало бы всем понятно, что ждет советский народ в ближайшие несколько лет. Ну, в крайнем случае сделать хотя бы два таких мраморных монумента и поставить их на те места, где раньше стояли изваяния вождей перед центральным павильоном. И надписи тогда об обещании партии и выдержкой из Конституции вполне бы соответствовали самой идее новых шедевров: вот вам коммунизм, а вот вам власть народа.

Но все равно почему-то верится, что, несмотря на все намеки, издержки, перекося и недоразумения, мы будем жить при коммунизме. А то получается, что Долматовский с Мурадели зря писали свою песню.

*100 лет СССР.
Дорога в космос*

Геннадий ЦАРЕДВОРЦЕВ

(Молдавия)

СНОВА В СССР

Город прощался с ушедшим в историю очередным летом.

Праздно гуляющий народ в свой законный выходной, оккупировав парк аттракционов, брал с боем окруженные редутами неприступных очередей качели, карусели и машинки «Автодрома». Самые безрассудные из горожан, ничего не подозревая, садились в кабинки «Чертова колеса», а безжалостный механизм, как гигантская кофемолка, перемалывал время. Огромный, монолитный год был раздроблен в мелкую пыль секунд, и эта пыль, просачиваясь сквозь пальцы горожан, безвозвратно исчезала...

Чертово колесо спустило с небесных высот птичьего полета на бrenную землю мужчину лет сорока пяти — пятидесяти. Тот, после непродолжительного «полета», твердо став на ноги, обдумывал планы на ближайшее будущее: «Куда дальше? “Автодром”, “Ветерок”, “Сюрприз”?» Прекрасная погода, аттракционы, улыбки окружающих, детский смех — все это дарило благодать. Хотелось, очень хотелось, как в детстве, как раньше...

Нарушая благодать, в конце парка, сверкая яркими стробоскопами, алела огромная, полукруглая вывеска: “Back in The U.S.S.R.”

«При чем здесь U.S.S.R.?» Он помнил это название — старый хит с пластинки Пола Маккартни «Снова в СССР», но при чем здесь Маккартни и почему на английском?

Мужчина даже не сомневался, он точно знал — это был мираж, фата-моргана. Какой “Back in The U.S.S.R.”? Привидится же такое? Но надпись была, она огромной красной дугой возвышалась над павильоном, огибая герб Советского Союза.

С детства он помнил этот павильон — мечта любого мальчишки — зал игровых автоматов. Здесь за 15 копеек можно было сыграть в «Морской» и «Воздушный бой», в «Охоту на кабанов» и «Автогонки». Чего там только не было. Те страсти, что кипели в морских баталиях после брошенной «пятнашки», не снились ни одному казино с многомиллионными выигрышами.

В наше время любой автомат прошлого не выдержит честной конкуренции с самой простенькой современной компьютерной игрушкой. Да и 15 копеек для пацана того времени — серьезные деньги. Но тот накал страстей... он стоил потраченных 15 копеек. А сегодня здесь “Back in The U.S.S.R.” и герб Советского Союза. Нестерпимо захотелось назад — в СССР, где он молод и бесшабашен, где он с Яной только-только познакомился, и нет скандала, нет разлуки, где нет сделанных непоправимых ошибок. Правда, и сына еще нет, нет написанных книг, полученных наград и честно заслуженных регалий, нет любимой работы...

«Да, но после всего того, что я успел натворить, после всего содеянного мной у меня и сегодня этого нет», — и мужчина, спустившийся с небес на землю, шагнул in The U.S.S.R. Он постарается там исправить ошибки прошлого...

Внутри, у самого входа стояла стеклянная конторка, где когда-то давно бабушка обменивала деньги на вожделенные «пятнашки». Бабушка помолодела лет на пятьдесят. Милая девушка в ситцевом платье в горошек, в красной косынке на голове и, вы не поверите, с комсомольским значком на высокой груди мило улыбалась гостю:

— Здравствуйте, товарищ! Добро пожаловать в страну Советов!

Стоявший у нее на столе полуметровый бронзовый Ленин показывал ладонью дорогу в светлое будущее — внутрь павильона, а оттуда доносилось с детства знакомое:

И вновь продолжается бой,
И сердцу тревожно в груди,
И Ленин такой молодой,
И юный Октябрь впереди!

Вновь прибывшему хотелось попросить спортсменку, комсомолку и просто красавицу ущипнуть его. «Кажется, я сошел с ума. А может, это “Чертовое колесо”, черт его побери, каким-то образом вернуло меня в прошлое? Ну правильно, так мне и надо. С настоящим не справился — начинай сначала. Ничего не понимаю».

Голос комсомолки выдернул из топкого омута сомнений. Обращалась она к нему, как к старшему товарищу:

— Если вы будете покупать советские монеты для автоматов — вот «прайс-лист».

Не наше, несоветское «прайс-лист» вернуло гостю павильона потерянный покой: «15 копеек — игровые автоматы, 1 копейка и 3 копейки — газированная вода, 2 копейки — телефонный аппарат». Чуть ниже — стоимость номинала монет в современных деньгах. Такой курс доллара к рублю в лучшие годы не снился стране Советов.

Он все понял: «Буржуи вы недорезанные, даже бесплатный для всех коммунизм вы умудрились продать!». И сказка стала былью.

Но очень хотелось туда — пусть в ненастоящий, в картонный, из папье-маше, но в СССР. И он, набрав побольше копеек, которых так не хватало в детстве, шагнул в прекрасное вчера.

Зал весело подмигивал цветными лампочками игровых автоматов. Черно-белые телевизоры транслировали съезд ЦК КПСС с дорогим Леонидом Ильичом — без звука, а кино-

проектор проецировал на белое полотно небольшого экрана «Ленина в Октябре», тоже без звука. Из огромного лампового радиоприемника несло «вечное» про молодого Ленина, а рядом на письменном столе находились печатная машинка «Ятрань», фотоаппарат «ФЭД», бобинный «Маяк» и прочие чудеса бытовой техники прошлого.

Неподалеку от этого великолепия тарахтел аппарат газвод с граненым стаканом. Чуть правее блестела стеклами желто-красная телефонная будка.

В центре зала за огромным столом сидел худощавый парень в длинной кожаной куртке, подпоясанный португеей, с «маузером» на ремне и в фуражке с синим околышем на вихрастой голове. Гость «U.S.S.R.» обратился к юному «чекисту»:

— Это все работает?

«Чекист» был молод, неопытен и выдал военную тайну первому встречному:

— Работает, гражданин, работает, только монетки успевайте бросать. Приобрести ничего не желаете?

На покрытом красным кумачом столе, у вихрастого «революционера» было все: бронзовые «Ильичи» и «Железные Феликсы», ушанки с кокардами и пилотки со звездами, почетные грамоты и наградные вымпелы, значки ударников социалистического труда и медали ветеранов труда, комсомольские значки и октябрятские звездочки... Короче, полный ассортимент.

Посетитель скромно ткнул пальцем в сторону комсомольского значка. «Чекист» в фуражке, получив купюру, выдал покупателю чек, значок и сдачу. Тот тут же прицепил маленькое красное знамя с Лениным на грудь, на немой вопрос «революционного» продавца ответил:

— Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым!

— А-а-а... — вежливо парировал юный «комиссар». Но хитрый взгляд с головой выдавал парня: «Молодым, говоришь? Не дай бог дожить до такой молодости». «Вечно молодой» на него не обижался. Он помнил, как когда-то давно — в институте — сам с жалостью смотрел на 45-летнего «старичка» профессора.

От всего этого к горлу подкатил ком, внутри что-то сжалось, очень хотелось пить. Подошел к автомату газоды, бросил копейку — в стакан полилась бесцветная газировка. Выпил залпом и бросил «трешку» — потекла с сиропом.

То ли вкус не тот, то ли он не тот. Он все понимал: и сироп используют современный, и себестоимость этих монеток такая, что в другом месте упиться можно. Но очень хотелось из аппарата, да за копеечку, как раньше, как в детстве. Порадовал плакат с нарисованным аппаратом газоды и надписью на нем: «Вся страна пила из одного стакана, а эпидемий не было. Да и стаканы не воровали». Выпил через «не могу» еще один и, сполоснув, поставил на место.

Носившиеся по павильону суетливые иностранцы брезгливо поглядывали на него, на аппарат, на стакан. Мужчина с комсомольским значком на груди не осуждал их, он даже жалел их по-своему: «Эх вы, загнивающий Запад, ничего вы не понимаете! Да это не идет ни в какое сравнение с вашими жвачками».

А недорезанные буржуи бродили по залу, покупая ушанки, балалайки, матрешек с лицами советских вождей и прочие трофеи «холодной войны». Понял зрелый комсомолец, для кого этот аттракцион и почему вывеска на английском языке. Подтверждая догадки, гид-коллаборационист, стоявший возле спортсменки-комсомолки, получал свой честный процент за привезенных иностранных лохов.

Своими доводами нужно было срочно с кем-то поделиться. Посетитель, выбрав из жмени мелочи «двушку», подошел к телефонной будке, набрал Эдика. Девушка с плаката, приложив палец к губам, предупредила: «Помни — противник подслушивает».

Из телефонной трубки донесся недовольный голос Эдика:
— Да, слушаю.

Звонивший, подмигнув плакатной девушке, полушепотом, чтобы противник не услышал, ответил:

— Это я.

— Привет, привет! Узнал, не будешь богатым. А почему не со своего номера и что у тебя с голосом? Ты выпил или просто балуешься? Слушай, дружище, я сейчас, честное слово, не могу. Если у тебя ничего срочного, давай попозже, а?

— Давай, до связи.

Эта не настоящая, неискренняя, но советская атрибутика будила даже не юношеский, а какой-то детский азарт. Захотелось набрать номер и бросить трубку, позвонить в дверь и убежать, получить двойку и не дать дневник учителю.

Он, как мальчишка, швырялся «пятнашками» в игровые автоматы: «Морской» и «Воздушный бой», «Охота» и «Гонки», во что-то и чего-то там еще...

Но ни себя, ни время не обманешь. Все это ушло навсегда, прошлого не вернешь ни за какие деньги, даже за 15 копеек. А ребята? Они просто зарабатывают на ностальгии таких как он, на неиссякающем любопытстве иностранцев к пугающему величию бывлой Советской Империи, на странном, недопонятом до конца интересе молодых ребят к прошлому своих родных и близких.

Много, очень много лет Союз после распада поливали помоями все кому не лень. Этим же шесть лет занимались власть имущие нашей страны до ее развала. Тем не менее назло врагам Союз стоит, превращаясь вопреки всему в былинный героический эпос.

Если честно, гость павильона сам толком уже не понимал, где заканчивалась реальная история и начиналось мифотворчество. Что говорить о молодой поросли, выросшей в чащобе капиталистического бурьяна!

«Эх, видно, не получится — вечно молодым...» Но комсомольского значка не снял — тот дарил тепло, дарил надежду: «Если тебе комсомолец имя — имя крепи делами своими. Кстати, о делах, — посмотрел время, — Пора закругляться. Из комсомольского возраста я уже вышел, а в Партию меня все равно не примут, нет ее больше — Партии этой. Ладно, давай, прекрасное далеко, бывай. В прошлом можно побывать, но глупо им жить».

На выходе комсомолка в красной косынке, высунув симпатичное личико, кинула вдогонку:

— Если у вас остались советские монетки, их можно поменять обратно по номиналу, — сморщив носик, добавила: Просто мы покупаем их у населения, а монет на руках остается все меньше и меньше, так что...

Взрослый мужчина с комсомольским значком на груди высыпал перед девушкой жменю копеек. Та стала суетливо пересчитывать:

— Подождите минутку, я сейчас...

Мужчина положил свою ладонь на беспокойную ручку комсомолки:

— Не нужно, оставь, это все мелочь. Хочешь добрый совет, как комсомолец комсомолке? Сыграй в «Морской бой», попей газировки, а главное — позвони родителям. Поверь — это не мелочь, это главное.

Комсомолец с надеждой посмотрел на девушку: «Не поняла. Ничего, подрастет — поймет».

И «вечно молодой», сверкая буквами ВЛКСМ на маленьком красном знамени, вышел, оставив прошлое позади.

**Евгений
ОРЛОВ**
(Латвия)

НАШЕ ПОКОЛЕНИЕ ЗИМЫ

***

развал страны происходил при мне
делилось все что видел я в окне
делились двор дрова делился дом
делились проживающие в нем
делились птицы в желтой синеве
делились рыбы в синей синеве
в семье сестер сердечных и братьях
делился воздух и делился дух
сейчас живу предчувствием войны
за то, что были все разделены
смотрю в окно на полевой гранит
который нас опять объединит

***

я — наше поколение зимы
и незаметно стал одним из многих
чьи дни как пять копеек сочтены
метрошным турникетом однобоким

я — наше поколение читать
в пролетах между станциями Хэма
(интеллигентно в голову не брать
старушечьи попытки отодрать
от старика и моря и сиденья)

я — наше поколение мечтать
на кухне в одноклеточном угаре
когда-нибудь куда-нибудь слетать
хотя бы с принцем маленьким на пару
хотя бы даже с пешковым — на парму
а может с маргаритой — из окна...
(российская империя — тюрьма
тогда еще не пели под гитару)

я — наше поколение тоски
Цветаевой — по горю
Пастернака — по простоте
и разные куски
замысловатых музык и картин
сводить в один, но искренний спектакль —
трагедию! — где учишься грустить
и даже тихо очень тихо плакать...

я наше поколение — любить
не лапать по загаженным подъездам
а с расстоянья (чаще — безнадежно)
от обожанья слов не находить
любить тебя так искренно, так нежно
как дай Вам бог хоть раз любимой быть!

и быть вообще хоть как-нибудь любимой
в отсутствие
людей
прошедших мимо
метрошных турникетов

...может быть
однажды встретимся
в вагонной суматохе
Вы — ваше поколение весны
и незаметно станете одной
из многих

***

тут у меня каменный
узок узор оград...
тут и живу — тамовый
западный шелкопряд

шьется ль деталь шороха
варится ль сталь в нить
тут у меня — плохо мне
узко мне тут жить...

дышишь со сна ль соснами
или назло — в зной —
в этой стране плоско мне
вот и узор — злой...

вот и пряду туговой
русской души пядь...
алес зэр гут. мутно мне —
узок узор.

***

чередa новостей не вмещается в пеструю ленту окна
все такое пустое — как громкая песня без слов
поколение новых ведет на прогулку по жизни свои имена
поколение старых несет на прогулку по смерти решительно
все

на добре и на зле маркировка стоит «фифтифифть»
но осталась любовь, от которой следов не найти
ненавидящим прошлое выдано право вещать и творить
только детям пора ненавидеть все то, что уже впереди
такова территория века — его незатейливый блог
незаметное рабство в отсутствие смысла и новых идей
человек человеку всегда был верховный правитель
и маленький бог
от минуты рожденья до смерти и даже за ней

такова журналистика жизни — но можно ее не читать
отпустить от себя этот литерный транспорт общественных
схем
где-то в памяти дебрях найдутся чернила перо береста
недожженный огарок завещанный дедом кремль

дорогой мой редактор ослабь свой вселенский захват
я так долго молчу что язык — точно птица в горсти
человек человеку (подчеркнуто) все же товарищ и брат
дорогой мой редактор прости

**Бахтияр
КОЙЧУЕВ**
(Киргизия)

ГРОЗА

«Монтана!» — воскликнул Серёга, показывая на алые лучи оранжевого закатного солнца, пробивающиеся сквозь набухающие тучи. Все посмотрели на небо. После секундной паузы раздался взрыв хохота. Небо действительно было красивым, как на картине, скажем, с названием «Перед вечерней грозой». Однако смех не прекращался. Все поняли, что свое восхищение живописным видом Серёга невольно выразил названием фирменных джинсов, вожденной мечты всех мальчишек 80-х годов XX века. Да! Оговорка была по Фрейду!

«Душно, — прервал общий смех Мурыга, — погнали на озеро!» Толпа, состоящая из выпускников 10-го «Б» класса, поднялась и направилась к аэропортовому водохранилищу, венчавшему микрорайон Ботаника, окраины тогдашнего Фрунзе.

Где-то гремела Олимпиада-80, ее символ — мишка — готовился к своему историческому полету. Для нас же это было последнее лето детства. Сдав выпускные экзамены и получив аттестаты, каждый по-своему устраивался в жизни. Вечерами мы собирались, наслаждаясь азиатской знойной негой и буйству юношеской плотью, жаждавшей новых гедонистических ощущений жизни.

Озеро встретило нас удивительной тишиной и парной теплотой стоячей летней воды. Все бросились в воду: толкая

друг друга, брызгая, крича от восторга! Тишины как не бывало, штиль превратился в фейерверк брызг.

Спустив пар, выбрались на берег и, конечно же, закурили. Только Кыля никак не мог утомониться, вновь и вновь ныряя, доставая какие-то предметы со дна и швыряя их толпу, в которой все чаще звучали отнюдь не ласковые реплики в сторону дуркующего товарища. Все с нетерпением ждали его восхождения из воды, чтоб показать ему ту самую кузькину мать!

Вдруг раздался общий хор удивления и восторга! Из воды показалась сначала рука Кыли с бутылкой крепленого вина, а затем его счастливая рожа. Индальгенция была в его руках, и встречали его как полководца, прибывшего с добычей, чтоб разделить ее с товарищами.

Только Медет в общей суматохе успел одеться и уже, по своей хомячьей привычке, что-то быстро и незаметно метал из кармана в рот, быстро двигая толстыми щеками.

«Сейчас! Сейчас! — засуетился Мурыга, вытирая влажные руки и доставая из кармана брюк папиросы и что-то похожее на кусок, с маленький ноготок, пластилина. — Забьем ручник, у брата стырил. С вином будет самое то!» — под ропот одобрения проворковал он.

Медет испуганно встрепенулся: «Пацаны! Мне пора домой! Пахан сегодня дома!» Он стал уходить в направлении города, что-то достав из штанин и уже не тая хомяча измятую булочку. Медет навсегда уходил из нашей жизни. Поступив в Политех, он как-то подлым обманом отобьет девушку у друга, женится на ней. Успев сделать какую-то хозяйственную карьеру еще в советскую эпоху, он удачно и плавно с ворованным багажом войдет в дикий капитализм, даже станет депутатом. Туда ему и самая дорога...

«Крыса!» — сквозь зубы в сторону уходящего Медета процедил Мурыга, продолжая забивать косяк.

Серёга, посмотрев на темнеющее небо, тихо сказал: «Я тоже, пожалуй, пойду — надо готовиться к экзаменам». «Давай! Красавчик!» — за всех бросил Паша близкому другу. Серёга не торопясь направился в сторону домов, виднеющихся вдаль. Из

интеллигентной инженерной семьи, он пойдет по стопам родителей: окончит Политех, пойдет работать в милицию, впрочем, несмотря на погоны, заниматься будет техникой. Первая волна исхода русских из Кыргызстана захлестнет и его, выбросив в средней полосе России, откуда он позже переберется в Москву. Умные руки везде найдут себе применение.

Вино шло по кругу, его догонял косяк, отполировывая разгоряченное горло. Разговор становился непринужденнее и громче. Казалось, что все говорили одновременно...

Все, окончен бал, погасла папироса. Темнело. Купаться уже не хотелось — стали, смеясь и дурачась, одеваться.

Вдруг! Раскаты грома и разряды молнии осветили небо, и наливные капли пулеметной очередью застучали по листьям прибрежных деревьев, воде и земле! Гром и молния!

«Бежим к Политехнику!» — крикнул Мурыга и рванул 500-метровку по направлению к спортивному стадиону Политехнического университета. Взяли с места в карьер! Мурыга лидировал. Коренастый, кривоногий, но необычайно выносливый и быстрый, он классно играл в футбол, за что и получил прозвище Пеле. Его мать, уборщица в нашей школе, частенько гоняла его с футбольного поля на уроки. Впрочем, в этом было мало толку. Он добегал только до гаражей, стоящих сбоку поля, — место неизменной встречи двоечников и тунеядцев, любителей покурить и выпить.

Мурыга первым пересек спортивную площадку и подбежал к неприязательным приземистым хозяйственным постройкам, открыл ворота, на которых еще виднелась полустертая надпись белой краской «СССР», — видно, оставшаяся часть какого-то лозунга. Все ринулись к воротам, за которыми скрылся общительный и добродушный боец Мурыга.

В одной из периодически возникающих драк между районами его повяжут менты, все с тем же ручником на кармане. По первой ходке дадут поселение. Вернется он все таким же добродушным и отзывчивым парнем, с неизменной белозубой улыбкой на темном лице. Мурат, так звали его на самом деле, будет улыбаться и в тот день, когда на лестнице паркового

кафе будет стрелять в местного авторитета, спускавшегося с его девушкой, шалавой еще той. По второй ходке ему дадут на полную катушку. Мурыга откинется спустя годы добродушным и отзывчивым вором с неизменной своей улыбкой. Его труп найдут где-то в Лебединовке. Говорят, что в свою последнюю минуту он улыбался фиксатою улыбкой на темном, испещренном бороздками морщин лице.

Мы бежали, нет, парили, смеясь в полный голос. Генка несся за руку с подружкой Танькой. Она все делала наравне с ребятами — такой тип влюбленной девчонки-пацанки, стремящейся сопровождать друга во всех его делах и похождениях. Генка оборачивался на бегу к громогласным небесам и вел с ними диалог: «Да! Хорош! Завязывай!» Казалось, небо слышало его, отвечая еще более грозными раскатами и всполохами молний. Нас, возбужденных вином и анашой, это не пугало, а веселило, вводя в истерический смех. Богоборец Генка в очередной раз, огрызнувшись в небеса: «Да пошел ты!», подбежал к воротам, заглянул вовнутрь, оценив обстановку, пропустил Таньку, нырнув вслед за ней...

Позже они поженятся и будут так же бесшабашно жить, тусуясь в толпе пацанов, живя сегодняшним днем, наслаждаясь молодостью и веря в то, что так будет всегда... Пока однажды в парке Дружбы менты, молодые пацаны, почти наши ровесники, не обидят Таньку, делая двусмысленные предложения, а в итоге обзовут блядью и пошлют куда подальше. И она пошла. К кому же ей было идти, как к неродному Генке? Влюбленный, справедливый, не признающий авторитетов Генка с другом Валеркой, он был тогда рядом (а ведь мог бы быть кто угодно из нашего круга), побежали в парк. Ментам мало не показалось.

Валере дадут условно, Гена все возьмет на себя — ему наденут наручники и заберут прямо из зала суда. Танька билась и рыдала, кричала и материлась! Танька! Танька! Девчонка-пацанка! Где ты сейчас?..

Генку больше никто не видел. Что с ним стало? Не знаю. Однако такие, как Гена, не гнутся, да и не ломаются. Они либо

гордо стоят, споря с небесами, либо гибнут подобно стволам мощных деревьев, падая стоя. Хочется верить, что он выстоял и продолжает свой диалог с богом, спор, обреченный на поражение.

Мы продолжали свой бег к вожаденной цели, хотя он и не был обременительным... Мы были счастливы!.. Вперед вырвался Кыля.

Николай был из обрусевшей татарской семьи, его родители были глухонемыми, и когда они его звали, издавая какие-то звуки, получалось что-то похожее на «Кыляя» — так и закрепилось за ним это прозвище. Вот и он скрылся за воротами «СССР» ...

Кыля уйдет в армию с твердым намерением не возвращаться во Фрунзе. Да и куда возвращаться: в трехкомнатной квартире жили отец и мать — инвалиды, сестра Людка с дочкой и братишка Тимка. Он старший и должен уйти, искать свои пути-дороги...

На Севере, там, где служил, встретит девчонку — выпускницу школы, женится, пойдет в примаки и будет пахать на жену и ее мать, родившуюся дочку, пахать до седьмого пота. Пока однажды молодая жена бесшабашно и отчаянно на миру не загуляет со своим одноклассником. Этого Коля стерпеть не мог. Он уедет в Томск и начнет все сначала. Устроится работать на железную дорогу и будет пахать до седьмого пота. На работе встретит отзывчивую, а главное, трудолюбивую женщину. Они сойдутся, нарожают детей и будут, подобно пчелам, обустривать свой улей. В лихие девяностые он вызовет из Бишкека стареющих родителей-инвалидов, затем неприкаемую сестру — мать-одиночку, — а позднее подтянутся и брат с невестой, бегущие из родного города, в котором становилось все неудобнее. Улицы заполнялись решительными и агрессивными приезжими из регионов людьми, ищущими свое место под солнцем там, где у горожан был свой налаженный быт и образ жизни. Не было ни работы, ни надежды, да и родные за тридевять земель. Тимка последний из семьи уезжал из родного города. Николай соберет всех вокруг себя и будет

пахать до седьмого пота, чтобы прокормить родителей-инвалидов, жену, детей, внуков, помогать сестре и брату. Кажется, он счастлив...

Вот и Кыля скрылся за воротами... Остались только мы с Пашкой. Мы посмотрели друг на друга и увидели в глазах свои отражения, и взорвались еще более диким хохотом. «Давай быстрее!» — крикнул Паша, уже скрываясь за колеблющимися воротами.

Паша был музыкант от Бога, самородок, вызревший в простой рабочей семье. Он окончил сначала музыкальную школу и после восьмого класса поступил в училище по классу фортепьяно. Как он играл! Казалось, боги оставляли все дела, чтобы слушать его. Пытался он и сочинять. Вроде что-то получалось...

Однажды его задержат с пятью граммами анаши — шалости самоутверждающейся юности. Дело доведут до суда, и отправится Паша на поселение в Джамбул, работать на стройке. Там, снимая бетонную плиту с башенного крана, он сломает пальцы, пальцы музыканта. И рухнет мир! Сломается судьба...

Паша вернется во Фрунзе, будет метаться в поисках работы и себя. В какое-то время, кажется, найдет работу по душе — настройщиком пианино, — но вновь не сложится: кому они были нужны в горемычные девяностые! В отчаянии пристрастится к наркотикам. Вместе с братом Митькой будет курить сначала анашу, потом колоться эфедрином, затем опиум... Как тогда говорили: «Уколоться и упасть на дно колодца»... Все глубже и глубже... Пока однажды их мать не встрепенется: продаст весь нажитой за долгие годы скарб, возьмет за шкурку спивающегося мужа и детей-наркоманов и отправится с семьей на историческую родину, в Алтайский край. Там начнут всё сызнова: обустраиваться, отойдут, обзаведутся знакомыми, дети — семьями, и побегут новые побегии рода Широковых. Говорят, Кыля, по слухам, уже похоронивший Пашку, увидит в интернете групповую фотографию всего «святого» семейства и рванет к ним, чтобы обнять друга детства. Приедет он как раз к свадьбе сына Митьки. На свадебной фотографии на самом краю будет скромно стоять вечная труженица баба Варя, спасшая и сохранившая семя рода Широковых.

Паша женится на доброй, хозяйственной женщине, воспитывающей дочь. Он искал покой и основательность. Она рассудила трезво: мужские руки в хозяйстве всегда нужны. Да и бабий век ее еще не закончился: хотелось любви и ласки, быть нужной и чувствовать себя защищенной. Встретились два одиночества и стали жить-поживать да добро наживать. Кажется, Паша угомонился, нашел смысл в праведном труде, а отраду — в пчелах; они держали улей. Скотина, огород и сад. Что еще надо, если не для счастья, то для покоя?

После трудовых будней выйдет Паша в сад, забудет косяк — и затоскует вдруг душа. Включит старый магнитофон и будет слушать любимый джаз, качаясь в такт музыке, а натруженные, мозолистые, длинные пальцы бывшего музыканта будут отбивать такт...

«Паша! Ты ворота закрыл? Пойдем спать», — возвращает его домой жена. Он медленно встает и идет закрывать на засов тяжелые ворота.

Ночью ему снится сон и страна иная, азиатская, знакомая родная в свежести весеннего утра, видимого из распахнутых сиреневому аромату окон, и журчание разливающейся по асфальту арыковой воды, служащей фоном для звучащей из кабинета музыки Грига, песни Сольвейг:

Зима пройдет, и весна промелькнет,
И весна промелькнет;
Увянут все цветы, снегом их занесет,
Снегом их занесет...
И ты ко мне вернешься — мне сердце говорит,
Мне сердце говорит,
Тебе верна останусь, тобой лишь буду жить,
Тобой лишь буду жить...

Ко мне ты вернешься, полюбишь ты меня,
Полюбишь ты меня;
От бед и от несчастий тебя укрою я,
Тебя укрою я.

И если никогда мы не встретимся с тобой,
Не встретимся с тобой;
То все ж любить я буду тебя, милый мой,
Тебя, милый мой...

— поет холодная, снежная принцесса, девчонка-недотрога в белых носочках Изольда, к которой бежит, несется, стремится его душа все ближе и ближе, она вдруг превращается в девочку-женщину Лену — первую его женщину со смеющимися, вожделенными, греховными, зовущими, возбуждающими, предающими глазами, скрытыми за челкой волнистых, ветвистых, ветреных волос, к которым он протягивает руки, чтобы погладить, приласкать, привлечь, поцеловать, простить, попросить прощения, забыться и заплакать, скрывая слезы, неподобающие мужчинам, поднимающим руки, на которых защелкивают наручники откуда-то взявшиеся милиционеры...

«Паша! — раздается издалека — Паша-а-а! Вставай!» С трудом освобождаясь из оков Морфея, он приоткрывает глаза и видит озабоченное лицо жены: «Паша, вставай. Пора собираться, ехать продавать мед». Он с трудом садится на кровати, как-то сразу постаревший, ссутулившийся, медленно качает головой, приговаривая: «Мед... Мед... Мед... И я там был... Мед пил, по усам текло, в рот не попадало...».

Вот и Паша скрылся за скрипучими воротами с уже едва различимой надписью «СССР»... Интересно, что там за дверью, как они там, что делают? Еще немного, и я буду с ними...

Я так и остался на том поле. Счастливым и пьяным в каком-то странном экстатическом единстве с небом, громом и молнией, дождем и землею... Остался там — в последнем лете закатного детства.

**Александра
БАНДУРИНА**
(Латвия)

ГЕРОЮ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

С друзьями играл в президентском дворце*,
Разглядывал звезды в сегодняшнем храме
И только слегка изменившись в лице,
Прошел сквозь свои планетарные драмы.
Нет, не был провидцем, иудой, вождем,
На танк не залазил, не плакал в сторонке.
Но если проходит по жизни разлом,
То всех засосет злая сила воронок.
Казалось: в запале мир выбрал тебя
Какой-то нелепою осью вращения.
И не потому, что ты центр бытия,
А лишь оттого, что не дал измененьям
Добраться в душе до хранилищ на дне
(То догмы иль вера — кому как по нраву).
Потом ты поймешь: у идей и людей
В неравной борьбе не отыщется правых.

Век прошлый раскинулся сном позади
И множит ночами фантомные боли.
Герой, затерявшийся между людьми...
Ах, выбрать бы время по собственной воле!

---

* Президентский дворец в Латвии в советское время был Дворцом пионеров, Кафедральный православный собор — планетарием.

***

«Все течет, все изменяется», — сказал мудрый Гераклит.
Умиротворяет, словно плеск волн, пока не касается тебя.
Но касалось, и как еще касалось — с разгону, наотмашь!
Границы, будто дикие, злобные коты, выгибали спины,
рвали на куски, ставшие добычей страны.
Красные и черные дни календаря в жестокой схватке
стирали друг друга из памяти.
Река времени уносила близких,
и некого больше назвать папой и мамой...
Где же он, спасительный спасательный круг, —
ухватиться, удержаться в этом круговороте?
Странно, но по-настоящему надежными кажутся мне сейчас
летающий по ветру желтый осенний лист
и ускользающая, еще не рожденная, строка...

Юрий
ЛАЩЕВСКИЙ
(Молдавия)

КАК СТАТЬ ГЕНИЕМ В СОВЕТСКОЙ МОЛДАВИИ

Люди вчера, ложась спать, не подозревали, что этот вечер последний. С завтрашнего дня будет все по-другому: тихой, спокойной, безмятежной жизни пришел конец. Был обыкновенный субботний вечер. И только утром, проснувшись, они поняли, что стали свидетелями чуда.

Вслед за субботой, вопреки календарю, не пришло воскресенье. Субботу сменило воскресенье. Воскрешение природы. Природа, уставшая от непосильной работы летом, простуженная и обессиленная от бесконечных дождей, потерявшая последние силы от авитаминоза, умирала. Умирала долго, всю осень. Первые морозы убили ее окончательно. Зима укрыла погибшую белым саваном снега. Всем казалось, что больше нет никакой надежды, веры, любви. И только сегодня, рано утром, восходящее, красное от перенапряжения солнце громко, на весь мир, прокричало: «Встань и иди!» И, как почти две тысячи лет назад некто Лазарь, природа встала и пошла. Пошла и повела за собой. Сегодня, как никогда, хотелось жить, петь, творить, пить жизнь большими глотками. Жмурясь от яркого света, просыпался лучший в мире город — Кишинёв. Просыпалась южная, яркая, как это утро, республика Молдавия — пусть маленькая, но самая чудесная часть большого Союза. Просыпался весь Советский Союз. Просыпался весь мир, без оглядки на часовые пояса.

Был 1989 год. Конец восьмидесятых. Подходил к концу век. На исходе было тысячелетие. Заканчивалось что-то большое, хорошее, светлое. Несмотря на возрождение природы, в воздухе чувствовалось нарастающее напряжение. И только выдающийся поэт успокаивал нас из динамиков магнитофонов хриплым баритоном: «Ведь конец — это чье-то начало».

В одном из многочисленных парков культуры и отдыха города в это волшебное утро открывалась выставка молодых молдавских талантов. Это, конечно, не был ковчег допотопного Ноя, но представителей каждого направления живописи было по паре, а порой и по паре пар. Аксакалы от живописи здесь представлены не были — это было выше их достоинства. Но сами аксакалы были. Они не спеша, с чувством собственного достоинства ходили вдоль работ подрастающих конкурентов и наиболее ярких, с их точки зрения, били критическими замечаниями на взлете. Нет, они, конечно, вне конкуренции, но все равно всякую попытку сравниться с ними пресекали в зародыше. Мэтры живописи забыли свое «золотое детство». Молодые художники тоже не дети, они, не без достоинства, предлагали оценить свои немногочисленные работы. Они давно уже были титанами живописи и съели не один пуд соли с масляной краской вперемешку. Ребята постигли такие глубины Вселенной и заглянули настолько далеко внутрь собственного подсознания, что пенсионеры от живописи на их фоне казались им малярами из ЖЭКа, и далеко не самого высокого разряда. А если кто с этим не согласен — дуэль, хоть на кисточках, хоть на шпагах. Мудрое солнце, отскакивая от стекол павильона, улыбалось им с полотен молодых талантов. Оно пережило не одно поколение «отцов и детей». Солнце убаюкивало, успокаивало и тех, и других. Но предстоящие тектонические сдвиги чувствовали все. И молодежь, чьи рецепторы были восприимчивы к малейшим изменениям извне, и мастера культуры, пусть слегка забронзовевшие, но все-таки художники.

Где-то далеко, на уровне горизонта, даже невооруженным глазом видна была надвигающаяся смена эпох. Что-то большое,

невообразимо огромное, но хорошо знакомое и до боли родное уходило в прошлое. Надвигалось не менее величественное, непонятное и потому пугающее будущее. Именно в этот промежуток безвременья нужно было успеть. Успеть многое, а может быть, главное. Художники не писали свои работы — в творческом экстазе они просто фонтанировали идеями. Стараясь обогнать друг друга, творцы все дальше и дальше уходили как от реализма вообще, так и от соцреализма в частности. Молодые таланты нарочито вносили в свои работы элементы некой незавершенности, смело экспериментировали широкими мазками, отважно пародировали классические элементы живописи и совсем уж бесстрашно занимались пародированием пародирования.

Ласковое солнце играло солнечными зайчиками на трех новых картинах молодого художника — Марка. Это был чуть выше среднего роста стройный двадцатилетний парень в потертом джинсовом костюме. До сегодняшнего дня Марк пока что не продал ни единой картины. Веру в то, что его картины можно продать, он давно подрастерял, как веру в светлое коммунистическое будущее.

— А как называется данный стиль живописи? — Художнику широко улыбался мужчина, напоминающий чудаковатого ученого из фильма «Назад в будущее».

— Родоначальником заинтересовавшего вас направления, так называемой «аналитической» живописи, является Павел Филонов. В основе созданного им канона лежит принцип максимальной сделанности.

— Скажите, пожалуйста, а вот эти нереальные цвета? Признайтесь, вы их сами придумали? Я в природе таких не встречал, а повидал я, вы уж поверьте, немало. — Странный искусствовед ходил вдоль полотен, на уровне слышимости шептался с ними, поглаживал холсты, желая удостовериться, что это действительно картины, а не его галлюцинация. Резко останавливаясь, незнакомец хищно потирал руки. Глаза его при этом очень страшно наполнялись огнем. Марку стало не по себе: «Чур меня!»

— Палитра в аналитической живописи составляется в соответствии с принципом гармонизированных колеров. Любой цвет нейтрализован своей противоположностью в цветовом спектре, а также приглушен черным и белым. Обратите, пожалуйста, внимание на отсутствие собственного цвета предметов...

— Не обращу, — ответил слушатель его первого в жизни творческого семинара. — Я категорически не разделяю ваш взгляд на живопись, на цвета, на палитру. Я вообще вижу их совсем иначе — не так, как все остальные люди.

— Извините, вы дальтоник? — Марк до сих пор не до конца понял, этот тип придуривается, или говорит серьезно.

— Как вы могли подумать, боже упаси — я не дальтоник, я цветоаномал! Черное вижу белым, белое черным, — «цветоаномал» произнес это без малейшей тени юмора.

— Я надеюсь, это касается только окраски предметов, а не жизни вообще? — пошутил художник.

— А вы — смелый человек, если верить всему вышесказанному, не побоялись выставить ваши шедевры здесь, один, без охраны. Как-то это неосторожно с вашей стороны. — На живописца смотрел серьезный, даже немного обеспокоенный взгляд.

— Все холсты для меня как дети, каждый со своим именем, — набивал себе цену Марк, — и берегу я их, как младенцев. Правда, вырастая, отпрыски стараются упорхнуть из родного гнезда. — Художник как мог старался изобразить на своем лице всю горечь брошенного всеми родителя — стакан воды подать некому. Если бы здесь и сейчас рядом с ними стоял Станиславский, он, горько плача, простонал: «Верю!»

— И, если вы желаете, эта невосполнимая утрата может обойтись вам... — Он, черкнув ручкой, продемонстрировал собеседнику написанный в блокноте ряд цифр. Марк, затаив дыхание, ждал.

— Однако, а вы дорогой художник! Сразу и не скажешь. У меня к вам встречное предложение.

«Будет торговаться, — понял Марк, — тут главное — не подешевить».

— Я вам предлагаю миллион долларов США, — именно таким тоном покупатель просит продать ему коробок спичек за копейку. Марк, поперхнувшись, подумал, что ослышался. — Да-да. Миллион долларов. Вы не ослышались. — «Нет, не показалось, он что, мысли читает?» Торговец прекрасным ожидал чего угодно, но такого... — Но для начала разрешите представиться: Эпштейн Владимир Иосифович. — «Миллионер» элегантно протянув руку, щелкнул резко сведенными каблукками и театрально склонил голову.

— Марк. — В ушах гудело, художник, тяжело дыша, отзеркалил кивок головы и щелчок обуви. Он не замечал, насколько судорожно, даже истерично отвечает на сухое, крепкое рукопожатие Эпштейна.

— А меня зовут Дудик! — бесцеремонно, протягивая руку Эпштейну и заглядывая в блокнот Марка, в разговор встрял сосед по выставке, здоровяк Дудинцев. — А мои картины не хотите посмотреть?

— Нет, Дудик, не хочу, — погасил в зародыше «третью мировую» Эпштейн. Произнес он это спокойным голосом судьи, последний раз деревянным молоточком стукнувшим по столу. — «Приговор оглашен. Обжалованию не подлежит. Обвиняемого возьмите под стражу, остальные — расходитесь по домам».

— Так что там насчет миллиона? — Марк улыбкой победителя вернул разговор в прерванное русло.

— У меня есть дядя по фамилии Маренис, — рыжий «миллионер», хитро улыбаясь, перешел на «одесский диалект», хорошо знакомый всем жителям Союза по еврейским анекдотам. — Молодой человек, вы сейчас с меня будете улыбаться, но я все равно расскажу вам за моего дядю, пусть он живет двести лет, и я рядом с ним. Так вот, во всем мире есть только два настоящих ценителя искусства: я и мой дядя. Только я таки советский, а он американский. И что вы думаете, ему таки подфартило являться владельцем художественной

галереи имени самого себя в небольшом городке Нью-Йорк, — точно так же, легко и непринужденно, он вернулся к прежней манере разговора. — Исходя из волны интереса к современной советской живописи, дядя дал мне карт-бланш на подбор художника и проведение его выставки-продажи в своей галерее. Я поклялся дяде «на зуб», что выполню его просьбу в лучшем виде. Предлагаю эту миссию вам! — Он улыбнулся художнику в тридцать два своих великолепных зуба. На долю секунды все присутствующие были ослеплены белизной улыбки «Американца»...

«Да, клятва дяде на зуб дорогого стоит», — по достоинству оценил работу стоматологов Марк. А Эпштейн, не жалея окружающих, все увеличивал и увеличивал яркость своего личного обаяния. В чем, в чем, а в этом он был уверен так же, как в безотказности автомата Калашникова. Похоже, “Калашников” Эпштейна впервые в жизни дал осечку.

Кислая мина молодого, но очень перспективного художника растворила гильзу патрона, и пуля «американца», так и не покинув ствол, не достигла цели:

— Спасибо, конечно, за высокую оценку моего скромного таланта, но... Как бы так помягче: мои материальные возможности не всегда совпадают с желаниями. Нью-Йорк — это немного дальше, чем я могу себе позволить.

«Ну что ж — на войне, как на войне», — неугомонный племянник дяди Марениса, передернув затвор своего личного обаяния, удалил неисправный патрон и дослал в патронник следующий. Литературным языком Исаака Бабея он открыл огонь на поражение:

— Золотой ви мой, що ви мне постоянно говорите за такие глупости, как деньги! Божешь мой, ви на части рвете мне мое больное сердце! — спустившись с небесных высот Бабея на незыблемую твердую почву языка Пушкина и Толстого, он продолжил разговор: — Ладно, давайте теперь начистоту. Я вижу в вас огромный потенциал. Я могу дать вам заработать хорошие деньги, да и, чего греха таить, я сам хочу получить с этого мероприятия неплохую сумму. Проданные вами

картины, мы разделим по-братски — пятьдесят на пятьдесят. Я думаю, это честно. Все довыставочные расходы я беру на себя, а потом, как честный человек, я вычту их из вашей зарплаты. Ну что, по рукам? — «Американец» был уверен в своей победе и, широко улыбаясь, смотрел в глаза обреченному противнику.

— Надо подумать. — Марк с трудом держал строй. — А разрешите спросить, сколько нужно картин для выставки и какой запас времени есть у меня до начала этого многообещающего события?

— Скажу честно, — снисходительно ответил «честный агрессор», — меньше, чем с сотней картин, ехать нет смысла. И дядя не поймет, и денег не заработаем. А срок? Я могу вам дать максимум год. Мы должны успеть оседлать волну интереса американских ценителей живописи к молодым советским талантам из Молдавии. Что будет дальше — неизвестно, и все это будет впустую. — На этот раз девять граммов свинца попали прямо в цель.

— Это будет сложно! — простонал обескровленный Марк. — То, что вы видите, — это все, что у меня есть. Остальные работы — банальный реализм.

«Американец» в последний раз передернул затвор и, не целясь, выстрелил в упор:

— А кто сказал, что будет легко? Ничего, ничего, мой юный друг, я в вас верю, и у нас все получится. И еще: миллион и Америка — это, конечно, хорошо, но это не самое главное. Только там вы сможете подтвердить или опровергнуть творческие амбиции талантливого художника, а может быть, даже гения. Такого случая у вас, возможно, в жизни больше не будет. Подумайте, время еще есть. — Это был уже ультиматум победителя побежденному.

— В среднем на такую картину уходит до двухсот рабочих часов, но даже это не гарантирует появления шедевра, — контуженный предложением художник разговаривал теперь сам с собой. Ему очень не хотелось сдаваться — русские, и бойцы-живописцы, не сдаются. — Занимаясь творчеством в среднем

по четыре часа в день, за год можно написать около семи картин. Итого — десять. А как же еще девяносто?! Ведь это, получается, надо писать по одной работе в три с половиной дня!

— Живопись — от слов «живо писать». А я это умею, как никто другой. Лучше меня вам не найти! — Зачарованный словом «миллион», Дудик, перелезая через тело тяжелораненого Марка, продолжил: — У меня море свободного времени, я очень хочу в Америку, и я очень хочу миллион. Если вам нужно, я напишу и сто, и двести, и триста картин. Я — то, что вам нужно!

В воздухе запахло предгрозовым озоном. Назойливый конкурент своей последней фразой выдернул из тела Марка предохранительную чеку, и через четыре с половиной секунды тот должен был взорваться, смертельно ранив окружающих осколками. Из ниоткуда появился буреветник и прокричал человеческим голосом, по-русски: «Пусть сильнее грянет буря!»

— Мне не нужна живо написанная живопись, — ситуацию разрядил «американец», аккуратно вставивший чеку обратно.

Марк неиспользованный боевой заряд перевел в математику и мучительно сводил кредит с дебетом. «Шанс, какой шанс! Сколько знакомых художников в лучшем случае оформляют афиши в кинотеатрах. А в худшем... Даже думать об этом не хочется. А тут такой случай. Если собрать волю в кулак и писать, писать, писать — дни и ночи напролет, то возможно...»

— Я попробую, — громко выдохнул Марк. Это был сигнал горниста: «К бою!»

— Вот и славненько — значит, с этого момента наше партнерство можно считать вступившим в силу? — «Американец» протягивал руку, желая заключить торговое соглашение крепким мужским рукопожатием. Марка передернуло: «И это все? А как же договор на желтом от времени пергаменте, подписанный кровью, запах серы и холодок по телу? Несерьезно как-то».

— Разве такие контракты не оформляют на бумаге? — Он не ответил на рукопожатие Эпштейна.

— А что, доверие к мужскому честному слову для вас ничего не значит? — Владимир Иосифович вернул протянутую ладонь в исходное положение, сделав вид, что ничего не произошло.

— Разрешите мне все-таки немного подумать. — Неимоверная волна мыслей вот-вот прорвет плотину и затопит город его непривычного к таким напорам мозга. — Если это не сложно, давайте вернемся к этому разговору пару-тройку дней спустя.

— Вот это по-нашему, уважаю! — Эпштейн, как отец-командир героического бойца, хлопал широкой ладонью парня по плечу. — Признаться, если бы вы согласились сразу, то время «на подумать» взял бы я. А так — это ж совсем другое дело, если нужно — я подожду. — «Американец» снова перешел на одесский говорок. — И я таки верю, что вы не только талантливый, но и очень умный молодой человек. Вы молоды, вам некуда спешить, но я прошу вас, как родного, скажите мне, наконец, либо да, либо да. Оба варианта мне устраивают. — Он улыбнулся ребятам так, что все предыдущие его улыбки казались теперь лишь жалкой пародией.

Эпштейн, обняв живописцев, вливал им елей в уши:

— Товарищи художники, вы даже не представляете, на что способна наука ради искусства! Я вам, конечно, скажу, но учтите: только вам, — понизив голос до полупрошепота, добавил: — На все, — и снова, не скрывая своих чувств от окружающих, громко и эмоционально продолжил: — Так вот, дорогие мои любимцы муз, я сделаю все возможное и невозможное, и мы, Марк, обязательно добьемся всего того, о чем мы так давно мечтали! — Детскую присягу «зуб даю» он сопроводил характерным жестом двенадцатилетнего дворового пацана. Марк поверил в обещанное Эпштейном — ведь тот клялся самым дорогим, что у него было.

— Владимир Иосифович! — Легкая тень сомнения омрачила яркую белоснежную клятву «на зуб». — Я надеюсь, вы не будете в мой мозг вживлять микросхемы?

— Молодой человек, как вы могли такое подумать? — На художника смотрел человек, глубоко обиженный в своих самых лучших чувствах. — Я ученый, а не вивисектор. Я не собираюсь

экспериментировать ни с вашим разумом, ни с вашим телом. Да в этом и нет необходимости. Ваши «золотые руки» и ваш не раскрытый до конца талант сделают все сами. Нам нужно им всего лишь немного помочь с помощью разработанных мной «волшебных» красок. С их помощью я очень надеюсь, что вы, если, конечно, захотите, превзойдете вашего неподражаемого кумира Филонова. Извините, пожалуйста, но я вынужден откланяться. Жду вашего окончательного ответа. Подумайте, хорошо подумайте. — «Американец» ловко, как факир, из ниоткуда достал визитную карточку.

На мелованной бумаге кроме фамилии, имени и отчества было отпечатано золотом «Доктор технических наук».

— Здесь мои телефоны — домашний и рабочий, звоните в любое время, — говорил теперь не балагур и острослов, а взрослый, серьезный человек. Сразу видно — доктор наук.

— Я попробую, я постараюсь. Короче — эх... — Вырвав из блокнота листок, художник нарисовал ручкой визитку не хуже, чем у ученого.

— Ладно, молодые люди, как говорят у нас на службе: «До связи», — пожав художникам руки, «американец» по-офицерски кивнул, щелкнул сведенными каблуками и... Сразу исчез... Или показалось?

Всемогущий художник, давая понять, мол, «Все, ребята, на сегодня хватит», где-то там, очень высоко, подкрутив реостат, убавил яркость дневного света.

Запоздалые посетители творческого пиршества рысью, побыстрому, оббегали помещение павильона, дабы поставить галочку собственному эго напротив пункта «культурная программа». Вдоволь насытившись прекрасным, они, довольные собой, уходили по домам.

Марк, пока там — наверху — не отключили на ночь свет, собрал свои немногочисленные картины. Он тоже был доволен собой и тоже собирался домой.

Солнце целый день освещало выставку своих коллег — «светил» живописи. За день оно очень устало и тоже собиралось домой — куда-то вдаль, за горизонт, по ту сторону Земли.

У центра Солнечной системы рабочий день прошел «на ура», и светило, расхваливая себя, любовалось своим отражением в зеркальной глади озера. Звезда по имени Солнце поймала себя на излишнем самолюбовании, недостойном ее высокого статуса. Светило, сгорая от стыда за свое поведение, покрылось красным багрянцем и ушло за горизонт. Город лег спать.

Елена
АСЛАНЯН
(Армения)

ЖЕНЩИНА РУССКОГО ЛЕЙТЕНАНТА

За окном чуть посветлело, в комнате четче стали видны очертания мебели — раннее утро вступало в свои права. Сергей подошел к окну, инстинктивно потирая левую грудь, сердце не отпускала глухая боль с момента последнего звонка сыну — то ли и впрямь физическая, то ли душевная. Андрею исполнилось двадцать лет, он учился в США, и мать с сестрой сумели переехать к нему. Сергей позвонил с таким расчетом, чтобы застать сына рано утром, но он уже ушел, по словам бывшей жены, а дочка не смогла подойти к телефону. Или не захотела. Сергея не покидало подозрение, что дети его избегают. На сердце осталась боль, которая мучила его всю ночь.

За что с ним так?

Наверное, и впрямь за то, что нельзя безнаказанно служить честно в России, — фраза, часто повторяемая уже не только в народе, но и в официальных выступлениях. В двадцать лет вернулся с Афганистана, столько лет в милиции, Чечня — военный трибунал в итоге...

Желание услышать голоса детей стало нестерпимым, так что хотелось заплакать, как он заплакал на похоронах матери. Но тогда рядом с ним были Ольга — теперь бывшая жена, дети, близкие, друзья. Где они сейчас?

Почему дети с неохотой общаются с ним? Ведь он не предал их, не ушел из семьи, хотя... Да, тогда восемнадцать лет

назад он бы ушел ради Марьям, но никто об не знает и не может упрекнуть его ни в чем.

Марьям абсолютно права в том, что самое главное — дети. Права... И восемнадцать лет назад была права, что не захотела разрушать его семью, и четыре года назад, когда клубок сложных противоречивых отношений распутала, исходя исключительно из интересов своих детей.

Только вот погано на душе, плохо, так плохо, что кажется... Нет, стоп, так нельзя. Сергей закурил сигарету — наверное, пришел тот самый момент, когда кажется, что никакой любви нет.

Как же так? Ведь это он, Сергей, накануне свадьбы Марьям увидел ее во сне и помчался к ней, не разбирая, нужно или не нужно этого делать. Это ведь Марьям протянула ему руку помощи, когда ему, покинутому всеми, грозил трибунал. И вытянула-таки его из ямы, выбраться откуда не было надежды. И это он, Сергей, умолял Марьям позволить ему быть рядом с ней в любом качестве, потому что другого смысла в жизни у него нет.

Вот тут, видимо, и кроется причина его терзаний. Потому что для Марьям он друг, брат, любовник, отдушина, но только не смысл жизни. А игнорирующий ее Николай во сто крат важнее для нее, чем Сергей. Важнее даже, чем дети. И уж намного важнее карьеры, даже сейчас, когда у нее ученая степень и жизнь ее вошла совсем в другое русло. Теперь Марьям преподает, печатает научные труды, иногда ездит на научные конференции. И с детьми возится, водит их в бассейн, на карате, следит за успехами в школе. А Сергей все время ждет, когда она найдет для него пару часов, выкраивать которые ей становится все трудней и трудней.

Он должен уйти, пока еще она испытывает в нем нужду и почувствует от потери боль, а не облегчение. И это тоже он сделает ради нее, чтобы их прошлое вызывало чувство потерянной красоты, а не омерзения.

«Маша, Маша... Я ведь любил и страдал из-за тебя задолго до того, как встретил твое телесное воплощение в Измайловском

отделении милиции. Твой образ волновал и дразнил меня с того момента, как я узнал, что буду служить в Афганистане. Ах, юность, юность с ее мечтами о любви и миражахми...

Возможно, ту девушку из Афганистана тоже звали Марьям...

Мне было почти двадцать лет, как сейчас моему сыну. Но я уже был опытным воином. Ничего не боялся по молодости. И искал красоту на войне, тоже по молодости. Мы вошли в деревеньку, идем строем, смотрим по сторонам в надежде увидеть красивое женское личико.

Бородатые мужчины, старухи, грязные мальчишки, скот — взгляд натякался на что угодно, только не на женщин. И вдруг порыв ветра швырнул на землю тонкую шаль. Я подбежал и подобрал ее первым, пока остальные вертели головами: у меня была мгновенная реакция и острая наблюдательность, не раз спасавшая мне жизнь. Я сразу заметил за спинами мужиков, старух и сидящих на заборах орущих мальчишек девушку. Даже если это была не ее шаль, какое это имело значение! Я перемахнул через забор и очутился перед ней через мгновение. Увидеть прямо перед собой юное лицо местной девушки — предел мечтаний солдата, которому не исполнилось и двадцати. У нее были большие черные миндалевидные глаза, розовые губки, которыми она плюнула в меня, когда я протянул ей шаль.

Если бы рука командира не опустилась на мое плечо в этот момент, я бы убил ее на месте.

— В строй, Колесников, — приказал командир.

И я вернулся в строй.

Мы остановились неподалеку от деревни, я мог незаметно для наших наблюдать за домом в бинокль. Среди нас был один, который занимался мародерством. Опасное и мерзкое занятие, но командиру за всеми не уследить. Я ближе к вечеру подошел и предложил ночью сделать вылазку в деревню. Он удивился.

— Такой чистенький, правильный, неужели на золотишко потянуло? — ухмыльнулся он.

— Все, что найдем, — тебе. Мне нужна девка вон из того дома.

— Договорились. Советую пожевать вот это, — он протянул мне пучок пахучей травы, — удесятерит силы.

Я попробовал в первый и последний раз в жизни. Все произошедшее ночью мне показалось страшным кошмаром на следующее утро, когда я, едва задремав под утро, проснулся от криков командира. Оказывается, еще двое пошли в деревню, но по-хорошему, в гости — нас всех приглашали старейшины, а эти дурачки всерьез поверили. И оказались на вертеле, освеженные, как поросята. Командир кричал, как раненый медведь, все остальные окаменели от ужаса, а мы с моим вчерашним подельником переглянулись. «Теперь ты убедился, что я прав», — прочел я в его взгляде и был с ним согласен теперь уже на все сто процентов.

Так вот почему мужчин не оказалось в доме — заняты были в другом месте. Интересно, что подумали, когда вернулись в свои окровавленные дома? Наверное, что возмездие есть на свете мы вроде как отомстили за наших товарищей.

Командир с оружием побежал мстить, но деревня опустела, — сбежали, унеся с собой и следы нашей ночной вылазки, о которой командир так и ничего не узнал.

А потом, через пять лет, я увидел перед собой то самое лицо — твое лицо, Маша».

Громом грянувший телефонный звонок заставил задремавшего Сергея подскочить на месте. С трудом разделяя в сознании образы прошлого, настоящего и настойчивый призыв телефонного звонка, он взял трубку и услышал самый желанный голос — голос сына.

— Доброе утро, папа, не разбудил тебя?

— Да нет, сынок, уже половина девятого. На работу пора собираться, мне в одиннадцать надо быть там.

— Ну, вот поэтому я и позвонил так рано. Мне мама передала, что ты хотел поздравить меня с днем рождения. Спасибо!

— Я желаю тебе всего самого наилучшего. Чтобы ты достиг всего того, что я тебе дать не смог.

— Папа, ты очень много дал нам с сестрой, мы помним об этом. И то, что я сейчас учусь в Штатах, — тоже твоя заслуга.

— У меня сложилось впечатление, что вы с сестрой избегаете меня...

— Нет, отец, ну что ты... Просто... я давно хотел сказать тебе, что... в общем, стыдно нам... бросили мы тебя...

— Андрей, сынок, ваша мать поступила правильно — она, как и полагается матери, думала о вашей безопасности.

— Отец, я должен закончить учебу, решить вопрос с гражданством, чтобы поехать куда захочу. Мы с Машей мечтаем о том, чтобы ты был рядом с нами. Пока это невозможно...

У Сергея перехватило дыхание.

— Главное, чтобы у вас была возможность получить образование, а там видно будет. Я умирать не собираюсь — дождусь, пока вы сможете уладить все проблемы.

— Папа, как у тебя с работой? По-прежнему в фитнес-клубе?

— Да, уже тренером работаю, я же мастер спорта по дзюдо.

— А как в личном плане?

— Никак, сынок. Второй раз я жениться не собираюсь.

— Это хорошо, папа. Это очень хорошо. Это значит, что года через два-три мы опять сможем быть вместе.

Сергей рассмеялся.

— Ну, думаю, года через два-три у тебя, возможно, появится своя семья.

— Это не имеет отношения к тому, что я сказал.

— Ну хорошо, сынок. Береги себя, сестру, мать.

— Пока, папа.

Сергей положил трубку телефона на место и выпрямился. Значит, года через два-три...

А чем черт не шутит.

***

Марьям выглядела как никогда счастливой.

— Представляешь, Серёжа, я вошла в ванную, чтобы быстро сполоснуть руки, не включив света и оставив дверь открытой, а Коля включает свет и говорит мне: «Разве можно такой красоте оставаться в темноте?» и тут посмотрел так влюбленно! —

Она прыснула, немного смущенно. — Что ты так странно глядишь на меня? Ты должен радоваться, что у меня в семье все налаживается.

— Я очень рад, что отношение Николая к тебе опять восстанавливается. Значит, я смогу со спокойной душой сказать сейчас то, что рано или поздно ты бы сама поняла.

Марьям откинулась на спинку стула за столиком кафе, куда они давно уже не приходили, но Сергей настоял, чтобы они встретились именно там. Она вдруг преобразилась в испуганную девочку, ожидающую, что учитель объявит ей о двойке. Сергею всегда безумно нравилась эта способность Марьям превращаться в девочку, он прикрыл глаза, чтобы не поддасться чарам и не пасть, уже окончательно и бесповоротно, к ней под ноги.

— Маша, мы должны расстаться.

— Ты возвращаешься в семью? — тихо спросила она.

— Нет, Маша, во-первых, я и не уходил из семьи, это моя бывшая жена по своей инициативе оформила развод со мной и уехала с детьми. Так что о моем возвращении речь идти вообще не может, это они должны вернуться, но из-за вопросов гражданства об этом думать пока рано. А во-вторых, причина в нас самих, не в других людях.

— Разве тебе плохо?

Сергей потер виски:

— А ты не видишь?

— Чувствуешь себя вором?

— И это тоже.

— А вот я себя чувствую просто плохой девочкой, и мне плевать, что я перестала быть хорошей и добродетельной. Я всегда была пай-девочкой, одевалась, как мне велели старшие, заплетала две косы до десятого класса, только в институте мне разрешили распускать волосы и носить джинсы. Поступала только так, как надо, чтобы люди не осуждали, и всегда была очень одинокой и несчастной. Стоило мне только поступить наперекор всем догмам, вбитым в мою голову, как я становилась счастливой, хотя бы на миг. Когда любила тебя в Измайлово, когда уехала из постсоветского ада на родине с Николаем,

когда снова встретила тебя. Никто в мире не является абсолютным праведником, чтобы упрекать кого-то в том, что тот недостаточно хорош. Я чувствую себя счастливой, наши дети не страдают по нашей вине — это главное.

— Значит, есть и не главное, второстепенное, да?

— На что ты намекаешь? Что у меня два мужа?

— У тебя не два мужа, Маша. У тебя один муж. И должен быть один.

— Серёжа, что с тобой, ведь все так хорошо?

— Для тебя, Маша. И я очень рад этому. Но мне невыносимо плохо.

— Что?! Тебе плохо? Почему? Потому что я каждый день не стелю тебе на кухне, чтобы мне ночью не мешал твой телевизор и храп в однокомнатной квартире?!

Сергей вздохнул.

— Ты говорил мне, что я смысл твоей жизни, что ты всегда готов прийти мне на помощь, выслушать меня, помочь, разделить и радость, и боль. Всегда.

— Да, Маша, я все это говорил. Но больше своего обещания держать не могу.

— Почему? И почему тебе плохо? — Вдруг ее внимание сфокусировалось на этих его словах. — У тебя появилась другая женщина?

— Нет, Маша. Нет никакой женщины. Я не хочу выдумывать ничего. Не хочу оставаться стареющим другом, постепенно превращаясь в обузу для тебя. Слава богу, сейчас у тебя все хорошо в семье, дети растут умные, здоровые, твоя карьера складывается. Тебе больше ничего не надо.

— Вот как? А как насчет друзей?

— Возможно, нужны друзья, которых не надо прятать, но если примешь от меня совет, то никаких друзей уже не надо.

— Я тебя чем-то обидела?

— Машенька, да что ты говоришь? Ты источник моей жизни, так же, как солнце — источник жизни на Земле. Единственное, что для меня важно, — это чтобы ты была счастлива. И чтобы наше с тобой прошлое оставалось красивым в твоей памяти.

Марьям допила кофе, она поняла только одно: от нее уходят. После восемнадцати лет беззаветной любви, после всех потерь и обретений.

Возраст и опыт семейной женщины помогли ей — она справилась с чувствами, хлопотающими внутри нее, и холодно проговорила:

— Что ж, если ты так решил, так тому и быть.

— Прощай, Маша.

Марьям печально кивнула головой.

— Если, не дай бог, что-то случится экстраординарное и потребуется моя помощь, я буду в тот же момент.

Марьям автоматически кивнула головой:

— Да, хорошо. Прощай, Серёжа, я пойду.

Она встала из-за столика и вышла.

До входной двери Марьям прошла уверенной спокойной походкой, но когда вышла из кафе, побрела, чуть ли не спотыкаясь на каждом шагу. Куда идти? Домой, конечно. Где найти такси? Она посмотрела направо, потом налево, вот небольшой парк, за ним виднеются козырьки такси. Правда, в этот холодный ноябрьский день парк совершенно безлюден, ну да еще не вечер, половина пятого дня. Она пошла по парку, вдруг ей навстречу неторопливо вышла на дорогу небольшая стая собак. Марьям остановилась, собаки выжидающе смотрели на нее. Марьям сделала шаг назад, подумывая о том, чтобы вот так, не оборачиваясь к ним спиной, ретироваться. И в это время за собаками показался силуэт военного — быстро шагая, он прошел через стаю. Когда парень поравнялся с ней, Марьям схватила его за рукав:

— Товарищ лейтенант, прошу вас, проведите меня, я боюсь собак.

Лейтенант был совсем молоденький, в чистых голубых глазах мелькнуло что-то вроде испуга. Он высвободил рукав и в полном соответствии с законами воинской чести ответил:

— Я проведу вас, не бойтесь.

Он шел чуть впереди, Марьям не спускала глаз с собак; звери расступились, дав людям пройти.

— Ну вот, опасности нет никакой, можете спокойно продолжить свой путь, — сказал лейтенант, пятясь, явно опасаясь, что просто так от этой взрослой женщины не отделаться.

— Большое спасибо. — Марьям прибавила шагу и быстро пошла к выходу.

Там на самом деле находилась стоянка такси, она села на заднее сиденье и, с облегчением откинувшись назад, назвала адрес.

Войдя в дом, Марьям без сил опустилась на диван, не сняв сапог и дубленки. Прибежала дочка.

— Мамочка пришла! Мама, ты себя плохо чувствуешь? — В детских глазах возник неподдельный страх.

— Да нет, доченька, просто устала. Ты одна?

— Саша на тренировке. Я тебе помогу, мам.

Леночка стянула с матери дубленку и побежала за тапочками.

— Приготовить тебе кофе?

— Умница моя, это то, что надо.

Девочка побежала на кухню. В памяти Марьям всплыла сцена в заснеженном парке: безлюдье, собаки, стремящийся поскорее сбежать от нее молоденький лейтенант с чистыми голубыми глазами, испуг в которых был ей приговором как женщине. И тут же сознание переместило свою хозяйку совсем в другое место и время.

Залитый первомайским солнцем праздничный восточный город, девочка с двумя длинными косами, крепко держащаяся за руку матери, настоящей красавицы, на которую оглядываются все — от мала до велика, позабыв правила приличия. Девочка гордится, что у нее такая красивая мама, может быть, когда она вырастет, тоже станет красавицей, и все будут на нее оглядываться. А сейчас на девочку никто не обращает внимания. Зато ее внимание привлекли одетые в праздничную форму молодые военные, какая необычная внешность у них: голубые глаза, белая кожа, высокий рост и спортивное сложение, а из-под фуражки выбивается настоящее золото, как будто волосы позолотили. И вдруг происходит чудо. Они оборачи-

ваются и смотрят на нее, именно на нее, и улыбаются ей. И не только улыбаются! ОН ей подмигнул! Девочка готова расплакаться от счастья и одновременно провалиться сквозь землю от смущения. Мать замечает все, нахмурив брови, резко дергает дочь за рукав и быстро уходит прочь, уводя ее за собой. Но то счастье, которое подарили девчужке подмигнувшие ей голубые глаза, никто у нее отобрать не в силах...

Марьям разрыдалась.

— Мама, что случилось? Мама, не плачь, пожалуйста! — девочка, услышав плач матери, бросилась к ней.

— Не бойся, Леночка.

— Но почему ты плачешь?

— Знаешь, доченька, умерла одна девочка, которую я знала.

Леночка вскрикнула:

— Как ее звали?

— Ты ее не знаешь, так что не имеет значения, как ее звали.

— Это так ужасно, мама!

— Да, доченька.

— Я приготовила кофе. Принести?

— Конечно.

Марьям прошла в ванную, ополоснула лицо и, стараясь не встретиться взглядом с зеркалом, быстро вышла.

Завтра, наверное, она уже сможет познакомиться со своим новым лицом, с которого навсегда ушла тень той девочки с двумя длинными косами.

До тех пор, пока женщина способна вызвать интерес лейтенантских глаз, — она сама все еще девочка, у которой начинается учашенно биться сердце от этого взгляда.

А когда уже не так — ничего страшного, просто она уже не будет женщиной русского лейтенанта.

**Наталия
РАХИМОВА**
(Узбекистан)

ПРИНЦЕССА

Самолет натужно гудел, плавно снижаясь. Вот уже видны крыши домов, верхушки шелковиц, дороги, арыки. Малика прерывисто вдохнула воздух, зажмурилась, как когда-то в детстве, перед прыжком в холодную воду узенького арыка, протекавшего по соседству с домом бабушки, в сельской махалле. Она откинулась на спинку кресла, с мысленной благодарной молитвой: «Худога шукур, слава Богу! Я дома».

Скоро она увидит Бубенчика, услышит ее звонкий радостный смех, обнимется с матерью; привычно выслушает ее сетования, улавливая в строгом голосе материнскую тревогу по неудавшейся судьбе старшей дочери.

Потом они будут сидеть дома, за низеньким столиком, на мягких нарядных курпачах. Дочка будет держаться за нее обеими руками, боясь хоть на минуту оторваться от матери, — вдруг исчезнет долгожданное счастье ее. Строя забавные гримасы, Бубенчик будет заглядывать в лицо, предлагая кусочки еще теплой мягкой лепешки из тандыра.

О, эти домашние лепешки, с особенным ароматом — необъяснимо родным! Запах хлеба — запах дома. Мать поставит на скатерть-дастархан блюдо с горячим узбекским пловом. Вкусно пахнет луком и травами-специями, которыми приправлен салат в тонких фарфоровых чашах с восточным узором.

«Лучшую посуду взяли, как для знатных гостей», — виновато будет думать Малика. Она привыкла думать о себе

с позиции матери: дочь с неудачной судьбой, не оправдавшая надежд и планов матери.

В который раз вспомнилось, как по окончании школы, недобрав баллов в пединститут родного города, увидела объявление о дополнительном наборе в один из российских вузов — на факультет филологии; тут же написала заявление.

Позже мать будет винить себя, что разрешила дочери уехать далеко от дома. Но тогда она была спокойна за нее: воспитанная в строгих традициях восточного менталитета, дочь ничего худого себе не позволит. К тому же прельщала мысль о получении дочерью российского диплома — выгодное приданое любой невесты.

Учеба давалась Малике легко, она с удовольствием постигала тонкости преподавания педагогики — всегда мечтала работать с детьми.

С соседками по комнате в общежитии Малика быстро нашла общий язык, девушки подружились на все годы учебы. А были они такие разные по характеру: добродушная украинка Оксана, хохотушка крымчанка Зарема, ироничная москвичка Ирина и по-восточному сдержанная Малика. Девушки иногда ссорились по пустякам, но быстро мирились, делить им было нечего.

Днем девушки ходили на занятия, вечерами готовили студенческий ужин, делясь за чаем мечтами и нехитрыми девичьими тайнами. Подруги, узнав, как переводится имя Малики, стали называть ее Принцессой. Она и была похожа на принцессу из иллюстраций к восточным сказкам: нежный овал лица, огромные карие глаза с миндалевидным разрезом, яркие губы, не знавшие косметики (мать строго-настрога запрещала!).

Голову обрамляли вьющиеся каштановые волосы, которые Малика пыталась собрать в строгую прическу. Но непослушные кудрявые пряди упрямо выбивались из-под строгой прически, спадали на гибкую шею, придавая особое очарование облику девушки.

Окружающие попадали под обаяние этой стройной восточной красавицы; даже самые строгие преподаватели не могли не улыбнуться в ответ на доверчивую улыбку и открытый лучистый взгляд девушки.

«С твоей внешностью и ростом не в педагоги, а в модели надо было идти», — говорили подруги. А Малика, смеясь, отвечала: «Что вы, девочки, моя мама с подиума палкой гнала бы меня до дома...» И повторяла слова матери: «Главное для девушки — удачно выйти замуж, попасть в уважаемую семью...»

Немало нашлось бы ребят-сокурсников, желающих ближе познакомиться с темноглазой красавицей, но Малика не принимала ухаживаний, помня о прощальном наказе матери: «Не опозорь меня, а то прокляну!..» К тому же она абсолютно не обладала искусством кокетства — на грубоватые шутки парней отвечала бесхитростно, глядя в глаза собеседнику такими чистыми глазами, что даже прожженным сердцедамам становилось неловко за пошловатые намеки.

А ее подружки охотно принимали ухаживания и вскоре уже убегали по вечерам на свидания, стараясь по возвращении не попадаться на глаза строгому коменданту — женщине гренадерского телосложения.

Малика, оставаясь одна в небольшой, по-девичьи уютной комнате общежития, читала записи лекций, учебники и художественную литературу, постигая прекрасный мир русской литературы.

Она очень скучала по дому и часто видела во сне мать и младшего братика. Иногда снился отец, ушедший в мир иной, когда она была еще подростком. Он был одним из руководителей сельского хозяйства, в хлопковую страду объезжал колхозные поля, контролируя сбор «белого золота». Домой приезжал поздно, иногда под утро. Однажды усталого водителя сморил сон... Служебная «Волга» столкнулась с трактором, груженным хлопком...

Малике иногда бывало одиноко среди шумных, веселых однокурсников, которые не хотели зря проживать студенче-

ские годы и пользовались всеми радостями, что дает беззаботная юность. Но однажды дрогнуло сердце и у нашей неприступной Принцессы, когда, выходя из аудитории в компании подружек, она уловила внимательный взгляд юноши, стоявшего в компании старшекурсников. Невысокий, худощавый, с прищуренным взглядом монгольского разреза глаз на смугловатом скуластом лице, он не показался Малике красавцем, но она сразу почувствовала в его взгляде какую-то властную, притягивающую силу.

Чем-то этот парень напомнил ей отца, и что-то подсказало: «Из наших...» И не могла Малика понять, что смутило, взволновало ее: то ли то, что юноша похож был на земляков, то ли то, что она увидела в нем родственную душу. И действительно — Темура оказался из родных мест и (невероятно!) даже из одной области. Только Малика жила в городе, а его семья — в поселке.

Подружки удивлялись: общительного шутника, гитариста знают девчонки со всех курсов — как она не заметила его раньше?.. Ну да, сидела бы дольше букой в комнате до окончания института...

А Малике с этого дня стало как будто не так одиноко. Вскоре Темура всюду сопровождал свою Принцессу, как бы говоря, что другим здесь делать нечего. С ней он был нежен и заботлив, не позволяя себе никаких вольностей, — понимал, что дерзкий напор, который он обычно применял в общении с другими девушками, только отпугнет эту восточную пуританку.

Теперь Малика все чаще выходила из комнаты, иногда появлялась и в компаниях сокурсников, но неизменно со своим телохранителем, как шутливо называли Темура общие друзья. По окончании института он не уехал на родину — не решился оставить Малику, которой оставался год до окончания вуза. У Темура уже были твердые планы на свою избранницу...

Темура вырос в многодетной семье, редко ел досыта, donaшивал одежду старших братьев. В школе учился хорошо, учителя часто ставили его в пример остальным ученикам. Темура поставил цель — получить высшее образование, тогда все двери

перед ним откроются. И вот он окончил институт, а теперь обязательно женится на этой красивой девушке из хорошей семьи с достатком...

На родину Темур с Маликой приехали вместе. Мать попыталась отговорить Малику от этого брака — жизненное чутье подсказывало ей, что дочери нелегко придется в многодетном семействе, но, наткнувшись на упрямое: «За другого не пойду!», Дилбар-опа сдалась. «Назад вздумашь вернуться — не приму!» — только и бросила она дочери. Но Малика парила на крыльях любви, как мотылек летит на пламя костра...

Свадьбу сыграли ранней осенью. Приданое у Малики было готово — мать постаралась, собирала сундук чуть ли не с рождения дочери. Укладывая в красиво оформленные коробки итальянские и австрийские сапожки на каблучке, кашемировые пальто с мехом, нарядные платья с люрексом, кружевные пеньюары, обязательные национальные платки и платья из маргиланского хан-атласа, Дилбар-опа с горечью думала, пригодится ли это великолепие в далеком кишлаке. Но традиции есть традиции: показ приданого — важная часть свадебного обряда, который потом долго будет обсуждаться в каждом доме.

Рано утром после свадьбы Малику разбудил визгливый голос свекрови в окно: «Ты в доме матери своей, что спишь до сих пор?!» Молодая жена выскочила из теплой постели, со страхом посмотрела на часы — стрелка на пяти. Муж безмятежно спал после ночных трудов. Малика наспех накинула нарядный национальный халатик, надела расшитую золотом тюбетейку. Молодой невестке вручили метлу и выпроводили за ворота. Подметая редкие осенние листья, она ежилась от утренней прохлады, но одеться теплее не рискнула.

Выметя улицу, она подмела двор, наскоро умылась и побежала на кухню готовить завтрак. Под аккомпанемент ворчанья свекрови Малика наливала в пиалы чай, а золовки и другие невестки тихо злорадствовали: теперь весь удар грозной хозяйки дома будет принимать на себя городская келинка.

Поздним вечером, когда усталая Малика возвращалась из маленькой уборной в углу двора, весь дом вздрогнул от гром-

кого вопля: «Вай, шарманда!..» Ничего не понимая, Малика бросилась к свекрови, колотившей себя по ляжкам с истошным криком: «Позор! Позор! Умереть мне!..» Вдруг старуха набросилась на невестку и стала больно хлестать ее жесткими, как палки, руками и рвать на ней кружевной пеньюар.

Выскочивший из спальни Темур схватил жену за руку, толкнул ее в дом и кинулся успокаивать мать, причитавшую, что его жена опозорила дом, выйдя во двор в неприличном виде. В комнате Малика трясущимися руками снимала с себя порванный пеньюар.

День за днем, проходя суровую науку семейной жизни, молодая невестка крутилась за работой дома и во дворе. Но все старания угодить свекрови были напрасны — не полюбилась той городская гордячка, как называла она невестку.

Как-то свекровь приказала Малике самостоятельно испечь лепешки. Невестка так сильно разожгла тандыр, что загорелся забор, залитый гудроном. Горящая смола искрами полетела в Малику, подбежавшие женщины едва успели набросить на нее халат. Следы ожогов долго держались на лице и руках молодой женщины.

Спустя месяцы Малика уже мало напоминала прежнюю Принцессу — она похудела, осунулась, глаза на побледневшем лице казались еще больше. В многодетной семье каждый кусок был на счету, и Малика, налив последнюю пиалу чая домочадцам, часто довольствовалась на ужин куском размоченной в чае лепешки — еды уже не оставалось.

В родительский дом Малику не отпускали, мать тоже не приезжала. Работать Малике не разрешали, свекровь держала ее диплом под замком в сундуке. Когда жена пожаловалась Темуру, он усмехнулся: «Корове своей рассказывай про синонимы, когда ее доишь».

Действительно, Малика жалела домашнюю скотину, украдкой бросая лишнюю охапку сена корове и барашкам, — и они благодарно тянулись губами к ее рукам. С худой, вечно голодной собачонкой Малика тоже делилась куском лепешки, и та постоянно крутилась у ног молодой женщины, преданно заглядывая ей в глаза.

Темур не пошел работать в школу, ему нашлось место в сельском Совете. Теперь он часто сопровождал председателя в поездках по пыльным сельским дорогам. Шеф оценил расторопного и понятливого помощника, и Темур частенько заменял служебного водителя в особо важных поездках. Он стал приходить домой поздно, Малика чувствовала запах спиртного и чужих приторных духов; рухнув на курпачи, муж быстро засыпал, не дослушав жалобного шепота жены.

В душе Темур был зол на состоятельных родственников жены. Надеялся, что они найдут ему хорошую работу в областном центре. Кто он сейчас? Всего лишь помощник шефа, со скромной зарплатой. Он достоин большего...

Малика чувствовала, что муж охладил к ней, и оправдывала его отношение усталостью на работе. Да и она уже не та нежная красавица — думала Малика, с грустью глядя на себя в зеркало. Вскоре начались приступы тошноты по утрам, на лице проступили темные пятна. Беременность ничего не изменила в ее жизни, работы по дому не убавилось.

Живущая по соседству Сония-опа жалела Малику — она напоминала ей дочь, живущую в далекой Казани. Качая головой, старушка оглядывала худую фигуру с проявившимся уже животиком, украдкой давала Малике завернутый в салфетку беляш или чебурек. Ничего вкуснее, как казалось тогда голодной Малике, она не ела.

Соседка и просветила Малику: рассказала, мешая русские, татарские и узбекские слова, что ее муж «гуляет» с официанткой из кафе рядом с его работой. Малика в тот вечер еле дождалась прихода мужа. Выпалила ему в лицо все, что услышала от соседки. Муж не оправдывался, сыто зевнув, лишь отмахнулся от жены... Куда денется на последнем сроке беременности! Вернуться в родительский дом — позор всей семье.

Малика попыталась пожаловаться свекрови. Та злорадно усмехнулась, ответила поговоркой: «Дома — твой, на улице — чужой...»

Рождение дочери не изменило отношения свекрови к Малике: вот если бы мальчик, а тут девчонка... Но молодая мать

была счастлива, старалась быстро сделать свою работу, чтобы лишнюю минуту посидеть у колыбели дочери. Девочка росла слабенькой, постоянно плакала. Свекровь ворчала: чего сразу бежать к колыбели, золотая слеза не выкатится... Но ради дочери Малика готова была терпеть все — нельзя сиротить дочь при живом отце. Годы шли, а для Малики время как будто остановилось.

Ранним осенним утром в дверь Дилбар-опы робко постучали. Открыв дверь, она невольно ахнула: на пороге стояла Малика, за ней пряталась, держась за узел с вещами, худенькая смуглая девчушка. Мать молча пропустила их в дом.

Несколько суток Малика почти не выходила из материной спальни: сидела, смотря в пол невидящими глазами. Младший брат хмурился — он недавно женился, плохой пример его молодой жене показала сестра.

Мать, испугавшись состояния дочери, повезла ее по врачам. Они задавали молодой женщине вопросы, на которые было стыдно отвечать. Добились приема у известного в городе психиатра. Время ли подлечило или сеансы лечебного сна, в который погружали Малику, но постепенно молодая женщина стала приходить в себя.

Дочь пошла в школу. Хрупкая смуглая девочка с монгольскими, как у отца, глазами. Имя у дочери было старинное, редкое. Но Малика звала ее Бубенчик — за звонкий голосок и смех. Мать не укоряла Малику, но она чувствовала себя неуютно в доме матери — отрезанный ломоть. И брат разговаривал с ней сквозь зубы: жена должна была все терпеть от мужа. Да и соседки шушукались — Малику жгли их шепот и смешки за спиной.

Муж приехал лишь однажды, от него резко пахло алкоголем. Дилбар-опа в дом его не пустила. Встретились на автобусной остановке. Темур больно схватил Малику за руку, сверкнул монгольскими глазами:

— Думаешь, кому-то будешь нужна с ребенком?!

Малика молчала. Выругавшись, Темур пошел к машине, полной гоготающих друзей. А Малика еще долго сидела на

пыльной остановке, покрытой шелухой от семечек. Больше муж не приезжал. До Малики дошли слухи, что он уехал на заработки и пропал, у семьи не было о нем никаких вестей.

Как-то, перебирая фотографии, Малика наткнулась на записную книжку. В ней были имена однокурсников. Первым значился телефон москвички Ирины. Малика машинально набрала ряд цифр и вздрогнула, услышав знакомый голос. Ирина искренне обрадовалась подруге, как в воду канувшей на много лет. Быстро сообщала новости: она вышла замуж за их однокурсника, супруг служит в серьезном ведомстве, живут в большой ведомственной квартире. С детьми пока не получается. Услышав историю Малики, не удивилась — многое знала о похождениях Темура еще в студенческие годы. Сказала коротко: «Приезжай, найдем тебе работу, пока поживешь у нас».

Мать не отговаривала дочь, но внучку с ней не отпустила: хватит одной неудачницы. Через неделю Малика уже ходила по улицам столицы. Остановилась пока у Ирины. Работу найти оказалось не так просто: за годы ее изоляции в замужестве мир вокруг сильно изменился.

Распалась огромная, сильная держава, много лет объединявшая народы и нации, — раскололась, как спелый гранат, брошенный безжалостной рукой на дорогу истории. Разлетелись по земле рубиновые зернышки, полопались, окрасили темными кровавыми пятнами дорожные камни...

Чувство потери было у всех привыкших быть в единстве с великой страной — общие потери, победы и достижения...

И вдруг отчуждение — будто никогда наши народы не были братскими...

Работу Малика наконец-то нашла в крупном магазине: вместе с другими работницами готовила полуфабрикаты для продажи. Платили неплохо; питались там же: на плите постоянно кипел котел с мясной похлебкой. Ели на ходу — времени на обед не было.

Все заработанные деньги Малика отправляла матери, себе оставляла самое необходимое. Была мечта накопить на однокомнатную квартиру. Да и приданое для Бубенчика пора уже

собирать. Уже собралась определенная сумма, но тут мать по телефону сообщила, что отдала деньги сыну — не хватало на машину. Будет «таксовать», кормить семью.

Теперь поездка домой опять отложилась на неопределенный срок. А Малике каждую ночь снилась дочь, она так тосковала. По телефону Бубенчик каждый раз просила мать приехать и так горько плакала в трубку, что дрожащий голосок дочери долго потом звучал в голове Малики.

Позже Малика с другими работницами сняла комнату недалеко от работы — неудобно было стеснять друзей. Иногда Малика выбиралась к ним — ехать приходилось через весь город, в новостройки.

Самолет снижался над бетонной полосой. Малика смотрела в иллюминатор на мелькающие вдаль деревья и постройки. Вдруг показалась стремительно приближавшаяся к полосе фигурка. Как в крупном кадре кино, Малика видела беззвучно смеющееся лицо, развевающиеся косички, яркое пятно платья. Дочь!.. Малика кричала в иллюминатор: «Кизим, не беги, остановись...» Но своего голоса не слышала.

Малика открыла глаза, сердце колотилось. Уснула — смогло в теплом вагоне метро. Опять этот сон, где она не может защитить дочь, бегущую к самолету. Скоро ее станция. Ирина пригласила на семейный праздник — годовщину свадьбы. Отказаться было неудобно, да и друзей давно не видела. Кроме них, в этом городе у нее никого не было.

Рядом сидела женщина с девочкой — видимо, мать с дочкой. Девочка капризным голосом выговаривала что-то матери. Малика невольно прислушалась. Девочка не хотела ехать к бабушке через весь город, она устала после школы, а завтра у нее тренировка. Мать виновато оправдывалась: бабушка болеет, а сегодня что-то не берет телефон. И бабушка давно не видела Машеньку, будет рада внучке... Но девочка, не дослушав мать, дернула плечиком и обиженно отвернулась.

«Девочка одного возраста с Бубенчиком», — думала Малика. В памяти сразу возник образ хрупкой, как былинки, дочери. Невольно сравнила ее с крепко сбитой, спортивной

девочкой — сердце заняло. Подумалось, что никогда дочь не стала бы так дерзко говорить с матерью, да и к бабушке она относится с большим почтением, ухаживает за ней, когда подводит здоровье.

На станции в вагон вошло много народа. Рядом с Маликой встала молодая девушка: тонкое лицо, темные волосы под низко надвинутым на лоб платком, нос с легкой горбинкой выдавали в ней уроженку нездешних мест. Женским взглядом Малика отметила округлость под просторной одеждой — в ожидании!

Малика солидарно улыбнулась молодой женщине, уступая ей место. Но в ответ неожиданно получила враждебный взгляд исподлобья. Женщина резко отвернулась, как будто чего-то испугавшись.

Поезд тронулся, Малика взялась за поручень, стоя возле женщины с дочкой. Вдруг рванул оглушительный грохот, осколки стекол обрушились на пассажиров. Малика увидела огромные от ужаса глаза девочки, успела прижать ее к себе, закрыть от страшного удара, отбросившего их к покореженной стенке вагона.

Самолет завис над бетонной полосой. Дочь стояла, протянув к нему руки. Малика стала вдруг легкой, как птица. Выскользнув в иллюминатор, она полетела навстречу смеющейся дочери. Парила, закрывая ее собой от самолета, нависшего над ними. Обняла крепко, заглядывая в родные смеющиеся глаза: «Я с тобой, доченька!..»

***

Утро обещало хорошую погоду. Дилбар-опа включила телевизор: собираясь на работу, сын обычно смотрит новости. Диктор сухо произносила малознакомые слова: метро, теракт, женщина-шахидка, жертвы...

На экране машины скорой помощи, люди в форме и белых халатах выносили окровавленные тела и укладывали на носилки... Дилбар-опа стояла перед телевизором, скорбно качая головой, провела руками по лицу, прочитав короткую молитву по погибшим: «Жойлари жаннатда булсин... Да пребудут они в раю...»

Прошла в спальню, озабоченно стояла над внучкой, прислушиваясь к ее дыханию. Ночью у девочки был жар, в бреду она звала мать. «Пошли, Всевышний, выздоровление ребенку...»

Бубенчик открыла лихорадочно блестящие глаза: «Бабушка, мама прилетала ко мне. Она стала птицей...»

***

Под живописными горами, возле неприметной постройки, спрятанной среди низкорослых деревьев и кустарников, боевик в камуфляже докладывал полковому командиру об удачном завершении спланированного акта возмездия неверным. Командир в поношенном спортивном костюме, прислонившись к дереву, поигрывал национальным чувским ножом с остро отточенным лезвием.

Лениво слушая подчиненного, в деталях расписывающего совершенную операцию, он в уме подсчитывал, какую сумму получит от хозяев за проделанную работу. На скуластом, обросшем бородой загорелом лице сверкали довольным блеском прищуренные монгольские глаза.

Илона
СИНЮТИНА
(Германия)

МЕЧТА СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

От революции и войн
Героям павшим слава!
Трудящийся стал гегемон,
И мировой — держава.

От равноправия во всем:
Учись, лечись бесплатно.
И доллар вовсе ни при чем.
Хотим в Союз обратно!

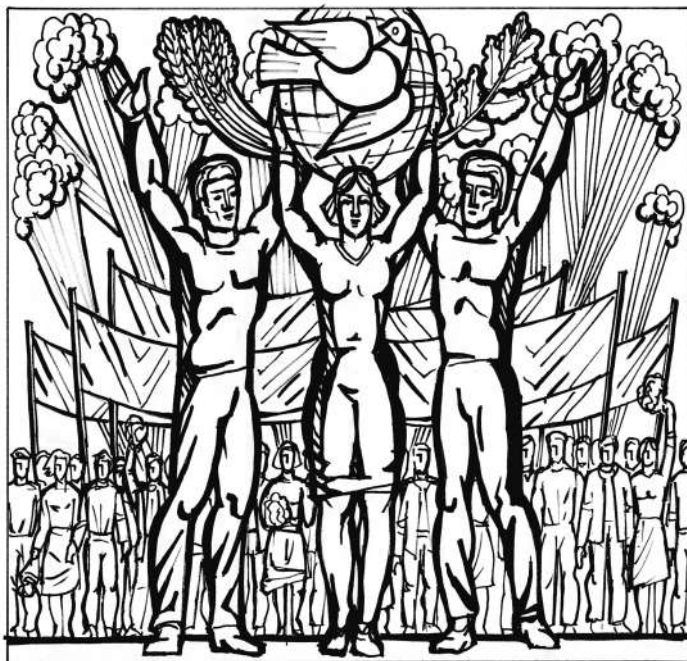
Где для детей отцы отцов
Мечту в жизнь воплощали,
Чтоб двери ночью на засов
Нигде не закрывали.

Ходили детки по кружкам,
Росли и развивались.
Мы не сидели по домам,
Дружили и общались.

И каждый был друг другу брат
В большой стране Советов.
Своей культурой был богат,
Воспет в стихах поэтов.

Вдали от Родины своей
Чего-то не хватает.
СССР закончил бег,
Но в памяти еще всплывает.

И наш советский человек
Друзей не забывает.
И в наступивший новый век
О мире он мечтает!

100 лет СССР. Миру мир

Александр СВИСТУНОВ

(Узбекистан)

ЧУДО ПО-РУССКИ

В славном городе Санкт-Петербурге вечерело. Белая ночь входила в город долгими, как последние проводы, хмурыми сумерками. На Невском, в семикомнатной квартире с евроремонтом, тихо зрел заговор.

После того как был сделан заказ, скучно стало слушать господина Мусинского. Заговорщики предвкушали выпивку и закуску. Григорий Алексеевич почувствовал нервозность ожидания и объявил перекур. Он улегся на любимый диван, выпятил живот и пускал вверх затейливые колечки табачного дыма. Вера, очаровательная зеленоглазая ведьма, в мечтах уже перенеслась на шабаш ведьм в Палермо, на Сицилию, куда была приглашена через три дня и где собиралась отрываться целую неделю. Она с удовольствием делилась своими творческими замыслами со Шмелёвым, долговязым учеником чародея. А тот, активно болея за свою любимицу, смаковал подробности черного пиара русской королевы красоты. Петрович, солидный и уверенный в себе заслуженный маг, баловался затейливым пасьянсом с шестью живыми блуждающими джокерами.

Входная дверь широко распахнулась, и гонец с вялой торжественностью в голосе объявил:

— Посланец от феи Ренаты, с горячим заказом прибыл.

Петрович настороженно спросил:

— А водку захватил?

— Не извольте беспокоиться, — голос гонца стал заискивающим, — как заказывали: три бутылочки «Русской Чудесной», со специальным магическим ароматом, усиливающим алкогольный эффект. Похмелья не будет, — после короткой паузы решительно добавил он, — также извольте получить семь бутылочек пива «Забористого», пиццу, очень хат, сосиски с зеленым горошком, кило сыра голландского, крабы — банка, икра красная — банка, соленые сухарики, двести грамм масла сливочного. Все в соответствии с вашим заказом стоимостью одна тысяча сто двадцать талантов. Ваша магическая сила на эту сумму уже переведена на счета феи Ренаты.

Гонец поклонился, забрал опустошенную корзинку и, вместо того чтобы исчезнуть, внимательно стал рассматривать Мусинского. Тому скоро это надоело. Он рассеянно окинул взглядом своих товарищей.

— Есть у кого-нибудь мелочь? Заклинание, талантов на пять. На чай народу надо.

Петрович, уже мысленно опустошивший бутылочку «Чудесной», тяжело вздохнул и дотронулся указательным пальцем до лба гонца.

— Себе берег, но отдам, владей. Превосходное заклинание по материализации комаров.

— Тоже деньги, — ответил гонец, — хотя Питер на болотах. И так комаров полно.

Он не спеша растаял в воздухе, оставив после себя рекламный запах вкислоты.

— Ладно, — строго сказал Мусинский, — водку, масло, икру в холодильник, остальное на стол. Водку, — Григорий Алексеевич строго посмотрел на Петровича, — пить будем, когда разговор о деле закончим. Итак. — Мусинский не пожалел двух талантов и резко прервал мыслепередачу Веры о Сицилии.

— Завтра грабим Короля. Вера, у тебя главная роль в нашем деле. Знаешь, сколько денег я отдал за заклинание «Русской Революции»? Бешеную кучу талантов! Мог бы сейчас быть просто богатым человеком и не надеяться на Чудо!

— Григорий, не мети пургу. — Вера окинула предводителя снисходительным взглядом, похрустела сухариком, глотнула пива. — Тебя же не устраивает быть просто богатым. Ты же все время приговариваешь: «Неужели Король совершил больше чудес, чем я? Почему у него миллиарды талантов, а у меня нет? Не волнуйся, просто его чудеса были гораздо масштабнее твоих — вот и нажил он огромное состояние. И мне его таланты очень симпатичны. Я тоже не прочь оторвать кусочек его состояния».

— Как это замечательно, что мы друг друга понимаем! — Мусинский глотнул пива. — Кстати, питерское забористое лучше московского. Вот в Праге я пил пиво Бжезинского — очень недурно, а сосиски лучше баварские, от Колля. Значит, Вера, отдашь мне все твои таланты. Я эти деньги в сейф запру. При себе оставишь только магию неземной красоты и внешней гармонии, волшебную сексапильность не забудь, ну и прочее, что мужикам надо. Будешь бедной овечкой, убежавшей от стада мужиков-волков. Помнить о нас ты не будешь, пока не встретишь, так что охрана Короля тебя не расколдует. Главное, чтобы темной бархатной ночью, наедине со счастьем в виде тебя, Король сглотнул наше заклинание и был готов устроить Чудо Русской Революции.

— Хорошая ведьма может из Короля своего верного слугу сделать, — веско заявил Петрович. — Крабов мне передай, — попросил он Шмелева.

Шмель приподнял банку, зацепил крабов вилкой, плюхнул солидную порцию себе в тарелку, затем передал остатки Петровичу и спросил, как будто рэпер куплет пропел.

— А не кинет ли нас Верка?

— Не кинет. Правда, Вера? — ласково спросил Мусинский. — У нее и времени-то: вечер и ночь. Не успеет развести Короля и стать Королевой. Вера — хорошая девочка-ведьмочка. Помнишь историю с Бароном? Кому все боком вышло? И ты нас кинула, и барон тебя кинул. Не нужно самодеятельности. А кинешь... Я знаю, как и на этом заработать.

— Григорий Алексеевич, ну когда я тебя кидала? — Вера высасывала маслинку досуха. От ее ведьминога глаза в доме у Мусинского ничего не могло укрыться вкусного, да и мужики для нее были прозрачны в плане сексуальных пристрастий. Она изящно плюнула косточкой в Мусинского, попала прямо в губы. Получился волшебный поцелуй. Григорий Алексеевич сдался.

— Ладно, все претензии снимаются, иди готовься. Сегодня вечером ваш выход, моя прекрасная ведьма!

Вера всем послала по воздушному поцелую, обжигаящему губы.

— Икру и водку я вам, пожалуй, оставлю. Поужинаю у Короля и песенку ему спою.

Зеленоватым облачком Вера унеслась прочь.

— Шикует, — не преминул отметить Шмель, — нет, чтобы на автомобиле добраться. Таланты на проезд выбрасывает.

Мусинский окинул взглядом своих соратников. Петрович сосредоточенно грыз кусок сыра без хлеба, Шмель вилкой накальывал горошины и отправлял их в рот по одной. Пиво у обоих заканчивалось. Григорий Алексеевич допивал вторую бутылку.

— А хороший мы план придумали? — спросил он.

— Угу, — буркнул, не разжимая зубов, Петрович. Затем, прожевав кусок, допил пиво и продолжил фразу: — значит, Шмель летает вокруг охраны и покусывает всю девятку своей магией. Пока он их отвлекает, я аккуратненько охрану Короля упаковываю в бутылку с остатками виски «Крейзи Хорс». Недешево обойдется — придется потратить заклинание тысяч на двадцать пять талантов. Дальше твоя работа, Григорий. Все ясно, можно водку пить.

— Подожди, дело большое, такие деньги могут обломиться. Их нужно уметь отработать. Помните, как десять миллионов талантов спасали в Москве, во время кризиса?

— Но не мы же были виноваты. Кризис, — возразил Шмель.

— Когда каждый день творятся огромные чудеса, зарабатывается и теряется невообразимое количество талантов, при

нынешней миллиардной ставке нам нужно все сделать чисто. Без случайностей и форс-мажоров.

— Как скажешь, Григорий, так и сделаем, — ответил Петрович.

— Ну вот. А когда Король останется один, подойду я к нему с протянутой рукой, со словами: «мосье, я не ел шесть дней» и заставлю сотворить «Чудо Русской Революции». И отдаст он мне все свое состояние.

— Тогда выпьем за наше безнадежно обреченное на успех дело! — радостно прокричал Шмель.

— Тащи водку, Петрович! — с облегчением крикнул Мусинский.

***

Шмель едва разлепил глаза и поплелся в ванную — глотать холодную воду, заливая великую сушь в горле, смывать усталость после ночного веселья. Похмелья не было. Была только вселенская успокоенность. Сквозь шум воды из крана между глотками Шмель услышал грозный рык Мусинского.

— Петрович, блин клинтон, собирайся быстрее, где Шмель?

— Что за спешка? — поинтересовался булькающим от воды голосом Шмель, выйдя из ванной. — Ого! — воскликнул он, увидев Мусинского в костюме, при галстукке, нервно играющим ключами от машины.

Это в шесть утра! Тогда как Григорий Алексеевич всегда любил поваляться на диване часиков до одиннадцати.

— Случилось чего? — спросил Шмель.

Петрович спокойно дожеввал вчерашний бутерброд с икрой и недоуменно пожал плечами.

— Случилось, — резко бросил Мусинский. — Губы его непрестанно шевелились, изрыгая неслышные ругательства. — денежная реформа бахнула.

— Ну?! — воскликнул Шмель. Сон у него в момент испарился. — Че на че меняем?

— Сегодня, в двенадцать ночи, Король явил чудо народу — обмен денег. А с утра новое чудо творит. Перестаралась Верка, видно.

— Как творит? — спросил Шмель.

— Как обычно. Масштабно, на Петровском пляже, на песочке, у Петропавловской крепости.

— Почему не на Дворцовой? — удивился Петрович.

— А кто его знает! У богатых свои причуды. Поехали, поехали.

***

У Петропавловки на Петровский пляж плотной мошкаррой опустилась толпа народу. Как в старые добрые времена. Когда Ельцина защищать к Белому дому в Москве ходили. Мусинский, используя пробивную магию Петровича, проложил дорогу к Королю. У стены крепости стояла благоустроенная торговая палатка, разрисованная яркими красками, как цирковая касса. Король по-доброму улыбался всем людям в широко распахнутом окошке. Его охрана вежливо, но настойчиво организовывала толпу в образцово-показательную очередь. А Король кормил пятью хлебами и двумя рыбами много тысяч человек.

Вся Петропавловка была окутана монотонным шумом, в котором определенно слышались разнообразные благословения в адрес Короля.

Трое заговорщиков протолкались вперед и заняли место в организованной очереди. Люди, стоящие рядом, были радостны и спокойны. Они готовы были делиться со всеми сбывшейся мечтой. Мусинский с удивлением озирался вокруг и встречал лишь добрые и счастливые взгляды. Петрович тяжело вздыхал. Очень уж ему хотелось выпить. Шмель пританцовывал на месте от нетерпения.

— Григорий Алексеевич, я начну охрану покусывать заклинаниями, а?

— Погоди, — отмахнулся Мусинский. — Нужно сначала у Короля узнать, что он учудил. Надо же понять, за какими деньгами мы пришли.

Король между тем без устали одаривал неиссякаемый поток людей. А вручал он каждому: чудодейственный бальзам, излечивающий от всех болезней; рождественскую американскую индейку; большой киевский торт; головку сыра, фаршированного черносливом; килограмма три сибирских пельменей; женщинам добавлял бутылку шампанского «Абрау-Дюрсо» и шоколадку; мужчинам вручал грузинский коньяк «Игриси» и пару лимонов.

— Благодарствуйте, всех вам благ, — кланялся ему старичок в строгом черном костюме, с густой седой шевелюрой. Старичок бережно погрузил все дары на самодвижущуюся тележку, которой тут же снабжали, и укатил, напевая и подпрыгивая от радости.

Мусинский гордо остановился напротив Короля и с вызовом посмотрел ему в глаза. Король был, как всегда, сама аккуратность, уверенность и благополучие.

— Что-то не так, Григорий Алексеевич?

— Что же ты учудил, Владимир Борисыч? — по-приятельски поинтересовался Мусинский.

— Так ведь все, дорогой мой. — Король ласково улыбнулся. — Магия больше не эквивалент денежной массы.

— А что? — Мусинский в изумлении чуть не сел на песок, но его поддержали Шмель с Петровичем.

— Совесь, — веско заявил Король, — не убий, не укради, не обмани. Ты хороший маг, Григорий Алексеевич, ты можешь творить чудеса. Можешь попытаться обмануть себя, убеждая, что творишь добро для людей, а то, что при этом хорошенько нажился, — так это вовсе и не твоя вина. Но если суть твоего чуда — обман, денежек у тебя станет намного меньше. Задумаешь что-то украсть — и сам потеряешь состояние. Появится мысль кого-то убить — и станешь нищим.

Но! Можешь стать миллиардером, и ты им станешь, только помогай новому миру и людям в нем.

— Это проповедь? — с подозрением спросил Мусинский.

— Нет. Теперь это закон рынка. Единственной ценностью стала совесть.

Ее нынче гораздо меньше осталось, чем золота, алмазов и волшебства. И приобрести такой товар нелегко. Знали бы вы, каких трудов и душевных мук стоила мне эта Русская Революция! Все мои миллиарды талантов пришлось вложить в ЧУДО, зато мир преобразился, а я стал безмерно богатым.

Мусинский думал.

— Значит, если я возжелаю много-много денежек, то состояние мое резко уменьшится. Кошмар! Чем больше хочешь разбогатеть, тем беднее становишься. Мир сошел с ума, — подвел итог Григорий Алексеевич.

Петрович и Шмель сидели на песочке и пытались постичь непостижимое. Петрович мечтал о бутылке водки, но согласен был и на грузинский коньяк. Он встал и пошел получить дары. Когда он выпил залпом все пол-литра, прямо среди толпы, то горестно вздохнул и изрек:

— Совестью, значит, теперь торгуем.

Под громкий шепот многочисленных благословений Шмель, следуя примеру Петровича, тоже вернулся в очередь. Мусинского занимала одна мысль: где же ему теперь взять духовное богатство. Вдруг он заметил, впервые в жизни, над предрассветной Невой зеленый солнечный луч. Луч мигнул и исчез. Показался край солнечного диска. Над Питером занималась алая заря.

**Татьяна
РАДВАН**
(Приднестровье)

ПАПИН СЮРПРИЗ

Одно необычайное событие сделало тот Новый год волшебным. Это мы потом узнали, что к его наступлению папа готовил нам сюрприз, а до тех пор ни о чем не догадывались, поскольку он держал все в секрете.

Предновогодняя суета вновь охватила детские сады и школы, где традиционно проводили утренники и вечера. Взрослые и дети чаще обычного заходили в «Универмаг» и в «Детский мир», где популярными становились отделы «Парфюмерия», «Канцтовары», «Игрушки». О конфетах и не думали, потому что в саду и в школе детям всегда дарили подарки, в которых были разные сладости. Нас притягивали игрушки. С особым интересом и с восхищением мы разглядывали елочные, а еще разноцветные флажки с картинками, хлопушки, серпантин и серебряный или цветной дождик, которые только-только выставили на витрину.

В новогодние праздники школьники становились «богачами». Когда родители навещали родных и близких, дети колядовали, и им дарили деньги и сладости.

Каждый житель нашей необъятной родины знал, что в новогоднюю ночь обязательно покажут «Голубой огонек», в последнюю неделю уходящего года — телепередачу «В гостях у сказки» и еще много художественных и мультипликационных фильмов. Мы с братом, как и все в то время, были детьми

телевизора, которых не заставляли ложиться спать, если только сами не уснут, потому что новый год встречали всей семьей, а впереди нас ожидали долгие, как тогда казалось, зимние каникулы. В каждом семействе были свои традиции, но одно оставалось неизменным — хорошее, можно сказать, приподнятое настроение и ожидание чуда или же волшебства.

Мы жили в доме с длинным двадцатипятиметровым коридором. Это были семь комнат в четырнадцать-пятнадцать жилых метров и с общей кухней с одной стороны и четыре однокомнатные квартиры со всеми удобствами — с другой. По вечерам в коридоре собирались дети, человек двенадцать, они стелили покрывала, выносили игрушки, низенькие стульчики, табуретки и весело проводили время.

В преддверии Нового года мальчики и девочки были совершенно свободны от домашних дел, поэтому играли в коридоре, ведь вместе всегда интересно, да и места больше, чем в одной комнате. Если мамы, готовящие на общей кухне праздничный ужин, подзывали и просили принести из комнаты соль или сахар, унести домой тарелки или продукты, мы тут же выполняли поручения и возвращались к игре.

В каждой семье наряжали елочку. Дети могли запросто зайти и посмотреть на соседскую. Возникло ощущение единения, когда радости и беды одни на всех. Мы никогда не скучали. Очень любили разглядывать новогодние игрушки. Некоторые были в единственном экземпляре. Мне запомнились желтая груша из ваты с зеленым листиком, фонарики из мишуры и пластмассовые снежинки. На ветках ели или сосны висели разного цвета и размера шары — глянцевые, матовые, припорошенные белой стружкой, мелкой, точно песок, крошкой, припудренные перламутром, с рисунком, с узором из блесток, с углублением, где пряталась снежинка или звезда. Нам больше нравилось рассматривать игрушки-фигурки. Это были шишки, грибочки, зайчики, мишки, совы, небьющиеся, из картона, золотые и серебряные петушки и курочки, белочки и собачки, рыбки и бабочки, домики и часики, солдатики, барабаны, даже ракеты и дирижабли с надписью: «СССР»,

а еще снеговики, матрешки, Щелкунчики, Снегурочки и Деды Морозы...

Богато украшенной считалась елка с электрической гирляндой. Она зажигалась, и дождик на елочке начинал загадочно мерцать, сверкать и переливаться всеми цветами радуги. Верхушки лесных красавиц украшали пятиконечные красные звезды или макушки-пики с завитками.

На общей кухне четвертого этажа смешивались и дразнили всех разные «вкусные» запахи. Каждая конфорка газплиты была занята. В кастрюлях варились жаркое, наут, голубцы, на сковороде жарились котлеты, сырники, в казанах — пончики, в духовке — мясо, кто-то нарезал «оливье» ...

Оставалось совсем немного времени до сюрприза, который нам предстояло увидеть.

Когда у нас появились второй диван и телевизор «Таурас», папа вынес холодильник на застекленный балкон, который мы стали воспринимать как комнату, потому что там горел свет, были установлены полки, на окнах висели занавески. Наша комната сразу стала просторной, и стол на праздник мы переставили в центр. Это выглядело как столик в ресторане.

Ближе к одиннадцати я принялась расставлять посуду, подкладывая салфетки под тарелочки, папа наливал компот в кувшин, наполнял солонку, нарезал хлеб. Мама, заканчивая с горячими блюдами, поручила брату сказать, что пора нарезать колбасу, лук для селедки, набирать салаты, наполнять мандаринами и конфетами фруктовую вазу.

Вскоре коридор опустел, все разошлись по комнатам. На кухне тоже никого не осталось. По телевизору должно было прозвучать традиционное обращение к народу, а под бой курантов в Кремле мы мечтали загадать желание и поздравить друг друга с наступившим Новым годом.

Папа принес с балкона бутылку шампанского и тарелку холодца, на что мы с братом не обратили никакого внимания. Наши глаза были устремлены на экран телевизора. Там Людмила Гурченко пела песню про пять минут. Думаю, именно в этот момент папа еще раз заглянул на балкон и вынес оттуда

красные помидоры. Незаметно для нас они оказались среди праздничных блюд.

Когда мы повернулись к столу, изумлению и восторгу не было предела. Это неожиданное настоящее чудо поразило нас, словно корзина подснежников из сказки о двенадцати месяцах появилась в доме. Во времена нашего детства — восьмидесятые годы двадцатого века — помидоры были сезонными овощами, их просто не продавали в магазинах. А мандарины не считались редкостью, они всегда были в новогодних подарках, которые родители приносили с работы и подкладывали незаметно под елочку.

Круглыми коралловыми бусинами на тарелке рассыпались еще целые и твердые помидорчики. Они светились изнутри нежной розовой мякотью и блестели в свете люстры. На каждом из них зеленый хвостик шапочкой покрывал бледно-красные щеки. Казалось, эти «гости» улыбались нам. В ту минуту мысль о том, чтобы съесть их, ни у кого не возникла. Совсем не хотелось нарушать очарование, которое охватило нас.

Родители подняли бокалы с шампанским, мы — с компотом и вместе радостно произнесли: «С Новым годом!» Некоторое время папин сюрприз оставался нетронутым. Зеленые хвостики светло-красных бусин донесли до нас сохранившийся запах. Это был фантастический подарок лета среди зимы!

Первые минуты нового года отец рассказывал, как укутывал каждый зеленый помидор в бумагу, укладывал в коробку из-под обуви и проверял, как созревали «золотые яблоки». Так говорят о них итальянцы, а у французов это «яблоки любви». Папа — наш добрый волшебник — подарил нам тогда самое дорогое — любовь и новогоднее чудо, которое запомнилось на всю жизнь.

Алия
МАМАТКАЗИНА
(Узбекистан)

ТУТОВНИК

Деревце тянуло вверх свои зеленые клейкие листочки, подставляя их солнцу. Солнце было весеннее и нежаркое. Дул легкий ветерок.

Дом, возле которого росло деревце, стоял на юру, на окраине небольшого кишлака. От его новеньких стен тянуло запахом свежей глины. Небольшой, с одним маленьким окошком и плоской крышей, дом был гордостью молодого хозяина. Тот недавно женился. И по обычаям узбеков родители отделили его...

Дом, а вернее, домик, строили всей большой семьей отца хозяина. Засучив шаровары до бедер, братья месили глину в большой яме. Время от времени они подсыпали туда саман. Сам отец, покрыв голову тряпицей, по четырем углам завязанной узелками, брал лопатой большие пласты этой глины, называемой в народе пахса, и укладывал в стены будущего дома...

Когда строительство дома уже подходило к концу, во дворе около него посадили небольшой саженец тутового дерева, в народе называемого просто тутовник. Какой же дом без дерева, дающего тень в нестерпимую летнюю жару? Да и плоды тутовника — любимое лакомство узбекской детворы. А их хозяин планировал завести много — столько, столько даст Бог... Да и мало ли для чего нужно дерево во дворе крестьянина?

Деревце не знало о планах хозяина, просто росло и радовалось жизни. Над ним голубело небо и светило солнышко. Его поливала молодая хозяйка, появившаяся в новом доме. Каждый день, закрыв лицо паранджой, она с кюзой в руках ходила к роднику, который находился недалеко от кишлака...

Домик, а вернее, его подворье, не было еще огорожено глиняным дувалом. И со двора были видны соседские дома, да и весь небольшой кишлак, расположившийся на равнине.

Жизнь шла своим чередом...

Дом огородили дувалом. И теперь деревце-подросток уже не могло видеть, что творилось за ним. Но ему было интересно и в своем дворе...

С раннего утра здесь кипела жизнь. Едва проснувшись, молодая хозяйка подметала и поливала двор, ставила на огонь между большими камнями закопченный чайник и кипятила чай. Раз в неделю она разжигала из сухих сучьев огонь в тандыре и пекла лепешки. Запах горячего, свежего хлеба доходил и до деревца...

Молодого хозяина деревце видело только ранним утром, когда, позавтракав чаем и лепешкой и вскинув кетмень на плечо, он уходил на работу, и вечером, когда он, усталый, возвращался домой. Зайдя во двор, он скидывал кетмень с плеча, а молодая хозяйка из кувшина поливала ему воду на руки. Пофыркивая, он умывался, а потом садился за дастархан, заботливо накрытый молодой женой.

Зимой, когда было холодно, хозяева ели в доме. А когда было тепло, садились на супу, которую хозяин соорудил из глины прямо под деревцем. И тогда ему было слышно, что молодые говорили о чем-то своем и улыбались друг другу. Когда на черном небе загорались яркие звезды, то тут же, на супе, постелив курпачи, они и спали. А деревце охраняло их сон до самого первого луча солнца...

Так и жили они втроем: он, она и деревце...

Но однажды в руках у молодой хозяйки появился маленький сверток. Когда его впервые положили на маленькой курпаче на супу под деревцем, оттуда на него глянуло глазенками

небольшое существо с красным сморщенным лицом и носиком-пуговкой. Время от времени оно кричало, и тогда хозяйка, отложив домашние дела, садилась на супу под деревцем и кормила его грудью. Комочек мирно посапывая, сосал грудь, а потом засыпал.

В тени подросшего деревца для малыша установили деревянную люльку — бешик, и теперь, когда молодая хозяйка занималась домашними делами, оно охраняло покой нового члена семьи...

Иногда молодая хозяйка садилась под деревом, возле люльки и что-то шила или пряла, напевая песню и время от времени откидывая полог и проверяя, не мокрый ли малыш. Если сосуд, прикрепленный под люлькой и соединенный с ней отверстием, наполнялся, то хозяйка выливала его содержимое и вновь крепилась на прежнее место...

Жизнь шла своим чередом...

И маленький хозяин бешика уже стал делать на радость матери и отца первые шаги. Это был мальчик в коротком полосатом чапанчике без рукавов — аскарче — и штанишках, сшитых матерью.

Но люлька не осталась пустой. Новое маленькое существо с красным сморщенным лицом и носиком-пуговкой заняло ее...

Шли годы...

Во дворе кроме хозяина и хозяйки теперь было уже трое детей: два мальчика и девочка. Дерево же стало выше глиняного дувала и теперь могло видеть все, что творилось в округе.

А видело оно такие же глиняные домики и дувалы, пыльную дорогу с колеями от арб. Эти арбы время от времени медленно тащились по дороге. В них были впряжены животные с длинными ушами и задумчивыми глазами. Такое же животное появилось однажды и во дворе хозяина. И дерево слышало, что хозяин называет его ишаком...

В один из летних дней на одной из арб приехал молодой человек, одетый непривычно для кишлака. У него в руках была связка книг. Это был учитель из города. Что такое «город» и что

значит слово «учитель», дерево не знало. Но оно слышало разговор, который вел хозяин с этим учителем, пришедшим к ним во двор. Учитель говорил, что настали другие времена, что надо учиться, что старший сын хозяина должен ходить в школу.

Видимо, учителю удалось уговорить хозяина. И теперь, вместо того, чтобы играть с ровесниками в ашички, сын хозяина с самодельной тетрадкой в руках по утрам стал уходить со двора. «В школу», — гордо думало дерево, уже ставшее большим, и чуть слышно шелестело листвой...

Как-то раз в кишлаке случилось что-то странное. Вместо арб с запряженными в них медлительными ишаками по пыльной кишлачной дороге с гиком и свистом промчалась группа людей с оружием. Дерево не знало, кто это, но ему стало почему-то страшно от этой орущей, потной толпы. А потом оно увидело, что из одного из домов неподалеку эти люди вытащили учителя и стали что-то кричать. О чем они говорили, дереву не было понятно, но оно видело, что парень стоял спокойно и старался объяснить что-то разъяренной толпе.

Вдруг кто-то из этой толпы щелкнул затвором. В воздухе прозвучал выстрел. На светлой косоворотке учителя, подпоясанной красным платком — бельбогом, — стало расплываться красное пятно. А сам он стал медленно оседать и, наконец, упал на землю, глядя в небо широко открытыми глазами...

Но жизнь продолжалась...

И однажды дерево увидело, как на кишлачную дорогу въехал странный железный зверь. У него впереди было два маленьких, сзади — два больших колеса. Он тархтел, и от него шел какой-то непривычный, странный запах. На нем сидел человек в кепке и кожаной куртке. За «зверем» бежала детвора, а взрослые опасливо шли сзади и повторяли: «Шайтан». Потом дерево услышало, что «зверья» жители кишлака называли «Фордзон», и узнало, что никакой он не зверь, а трактор.

Много новых слов, которых раньше никогда не слышало, стало теперь известно дереву. И одно из них — слово «колхоз». Что оно обозначало, ему было не совсем ясно, но, став

уже большим и развесистым, оно видело появившиеся недавно на окраине кишлака ровно вспаханные рядочки земли, которые люди называли агатами.

С утра до вечера на них работали жители кишлака, сажая, поливая, окучивая какие-то растения. Те были очень странными: летом на них распускались большие желтые цветы, а осенью вместо цветов на них появлялись коробочки с ватой. До самого первого снега люди ходили по этим полям и собирали то, что они называли хлопком...

Жизнь шла своим чередом...

Старшие дети хозяина подросли, появились еще четверо маленьких. Да и сам он был уже не такой молодой. Волосы под тубетейкой покрылись серебром, а безусое когда-то лицо тронули морщины. Да и хозяйка изменилась. Лицо, которое когда-то давно, когда деревце было совсем еще юным, кроме дерева и хозяина, никто не видел открытым, теперь было без паранджи, и на нем проступила сеточка морщин. И две косы, которые она расчесывала и заплетала, сидя под деревом, тоже побила седина.

Да и сам двор изменился. На крыше домика и возле тандыра лежали большие охапки гузапай — стеблей, оставшихся после сбора хлопка. Под навесом стояла корова, а в загоне — бараны. По двору бегал пес с обрубленными, по местным обычаям, кончиками ушей, которого звали Алабай. В доме горел уже не светильник из масла и скрученного из ваты фитиля, а большая лампа с высоким стеклом. Свет от нее ярко освещал всю комнату, где холодными вечерами собиралась вся семья. Старший сын оканчивал школу и мечтал поехать в город и стать учителем...

Но в один день все изменилось. Из черного репродуктора на столбе посреди кишлака послышались слова, которые люди сначала, как показалось дереву, не поняли. Они застыли, услышав речь, которая шла оттуда, и глядели недоуменно друг на друга, как бы спрашивая, правильно ли они ее поняли...

Так в жизнь дерева вошло страшное слово — «война». Оно не поняло его смысла, но видело, как куда-то стали уезжать

из кишлака мужчины. А однажды собрался со двора и хозяин. Собирая его, хозяйка смахивала с глаз слезы...

Старший сын сказал отцу: «Отец, я пойду с вами!»

— Доучись сначала. Да и матери помощник нужен. За старшего остаешься...

Хозяина провожали всей семьей. Сев на подводу с другими мужчинами, он уехал, а его семья, так же, как и другие оставшиеся семьи жителей кишлака, долго смотрела вслед отъезжающим.

Потом потянулись долгие дни ожидания. Деревце видело, как вздрагивала иногда хозяйка, услышав стук в калитку.

Из-за дувала ему было видно, как женщина с кожаной сумкой на плече стучала время от времени в калитку кого-нибудь из сельчан и вручала им какие-то белые треугольники. Такие треугольники иногда приносили и к ним во двор. И тогда лица хозяйки и детей были радостными.

Сидя под деревом, они перечитывали вслух написанное в них по несколько раз. И дерево помнило все, что было написано там корявым химическим карандашом. Половину письма занимали приветы и пожелания здоровья жене, детям, односельчанам. А главное, в них сообщалось, что хозяин жив-здоров и бьет фашистов. И эти слова — «жив-здоров» — особенно радовали хозяйку и детей.

Иногда приход женщины с сумкой во двор кого-то из односельчан не очень радовал их. После того как она вручала кому-то из них четырехугольный конверт с маленьким листочком из какой-то сероватой бумаги внутри него, в доме поднимался плач. Сюда собирались соседи, и все вместе плакали с хозяевами дома, которым пришло «кора хат» — черное письмо. С ними вместе плакала и женщина, принесшая это письмо в дом. Дерево видело, что вместе с другими односельчанами уезжали на подводе ее муж и сын...

Однажды «кора хат» пришло и в дом, где росло дерево. Было холодно, шел снег, дерево стояло без листьев, раскинув голые ветки.... Оно слышало, что в доме поднялся плач, бежались соседи. Наутро хозяйка и ее дочери вышли во двор в белых траурных платках.

Ранней весной, когда на дереве стали набухать почки, вечером во дворе дома, на супе, где сидела осиротевшая семья, состоялся разговор матери со старшим сыном. Он был недолгим. Сын сказал: «Онажон, я попросил в военкомате, чтобы меня взяли на фронт». «Не пуцу! — закричала она. — Хватит того, что эта проклятая война унесла вашего отца!»

Но сын твердо сказал: «Я мужчина. И должен пойти...»

На «эту проклятую войну» ушел старший сын хозяина. Потом его подросший брат...

А жизнь во дворе шла своим чередом...

Мать вместе с оставшимися детьми уходила с утра на колхозное поле.

Даже дети-школьники летом и осенью трудились там. Летом занимались чеканкой хлопчатника, осенью — сбором хлопка, который потом увозили на подводах с надписью: «Все для фронта! Все для победы!» И дерево целыми днями оставалось верным хранителем дома...

Однажды во двор вошел старший сын, хозяин. Один из рукавов его выцветшей гимнастерки был пустым. Но все равно с его возвращением во двор и дом пришла радость и тихая надежда. Надежда на возвращение второго сына.

А потом была победа. Что означает это услышанное им слово, которое радостно повторялось в доме, дерево не знало. Но, возвышаясь высоко над дувалом, видело, что в кишлак стали возвращаться уходившие на войну односельчане. В домах, куда они возвращались, звучали звуки дутара и песни. А председатель — человек совсем преклонного возраста, которому тоже принесли «кора хат» на сына, — распорядился устроить той.

На общем дастархане, накрытом на всех жителей кишлака, была небогатая крестьянская снедь, но зато рядом варился большой казан с пловом. И ничего, что вместо мяса там было много моркови. Все равно все радовались, пели и танцевали.

А в доме, где рос тутовник, ждали другого сына. Но от него не было никаких вестей.

Шли годы, ствол у тутовника стал толстым, кора покрылась трещинами, как морщинами. Весной в его раскидистой кроне

звонкими голосами перекликались птицы. В начале лета на нем созревали черные сочные ягоды. Их собирали уже подросшие младшие дети хозяина. А ягоды с самых верхних веток, которые они не смогли достать, созрев, смачно падали на землю. И супа под деревом и почва вокруг него были черными от упавших и разбившихся о землю ягод.

Не один раз зимы и лета сменяли друг друга. Были во дворе и свадьбы сыновей, и проводы в другой дом подросших дочек, вышедших замуж. И сам дом изменился: его покрыли шифером. Потом на нем появилась антенна... И теперь под деревом вечерами собирались оставшиеся члены семьи и смотрели в какой-то ящик, который они называли «телевизор».

Изменился и кишлак. В нем появились новые дома, улицы его покрылись асфальтом, по которому теперь вместо подвод ездили красивые автомобили, грузовые машины и мотоциклы. Кишлак, который раньше был далеко от города, стал его пригородом...

В один из дней во дворе случилось что-то нехорошее. Здесь собрались все дети и внуки хозяина, все соседи. Они плакали и кричали. А потом мужчины вынесли на носилках и понесли в сторону сельского кладбища завернутую в ткань и покрытую сверху куском бархата старую хозяйку дома, тихо и незаметно скончавшуюся под утро.

Дерево не знало слово «любовь», но оно очень привыкло за все эти годы к этой скромной, немногословной женщине... Ему было очень жаль ее... И даже шелест его листьев в эти дни стал печальным...

А потом жизнь опять пошла своим чередом...

В доме осталась жить, по обычаю, семья самого младшего сына... И теперь уже его дети ходили в школу, смотрели за скотиной, обирали тутовник... А потом и они женились. И теперь уже во дворе появились внуки...

Тутовнику никогда не было скучно. Он продолжал шуршать своей могучей кроной. А во дворе подрастали другие, недавно посаженные деревья: урюк, алыча, гранат. Тутовник был среди них аксакалом, старожилом, хранителем памяти этого дома...

Однажды к дому на красивой иностранной машине подъехал внук нынешнего хозяина дома. Он жил в городе и назывался незнакомым для дерева словом «бизнесмен».

Вместе с ним из машины, из открытых окон которой звучала громкая музыка и песня, слова которой дереву были непонятны, вышла молодая женщина в брючном костюме и с коротко стриженными волосами.

Вечером во дворе дома, за дастарханом состоялся разговор. Внук говорил: «Дед, до каких пор вы будете жить в этой развалюхе? Сейчас другая жизнь. Ведь уже не в кишлаке живете. Городские. Друзей стыдно привести в гости в ваш дом... Нет денег на перестройку — я дам вам сколько надо».

Дед говорил что-то о доме предков, о памяти. Но внук упорно настаивал на своем.... Потом дед махнул рукой и ушел в дом.

С домом же и двором стало твориться что-то странное. Сюда стали подъезжать грузовые машины со стройматериалами, появились люди в рабочей одежде. Во дворе стал расти новый дом — двухэтажный, с колоннами и пластиковыми окнами. Так и не успевших стать большими урюк, алычу и гранат вырубали. Вместо них во дворе, тщательно распланированном, появились какие-то странные, тоненькие, как свечки, деревья. Их называли «кипарисы».

И только толстый, шершавый от возраста тутовник не вписывался теперь в этот красивый современный пейзаж.

Однажды ранним утром дерево вдруг вздрогнуло от боли. Что-то острое впилося в его ствол. Двое мардикеров, взяв по топору, начали рубить его ветви. Потом принесли электропилу.

Дерево всеми силами цеплялось за жизнь. Боль пронзала все его существо. Если бы оно могло говорить, то люди слышали бы его крик: «Что вы делаете?! Я единственный, кто остался во дворе с первых его дней!»

Вздвогнув в последний раз обрубленными ветками-руками, как бы прощаясь с небом, солнцем и птицами, дерево рухнуло вниз. На местах среза лежащего на земле ствола тутовника и толстого пня, еще остававшегося в земле, проступили чуть заметные капельки светлой жидкости. Была ли это его кровь, были ли это его слезы — кто знает?..

Изуродованное, без веток дерево лежало на земле. Оставшиеся на нем кое-где листья стали вянуть.

Жизнь из дерева ушла... Оно тихо умирало, и никто из людей, сновавших по двору, не знал, как ему больно было умирать.

Когда то, что осталось от дерева-старожила, убрали со двора, к нему подошел хозяин. Старик, смахнув слезу, прикоснулся к уже безжизненному стволу и тихо сказал: «Прости нас!»

Но дерево этого уже не слышало...

Юрий КАСЯНИЧ

(Латвия)

ПОКОЛЕНИЯ

К исходу ноября на Тенерифе,
когда на убыль, как свеча, тарифы,
на всю катушку — праздник стариков.
Их тронутые легким паркинсоном
движения и взгляды — в унисоне
с осеннею природой. Амаркорд

избыточно плывет вдоль променадов,
а большего, чем память, им не надо:
все отдано здоровью алтарю.
Хрустят, как мотыльки сухие, старцы
английские — намеренно-бесстрастны
с кислотно-непременным «after you»...

Фланируют вдоль кактусов валькирии
с обвислыми мужьями, харакири
которых не сумеет погубить,
поскольку — даже если попытаться,
утонет меч в последствиях питания,
чем так непобедим немецкий быт.

Из русских здесь, конечно, молодые,
что откопали лампу Аладдина,
и джинн их уронил в края весны...
Здесь так порой звучит напропалую
родная речь, что хочется «Полундра!»
вскричать, смутив течение тишины...

Вдруг словно слезы, подступило близко
другое. Май. Тюльпаны. Обелиски.
И ветераны, чей стихает след.
Война ушла. Забылись повсеместно —
горячая, холодная... Стамеска
потомков выскоблила память лет.

Канарская когорта победителей
под наблюденьем эскулапов бдительных:
прогулка, теннис, капли, порошки...
А рядом — поколение побежденных:
соседний корт и свет небес бездонных.
Какой Господь для них все так решил?

Какой Господь решил, что деду с Волги
и вифлеемски древней комсомолке,
что, юность на бинты пустив, сберечь
пыталась чью-то жизнь, не нужен берег
канарский, где бы шли они, робея,
немецкую — в висок — услышав речь?

Да разве им, бросавшим к Мавзолею
штандарты армий, вставших на колени,
им, выжженным командою «Огонь!»,
не по заслугам было бы в шезлонгах
лежать и слушать шепот волн беззлобных,
не ощущая на плечах погон?

Уходят поколения победителей:
кто — в шортах на курорте, а кто — в кителе
времен Победы — в сутках от столиц...
Лишь ветер над седыми шевелюрами —
что на Канарах, что в предснежной Юрмале —
раскованно колдует, как стилист.

ВОСТОК И ЗАПАД

**Фаина
ОСИНА**
(Латвия)

ВОСТОК И ЗАПАД

Багровое полнокровье
солнца перед закатом.
Дышит восток неровно.
В сонном угаре запад.

Эпоха слагает гимны
рыночным гонкам серым.
Господи, помоги мне
не брать этот мир на веру,

не привыкать к картинам
крови чужой и боли.
На чистой небесной сини
дремлет стон колокольный.

Устав горевать о пище
в незаконное время,
в храме высоком нищий,
в святыню забредший нищий
ищет отдохновенья.

Богатый орешки луцтит,
перлы их вынимая.
В спазмах удушья —
запад. Восток играет...

ПЕРЕМЕНЫ

Крылья — на воздух: паренье.
Тело — на воду: отдых.
Страсть к переменам — время
отплытия пароходов.
Рукоплесканий ветер.
Тренье меняет скорость.
Плачи на белом свете.
В легких микробы шторма.
Страха толчки сухие.
Спазмы. Мольба немая.
Двинулась тьма стихии,
круша, сминая, смывая.
Волн багровеют скаты.
Как сблизились мы вдвоем,
вращая в концы канатов,
отрезанных кораблем...
Крепни, родная гавань!
Выплыли, живы. Кто мы?
...В эхе на голом камне —
воля с раскатом грома.
РОДИНА
Чтобы так тосковать —
до забвения речи...
...Под ногами трава
устаёт проседать.
И не тяжесть свинца
тяготит мои плечи.
Вечер. Близость конца
и чужого суда.
Масок сумрачный торг
между тьмою и светом.
Страшен мертвый восторг
недопевшего рта.
А на души бродяг
налагается вето.

Осень. Запах дождя.
И дорог маета.
Время высылки птиц.
Ждать чего? — улетают.
В пожеланье пути —
и надежда, и страх.
Что там — в дальних краях?
Плачет жалобно стая.
Это доля моя
поплыла в небесах...

**Нина
ШКЛЯРОВА**

(Беларусь)

ВОЛЮШКА

Покатилось солнышко
В небушко на дно,
И пролилась кровушка
Зорюшки в окно.

И хлебнули кровушки
Росы на траве,
Выплеснули в полюшко,
Где дремал рассвет.

Как напьются кровушки
Корни и цветы,
На родной сторонушке
Оживут мечты.

Зернышко проклюнется
Волюшки святой,
Хлебушком окупится
Век наш непростой.

И приснится горюшку
Во земле сырой:
Плачет непогодушка
Над его судьбой.

Травушка-муравушка
Вьется под крестом,
Шепчется дубравушка
В сговоре с дождем.

А в церквушке батюшка
Затянул псалом,
А старушка-матушка
Осветила дом.

Рядышком дороженькой
Горюшко прошлось,
Помолилось Боженьке,
С волюшкой срослось.

И скатилась волюшка
В небушко на дно,
Протекла сквозь доньшко
Кровушкой в окно.

Свесилась головушка...
Нам ли не понять?..
Волюшки без горюшка
Вряд ли отыскать.

**Марк
АКВИЛА**
(*Казахстан*)

ИСКАЖЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ В ИСТОРИОГРАФИИ НЕЗАВИСИМОГО КАЗАХСТАНА: ТЕНДЕНЦИИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

С момента обретения независимости в 1991 году Республика Казахстан (Казахская Советская Социалистическая Республика) пережила стремительные экономические, политические реформы. Вместо плановой экономики и общественной собственности на средства производства правящая элита провела кампанию по приватизации крупных промышленных объектов, сельхозугодий, месторождений полезных ископаемых; начиная с 1995 года в Казахстане была упразднена власть советов, на смену которой пришла западная — буржуазная система государственного управления, где политические организации и чиновники отстаивают интересы правящего класса, а не рабочего класса и крестьянства.

Желая сохранить право собственности на средства производства и возможность эксплуатации широких масс населения, казахская буржуазная власть бросает все имеющиеся ресурсы на фальсификацию семидесятилетнего периода в истории нашей страны — истории советского Казахстана.

Всю программу антисоветской пропаганды казахской буржуазной интеллигенции можно условно разделить на три основных направления:

1) голод тридцатых годов, когда в Казахстане погибло и откочевало за пределы республики 40% коренного населения (казахская буржуазная интеллигенция всеми силами доказывает, что голод тридцатых годов — геноцид казахского народа, спровоцированный большевиками);

2) массовые репрессии 1937 года, когда была расстреляна практически вся казахская интеллигенция, состоявшая в движении «Алаш-Орда» (писатели, поэты, ученые, медики);

3) уничтожение культуры казахского народа и насильственная русификация казахов (запрещение казахского языка, массовое принуждение к изучению русского языка). Под предлогом возрождения национального самосознания казахская буржуазия вычеркивает из истории нашей страны советскую эпоху — активно переименовываются улицы и города (носившие имена советских деятелей); замалчиваются достижения советского периода; не упоминаются государственные деятели, сыгравшие большую роль в становлении советского Казахстана (такие деятели были русской национальности, а в XXI веке нам известно, какой образ формируют в мире в отношении русского народа).

Разберем их программу по порядку и начнем с темы голода тридцатых годов прошлого столетия.

Тема голода

1. Спекулируя на теме голода. Многие общественные деятели, политики и интеллигенция призывают признать политику «Малого Октября» в Казахстане актом геноцида казахского народа и потребовать у России, как правопреемницы СССР, компенсации. Так, новоиспеченное движение «Жаңа Қазақстан» разработало резолюцию о признании голода 30-х годов актом геноцида и призывает дать ему правовую оценку, а политолог и общественный деятель Айдос Сарым

заявил, что необходимо добиться признания голода геноцидом и принять резолюцию о признании геноцидом голода 30-х годов в Казахстане (стоит отметить, что недавно в конгресс США был внесен проект резолюции о признании геноцидом голода 30-х годов на Украине) [1]. Количество жертв голода 30-х годов сильно разнится у многих историков, политических и общественных деятелей, и в связи с такой неясностью в точном установлении безвозвратных потерь и количества откочевавших создают такой простор для фантазии, что порой число погибших доходит до абсурда: так, Институт демографии Украины признал, что во время голода в 1932–1933 годах погибли 4 млн 68 тыс. человек [2]. Казахский националист Жанболат Мамай в фильме «Зулмат» утверждает, что в период голода 30-х годов погибло до 49% казахов. Всего за целое десятилетие казахи потеряли около 5 млн человек только погибшими. Впечатляют данные? Несомненно. Есть ли в них правда? Если казахские националисты лгут, то почему численность казахов сократилась и коренной этнос, давший название союзной республике, остался в меньшинстве?

Согласно Всесоюзной переписи населения в КазАССР на 1926 год, численность коренного населения составляла 3 млн 968 тыс. 289 человек, а к 1937 году численность казахов составила 3 млн 100 тыс. человек (Сатпаев говорит о 2 млн 181 тыс. 200 человек). Таким образом, из этих фактических данных можно увидеть, что численность казахов сократилась на 868 тыс. человек (или 1 млн 787 тыс. 89 человек, если опираться на данные Сатпаева), что также противоречит цифре, приведенной Мамаевым в 2 млн 200 тыс. человек погибшими.

Казахстанский историк Л. С. Ахметова в соавторстве с В. К. Григорьевым в совместной монографии «Первые лица Казахстана в сталинскую эпоху» приводят практически аналогичные данные, что из 4 млн 200 тыс. погибло или ушло за пределы республики 1 млн 700 тыс. человек [3, с. 49]. То есть, в эту цифру входят как погибшие от голода, так и откочевавшие за пределы Казахстана. В книге бывшего активиста движения «Алаш» и коллаборациониста Мустафы Чокая

«Туркестан под властью Советов: к характеристике диктатуры пролетариата» можно найти данные, что на территории Казахстана проживало 5 млн 540 тыс. душ, из них казахского 49,1% (около 2,7–3 млн) и киргизского — 9,4%. Эти данные Чокай цитирует из статьи Рыскулова «Туркестано-Сибирская ж/д и ее значение для народного хозяйства СССР» в книге «Туркестано-Сибирская магистраль». Следовательно, на долю казахо-киргизского населения приблизительно в 3 млн душ приходилось 22 млн голов скота. В нынешнем советском Казахстане, — пишет Чокай, — численность населения приближается к 7 млн душ. Стоит отметить, что книга Чокая вышла в 1935 году, — значит, уже к 1935 году население Казахстана достигло 7 млн человек и масштабы голода преувеличены?

Вывод первый. Таким образом, среди историков нет единого мнения о том, какова была численность казахов на момент Октябрьской революции. На наш взгляд, опираться следует на данные Алихана Бокейханова о шести миллионах казахов в 1914 году, так как не учитываются территориальные изменения, миграция населения (в 1916 году сотни тысяч казахов откочевали за пределы Казахстана, спасаясь от карательных отрядов царской армии).

Есть ли основания для признания голода тридцатых годов геноцидом против казахского народа? Нет. Осознав свои роковые ошибки и просчеты, советское руководство развернуло масштабную продовольственную помощь Казахстану в годы голода. Прежде всего было заменено руководство Казахстана и на смену Голощёкину был назначен Л. И. Мирзоян, который прибыл в Казахстан в январе 1933 года и тут же организовал пункты раздачи хлеба, который получали около 800 тыс. голодающих [3, с. 60]. Также казахов научили создавать так называемые ТОЗы (товарищества по обработке земли), где люди получали рабочий скот и освобождались от налогов на время, пока они не поднимут хозяйство на должный уровень. И уже в 1934 году руководство Казахстана в лице Л. Мирзояна и председателя СНК У. Исаева, докладывая товарищу Сталину и Молотову, писало, что наметился процесс возрождения

аула, голод перестал терзать людей, прекратился неоправданный убой скота, а также было организовано более 160 тыс. крестьянских хозяйств, где трудились 50 тыс. так называемых откочевников. Далее отмечалось, что начался реальный процесс оседания аула, что из 1117 казахских колхозов на уставе артелей было около 168, а остальные были переведены на положения ТОЗов [3, с. 67]. После победы над голодом в Казахстан вернулось в общем около 450 тыс. человек, которые ранее покинули страну в суровые тридцатые двадцатого столетия.

Вывод второй. Итак, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что признание голода 30-х годов в Казахстане геноцидом не имеет под собой никакой необходимой правовой базы и является незаконным, по следующим соображениям: согласно теории уголовного права, чтобы признать деяние преступлением, необходимо наличие всех четырех элементов состава преступления (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона), и если хотя бы один из элементов отсутствует, то деяние не является преступлением. В голодоморе 30-х годов отсутствуют сразу три элемента: объективная сторона, потому что советская власть не создавала преднамеренно условий для полного уничтожения нации; отсутствует субъект преступления. Ведь кого собираются привлекать к ответственности, если СССР давно прекратил свое существование, а бывший первый секретарь ЦК Коммунистической партии Казахстана Голощёкин был расстрелян в 1941 году? И также отсутствует субъективная сторона преступления, выражающаяся в умышленной форме вины.

Репрессии 1937 года

2. Каждый год тридцать первого мая в Казахстане поминают жертв массовых политических репрессий 1937–1938 годов. В нашей стране открываются музеи памяти жертв политических

репрессий (музей КарЛАГ в Караганде, музей в Алматинской области, в поселке Жаналык), высшие должностные чины говорят о «зверствах сталинского режима», о том, что советская власть совершила преступления против своего народа, не имеющие срока давности. Современные казахстанские историки и общественные деятели только и твердят об уничтоженной интеллигенции, о сотнях тысячах замученных в лагерях КарЛАГа и АЛЖИРА. Но за всей этой риторической ширмой о «великих преступлениях коммунистического режима» историческая правда теряется и вместо объективных исследований этого трагического эпизода в истории СССР, историки пренебрегают изучением исторических документов, выдают свои субъективные представления и желания за истину последней инстанции.

Риторика современных казахских горе-историков не отличается оригинальностью: советская власть, ведомая шовинистами-сталинистами, уничтожила цвет казахской интеллигенции, чтобы закабалить и поработить казахский народ. При анализе списка репрессированных представителей казахской интеллигенции сразу же бросается в глаза то, что были осуждены и расстреляны в основном некогда представители буржуазного движения «Алаш-Орда», которое в 1917 году объявило о создании автономии Алаш в составе России, но по исторически объективным причинам лидеры Алаш перешли на сторону белых и воевали против Советской власти. После окончания Гражданской войны все члены Алаш были амнистированы и включены в состав Коммунистической партии. Сразу же после этого в рядах Компартии Казахстана разгорелась нешуточная война бывших алашординцев с коммунистами-казахами, которые в годы войны и Интервенции воевали на стороне Советской власти. Так, в докладной записке Сакена Сейфуллина на имя Сталина от 19 апреля 1925 года отмечено, что бывшие алашординцы сеют раздор и всячески пытаются выжить товарищей-большевиков с руководящих должностей [4]. Были рассекречены письма Рыскулова товарищу Сталину, в которых он просил принять меры в отношении бывших алашординцев,

вносящих раскол и хаос в партии. Продолжая тему партийной борьбы между большевиками-казахами и алаш-ордынцами, Сейфуллин в том же письме отмечает, что благодаря усилиям алашординцев со своих должностей были сняты Ж. Садвакасов, боровшийся против правительства Алаш в городе Омске; Х. Юсупбеков, который совместно с Т. Садвакасовым, Арыстанбековым, Нурсейтовым и Досовым «Демократического Совета» боролся против «алашординского течения»; был снят товарищ Исаев, секретарь КЦИКа, тоже из активных молодых работников, боровшийся против алашординцев в Уральской губернии [4].

А теперь коротко о движении «Алаш». В годы Гражданской войны алашординцы перешли на сторону белогвардейцев и всячески преследовали на территории Казахстана коммунистов (особенно безжалостны были они к коммунистам-казахам. Они были объявлены вне закона приказом № 4 Верховного Правительства «Алаш»). Активно поддерживая армию Колчака и атаманов Дутова, Анненкова, конные полки Алаш-Орды совершали набеги на казахские аулы и организовывали засады на конные отряды казахских коммунистов. Так, силой и хитростью был арестован, а позже казнен по приказу М. Дулатова лидер восстания казахских шаруа в Тургае Амангельды Иманов. Стоит отметить, что большевики проводили расследование преступлений Алаш-Орды. Во главе комиссии по расследованиям преступлений Алаш-Орды стоял молодой казах — коммунист Токаш Бокин. Но, к сожалению, в сентябре 1918 года Токаш Бокин был убит алашординцами. Вишенкой на торте под названием «Алаш-Орда» станет дело Такбулатова, алашординца, который в свое время разваливал колхозы, которыми руководил. Итак, 24 апреля 1937 года возбуждено уголовное преследование в отношении Такбулатова и еще 7 обвиняемых алашординцев по обвинению в антисоветской деятельности. Уголовное дело находится в стадии расследования.

Такбулатов в момент восстания Алаш-Орды был одним из активных участников, имел близкую связь с лидером Алаш-

Орды Джанбусиновым, вместе с руководителями Алаш-Орды Кодыбековым, Дулатовым, Джанбусиновым, Казбековым участвовал в расстреле народного героя Амангельды Иманова. В 1937 году алашординец Такбулатов был казнен по приговору суда [4].

Вывод к разделу. Таким образом, мы можем сделать выводы о том, что репрессии 1937 года в КазССР уже приобретают свою логику и смысл, так как борьба казахской интеллигенции, разделенной на два враждующих лагеря, всеми силами, правдами и неправдами пытались утвердиться на руководящих должностях и устранить конкурентов. А если учесть то, что внешнеполитическое положение СССР ухудшалось (агрессивная политика милитаристской Японии, «Мюнхенский сговор») и были раскрыты заговоры в рядах РККА, то борьба между бывшими алашординцами и коммунистами приобрела характер битвы «до последней капли крови».

Тема насильственной русификации

3. Уничтожение культуры казахского народа и насильственная русификация казахов (запрещение казахского языка, массовое принуждение к изучению русского языка). Поскольку данная тема довольно обширна, а тезисы казахской буржуазной интеллигенции затрагивают многие вопросы, то мы на примере Михаила Ивановича Калинина рассмотрим печальный процесс, происходящий в нашей стране, — забвение исторических деятелей, сыгравших большую роль в становлении Казахстана. Недаром я затронул историческую фигуру Калинина, который имеет прямое отношение к судьбе Казахстана.

Во-первых, подпись Калинина стоит в Декрете ВЦИК и СНК РСФСР «Об образовании Киргизской (Казахской) Советской автономной социалистической республики» от 20 августа 1920 года. Во-вторых, в архивах сохранилось

постановление ВЦИК от 27 августа 1933 года о новом административно-территориальном делении республики, напрямую касающееся истории нашего мегаполиса. Здесь, за подписью Калинина, был прописан особый статус столицы советского Казахстана.

«Гор. Алма-Ату в Алма-Атинской области... сохранить в качестве самостоятельной единицы...» [5]. В-третьих, апофеозом присутствия Калинина в Казахстане может считаться год 1935-й, когда республика отмечала свое 15-летие. По поводу праздника 25 октября в новом здании городского Дворца культуры (ныне — Филармония) состоялось торжественное заседание партийно-хозяйственного актива республики. Тут, как водится, почетный гость восседал на самом видном месте в президиуме и с подчеркнутым вниманием слушал предсказуемо взволнованные доклады товарищей.

Речь Калинина была примерно следующего содержания: «Сегодня в новом Дворце культуры Алма-Аты сидят знатные люди Казахстана — рабочие, работницы, колхозники и колхозницы. До революции эксплуататоры делали казаха посмешищем: над ним издевались, ему не давали прохода по улицам, его травили собаками. А теперь казахский народ гордо и радостно говорит о своем великом возрождении, о своих исключительных победах. Вот где корень успеха сталинской национальной политики» [6, с. 176–181].

Но основным моментом, благодаря которому визит Калинина прославился на всю страну и превратился в своеобразный символ, стало то, что произошло на следующий день после заседания [5]. Если отъехать от южной столицы по старому Талгарскому тракту, то на восьмом километре от города обнаружится скромный бюст с надписью: «Здесь 26 октября 1935 года М. И. Калинин вручил колхозу имени Калинина акт на вечное пользование земель». Михаил Иванович действительно побывал тут в дни празднования 15-летия Казахстана и выдавал искренним селянам заветную бумагу, юридически подтверждавшую главное обещание большевиков: «Землю — крестьянам».

Растроганные воплощением в жизнь заветной мечты артельщики тут же отблагодарили «всесоюзного старосту» от души. Нет, не подарили чапан, а единогласно приняли его в свою сельхозартель «Социалдык» [6].

Позже артель превратилась в колхоз Калинина. Память увековечили памятником. А место, где установили бюст, было тем самым, где и стоял, держа в руках акт, сам Михаил Иванович. Сохранилось, правда, еще архивное фото: коммунист Калинин, приехавший из Москвы, вручает КАЗАХСКИМ КРЕСТЬЯНАМ акт на вечное пользование землей! Какой хан, султан, батыр в истории Казахстана наделял простых казахов-шаруа землей? Кто может ответить? Практически никто. Ханы, султаны являлись классом эксплуататоров, которые отлично умели присваивать результаты труда казахов шаруа.

Передача земли в вечное пользование крестьянам не осталась незамеченной. Столь исторический момент в жизни трудового казахского народа был запечатлен и увековечен великим советским художником Петром Покаржевским! На этом легендарном полотне реют красные знамена, под которыми установлены портреты лидеров страны рабочих и крестьян. В центре стоит Михаил Иванович, вручающий акт на вечное пользование землей руководству колхоза под громкие овации казахских крестьян! Стоит заметить, как одеты казахские труженики: мужчины носят традиционные чапаны и соответствующие головные уборы, а казашки покрыли свои головы традиционными белыми платками. На заднем плане вы можете заметить пионеров в красных галстуках, а также бравых джигитов на резвых скакунах, держащих в руках красное знамя!

А что случилось с колхозом имени Калинина? Мы сохранили память о том историческом событии? Нет. 20 июня 2019 года памятник Калинин у был снесен по инициативе объединения «Желтоқсан ақиқаты», а сам колхоз был переименован в село Туздыбастау. Это одна из позорных страниц в истории Казахстана, когда мы поддались натиску казахского национализма и снесли памятник человеку, который сделал больше

для казахского трудового народа, чем все ханы и султаны вместе взятые.

Заключение

В своем стремлении исказить советскую эпоху политологи и общественные деятели могут спровоцировать такие явления, чьи последствия будет очень трудно предсказать. Но мы попытаемся спрогнозировать возможные политические и социально-экономические последствия от такого одиозного шага:

— Самым очевидным последствием будет рост напряжения с Российской Федерацией, которая уже заявила свой протест по поводу выхода фильма «Зулмат: геноцид в Казахстане». Министерство культуры РФ планирует опубликовать архивные документы, свидетельствующие о широкой кампании по оказанию гуманитарной помощи казахам во время голода. Наличие политического напряжения в отношениях между Российской Федерацией и Республикой Казахстан может помешать интеграционным процессам, которые сейчас происходят на постсоветском пространстве;

— Вторым очевидным последствием будет рост национальной ненависти к определенной этнической группе Казахстана. Скажем откровенно, что разоблачители «кровавого большевистского режима», придерживаясь крайне националистических взглядов, обвиняют именно русских в организации голода (основным их доводом выступает тот факт, что в 30-е годы количество русских сильно возросло до 40% от общей численности населения КазССР).

Список использованных источников

1. Айдос Сарым. Через 2-3 года мы добьемся признания голодомора геноцидом казахского народа. Url: <https://www.caravan.kz/news/cherez-23-goda-my-dobemsya-priznaniya-golodomora-genocidom-kazakhskogo-naroda-ajjdos-sarym-453597/>
2. Url: <https://yenicag.ru/za-god-ot-goloda-umerli-4-068-000-kazakhov-golo/212204/>
3. Ахметова Л. С., Григорьев В. К. Первые лица Казахстана в сталинскую эпоху. — Алматы, 2010. — 231 с.
4. Дело Такбулатова. Url: <https://vk.com/@qazaqred-delo-ro-otnoshenii-takbulatova-i-alash-ordu>
5. Михайлов А. Свалка истории в Алматы: кто есть кто. Михаил Калинин — всехний дедушка //informburo.kz. 03.01.2017. Url: <https://informburo.kz/stati/svalka-istorii-v-almaty-k..>
6. Калинин М. И. Избранные произведения в четырех томах. Том 3. 487 С. Url: <https://www.nehudlit.ru/books/detail273388.html>

Гуарик
БАГДАСАРОВА
(Узбекистан)

НА МАЛОЙ РОДИНЕ

Армяне — потомки не истребленных,
выживших жертв геноцида!
Шли мы пустыней, проливом Кара-Бугаз
и морем Азовским, чтобы причалить
к Центральной Азии, ставшей Малой родиной.
Здесь мы заново обрели самих себя
и нашу собирательную память.
Звучат народные армянские песни
и карабахские пляски на земле узбекской.
«Несмолкаемая колокольня» Паруйра Севака
и «Гимн человеку» Геворга Эмина
учат смыслу жизни в ней самой:
без выгоды привычной и корысти —
быть людям, камню, воде полезным—
без свидетелей и безвозмездно.
Каждый год мы приходим в молельный дом
в апрельский яркий солнечный день
почтить память жертв геноцида 1915 года,
всех армян из сел и городов Киликии,
Анатолии и Междуречья, по дороге смерти
погибших в аравийских пустынях Тер-Зор,
ставших братской могилой тысяч армян.
Наши соотечественники идут к памятнику на горе
Цицернакаберд — 44-метровой расколотой стеле —

символу разделенного надвое единого народа.
Здесь ладаном над вечным огнем
звучит скорбная мелодия Комитаса.
«Скорбные песнопения» Нарекаци
молитвой покаяния проносятся над нами:
«Я — жизнь из муки, я — сила из муки, я — слава из муки.
Приди к моей душе и знай, что ты пришел к себе».
Древний крест «Хачкар» с развалин Звартноца —
в церковном дворе — вечное древо жизни
распустило гроздья винограда на каменной лозе.
Сердце скитальца на «Малой родине» страдало,
но окончательно не окаменело.
В XXI веке оно восстает, трусливо молчит
и скорбит по погибшим.
Из века в век, из крови в кровь
струится память поколений —
из песни, что веками пели,
с пергаментов старинных манускриптов —
горечь прошлого и нашей были —
слезой скатилась — морем разлилась.

**Андрей
ГРЕЧКО**

(Молдавия)

КРАХ ЗАПАДНОЙ МОДЕЛИ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Сложившийся за время после распада СССР жизненный уклад в Республике Молдова и преобладающие в массах настроения оставляют минимум поводов для оптимизма и радужных мыслей насчет ближайшего будущего в республике, приличной работы, создания семьи, благоустроенной жизни со всеми социальными гарантиями и привлекательными перспективами. Казалось бы, кого не посещают подобные мысли в Восточной Европе и что в этом особенного? Однако именно 30-летняя история независимости Молдовы служит показательным примером краха всех попыток внедрения западной модели демократии в общество, израненное коррупцией, кумовством, правовым нигилизмом.

Закулисная борьба элит на высшем уровне привела к хаосу во властных структурах, политической нестабильности, переделу банковского сектора и прибыльных предприятий, некомпетентности и бездействию правоохранительных органов. Столь невеселые умозаключения отнюдь не являются беспочвенными, а имеют под собой вполне солидную «доказательную базу»: все только и думают, как бы уехать из страны, выстраиваются в очереди у посольств; предприниматели, малый и средний бизнес в шоке от низких прибылей и все сильнее стягивающейся налоговой удавки, закинутой им на шею

правительством, рабочих мест нет. Страна скатилась до авторитарного режима корпоративного типа — власти олигархических кланов и теневых элитарных группировок, в короткие сроки превративших ее в территорию денежной экспансии ЕС и США, марионеточную республику. За право управлять государством борются и цепляются как никогда в истории его независимости, чуя, что больше такой откровенной халявы может и не подвернуться. Наличие румынского паспорта стало символом успеха, родители в Италии — знаком времени, нормой для поколения 90-х.

Через 20–30 лет Молдова попросту превратится в поделенную на сферы влияния территорию состоятельного меньшинства. Сладкие рабочие места будут распределены по знакомству между оставшимися на местах кумовьями и самыми шустрыми карьеристами. Большинство будет планомерно «выселяться» в Италию и Россию за счет полного отсутствия здесь малейших предпосылок для становления среднего класса и карьерного роста. Логика правительства понятна: зачем заниматься поддержкой сельского хозяйства, восстановлением производства и поднятием демографии, когда проще создать все условия для того, чтобы люди сами бежали отсюда. Ну, или, по крайней мере, не претендовали на их позиции, в таком случае их кланам и семьям ничего не угрожает еще долгое время.

Почему так получилось? Из двух стран, исторически имеющих интересы в Молдове — России и Румынии, — последняя вмешивается в наши внутренние дела особенно бесцеремонно. Основным подспорьем в этом деле для них являются «про-румынские» СМИ — по сути, их агентурная сеть. Эта «пятая колонна» пытается формировать здесь общественное мнение исходя из поставленных в Бухаресте установок. В результате у нас на глазах происходит ползучий подрыв суверенитета: существование молдавской нации и языка подвергается сомнению, вступление в ЕС преподносится возможным только за счет объединения двух берегов Прута и так далее. К этому можно добавить откровенную подмену исторических понятий

и навязывание ложных ценностей: советские герои становятся оккупантами, НАТО — союзником Молдовы, русские — врагами и так далее. Вообще, если взять более масштабно, очевидно, что они идут на нас по всем фронтам: в образовании молодых поколений, в выдаче своего гражданства, в финансовой помощи своим адептам и так далее.

7 апреля 2009 года толпа молодежи, среди которых студенты и ученики старших классов столичных учебных заведений, а также сторонники оппонирующих Партии Коммунистов РМ партий, выдвинулась с площади Национального Собрания в сторону парламента и президентуры с призывами к свержению власти. Согласно объявленным ЦИК предварительным результатам выборов, партия коммунистов получала большинство мест в парламенте и могла самостоятельно избрать президента. С этим были категорично несогласны представители трех других прошедших в парламент демократических и либеральных партий.

Спонсоры из США и Евросоюза никогда не жалели денег на то, чтобы как следует распиарить свои «достижения» в странах с полудикой демократией. Конечно, состоявшееся в формате «цветной революции» установление в республике более покладистого и лояльного к европейской повестке дня режима вряд ли тянуло, например, к безоговорочному триумфу западной дипломатии, но, так или иначе, еврокомиссары могли быть довольны собой: внешняя политика Молдовы, прежде проводимая по принципу метания между Востоком и Западом, была заменена на однозначное равнение на вестернизацию. Вашингтон, Брюссель и Бухарест выдавали молдаванам бессрочный кредит доверия в обмен на потакание и гостеприимство — так сказать, новый шанс на сближение с «заграницей», пускай и не на волне народного волеизъявления, но зато «под теплым крылышком» заправских соседей. В результате пострадавшие по власти за период полной автократии третьего президента Молдовы — Воронина — либерал-демократы и стоявший за ними бизнес получили карт-бланш. Быстро позабыв все свои предвыборные обещания о независимой

юстиции, аполитичности государственных органов и прочих демократических преобразованиях, они попросту подмяли существовавшую систему управления под себя, доведя ее способности к наращиванию денежных мешков элиты до совершенства. Когда все необходимые «апгрейды» для более эффективной откачки денег у предпринимателей и народа были проделаны, новая власть озаботилась одним лишь вопросом собственной безопасности, по сути, захватив всех граждан в заложники своих узкокорыстных интересов. Запад закрывал глаза на бесчисленные нарушения конституции, очевидные признаки узурпации власти, непрекращающиеся «распилы» грантов и прочие преступления, лишь бы не допустить роста влияния русских в регионе. В подтверждение легитимности правящей коалиции западные дипломаты продолжали давать местным «боярам» указания, а МВФ — регулировать бюджетно-налоговую политику беднейшей страны Европы. В новейшей эпохе истории человечества это классифицировалось, как цивилизованный подход в установлении политического и финансового протектората над третьей стороной.

В итоге к 2020 году преобладавшие в массовом общественно-политическом сознании идеи, нормы и идеалы сформировали для широких кругов столичной работоспособной молодежи определенное видение современной жизни, расставили цели и приоритеты, обозначили вектора направлений и популяризовали для всех вместе и каждого в отдельности. Самые характерные общественные явления и закономерности, актуальные тренды, особенности нового молдавского устоя, переплетавшиеся между собой и определявшие т.н. «дух времени» столицы начала XXI века:

- 1). Практически поголовное желание молодых граждан уехать из страны, вне зависимости от пункта конечного назначения и применяемых для этого методов и средств. Годилось все: получение гражданства другой страны (особенно члена ЕС), студенческие программы по обмену и работе за рубежом (особенно в США), программы по миграции и переезду на ПМЖ (США, Канада и другие страны), банальное

открытие разовой или мультивизы и выезд в Италию, Испанию, Португалию на заработки, но с целью осесть там со временем и перевезти к себе своих сородичей, и другие легальные и не очень способы выехать из страны на время или навсегда. Эта лихорадка еще была более-менее понятна для старшего поколения, застрявшего на стыке веков, для которого крушение СССР стало ударом по части материального благосостояния. Но когда отсюда бегут молодые, вместо того чтобы поднимать свою страну, задумываться над вопросами национального значения, строить оборзевших носителей власти от постового на углу до чиновника в министерском кабинете по понятиям гражданского правоотношения, пытаться влиять на государственную машину посредством СМИ и общественных движений, создавая тем самым новую формацию здравомыслящих, образованных, политически грамотных и юридически подкованных людей, — это уныло.

2). Массовое получение румынского гражданства. К этому пункту еще не придерешься, когда с его помощью ты пытаешься устроиться в Европе на работу (кормить семью), имеешь родственные связи в Румынии (корни) или же являешься отчаянным фанатом румынизации и «унири»*. Но когда паспорт этой страны, население которой относится к молдаванам в лучшем случае как к младшим братьям, в худшем — представляет их себе исключительно как объект ассимиляции, получает гражданин РМ, не имеющий с ней вообще ничего общего, где-то презирающий ее и ее нацию, и беззаветно радуется этому факту (билет в ЕС), — это печально.

3). Становление внутри молодежи многочисленной социальной группы, сформировавшейся из детей гастарбайтеров (трудовых мигрантов), проживавших в столице на дотации из-за границы. Они лицо независимой Молдовы, заплонившие бары, ночные клубы и торговые центры, числившиеся в университетах и колледжах, разъезжавшие по дорогам на автомобилях, которые им пригнали их братья и кумовья из ЕС, несли над

---

* Униря – унионизм, движение за объединение Румынии и Молдавии.

собой знамя новой молдавской мечты — сочетание труда деревенского работника с пределом воображения недалекого ребенка 90-х.

4). Формирование «прогрессивного» ответвления в кругах столичной молодежи — пафосных мажоров из местных, потусовавшихся какое-то время в Штатах или Европе и, в момент, по приезде домой, модернизовавшихся в самых крутых и передовых. Вдохнувшие «дух Запада», который у многих до сих пор ассоциируется с пределом человеческих желаний и идеалов, они, «безусловно», побывавшие на вершине мира и познавшие совершенную модель жизнеустройства, теперь могли смело задира́ть нос, смотреть свысока на простых смертных.

5). Банальное наличие преуспевающего класса — тех, кому было однозначно хорошо и при текущих условиях, поскольку имели средства к беззаботному существованию и не испытывали никаких проблем с повседневными трудностями низших классов общества, а потому и не задумывались на досуге о судьбе своей страны и не особенно парились над вопросом, куда ведет свой народ правительство. Они жили, их все устраивало в общественно-политической жизни РМ при любом раскладе, и это настораживало.

В итоге в современной Республике Молдова мы наблюдаем полный кризис государственности, правовых институтов, гражданского самосознания и национальной идентичности. Еврокомиссары не могли себе представить, что спрут молдавского кумэтризма поглотит столько денег, сколько ему дадут, но реформы при этом не произойдут, а принципы демократии будут работать только на бумаге. Почему западная демократическая модель обречена на провал?

Евросоюз, несомненно, служит примером мирового превосходства капиталистической модели общества, в основе которой в поверхностном понимании лежат денежные отношения и извлечение прибыли. Если опустить функцию денег как способа приобретения предметов жизненной необходимости, то их переизбыток открывает дорогу к роскоши: особняки, автомобили премиум-класса, жены-модели и т.д. Все

это в совокупности приводит уже к глубинам человеческой сущности, а именно: к животному инстинкту соперничества, желанию подчеркнуть свой статус, жить лучше, чем сосед, позволять себе то, чего не может позволить большинство. Все это дает капитализм, отвечающий настоящим желаниям человека, делающий его счастливым. Но возможна ли иная формула счастья, не основанная на деньгах? Не к ней ли должен был привести коммунизм, а затем социализм, или же попытки создать счастливое общество без нужды в деньгах неизбежно заканчиваются уничтожением индивидуальности и такими крайностями, как тоталитарный строй вроде Северной Кореи?

Одно понятно точно: человек переживает промежуточную фазу своего духовного развития, и непременно настанет день, когда не материальные блага, а совершенно другие понятия будут определять его самодостаточность и величие. Построение такого общества должно стать основной идеей, которая объединит мировую русскую цивилизацию.

Александра ФЕДОТОВА

(Узбекистан)

ДРУЖБА ПРОВЕРЯЕТСЯ ВРЕМЕНЕМ

Я неприкаянная жертва дружбы народов.

Начиная с восемнадцатого века мои предки, русские по матери, по каким-то причинам переселившись из Тобольска в Ташкент, превратили дружбу народов в их ассимиляцию. Моя прабабушка вышла замуж за еврея, затем моя мама продолжила традицию и дважды выходила замуж за чистокровных украинцев, первый из которых умер через пару лет после войны.

Тем не менее, когда я решила выйти замуж за араба, это ей не понравилось, потому что я собиралась уехать в Алжир навсегда. Восемь лет она боролась со мной всеми возможными способами: запрещала встречаться с любимым, следила и расстраивала наши свидания, пробовала привлечь на свою сторону декана факультета, на котором учился мой муж. Но это только подогревало наши чувства, и мы вцепились друг в друга с удвоенной сопротивлением силой. Муж мудро заметил: «Когда тебе исполнится тридцать лет, твоя мама смирится, и мы поженимся». Но мама смирилась на четыре года раньше. Когда мужу пора было возвращаться на родину после защиты кандидатской диссертации, я решительно сказала ему: «Все, давай поженимся».

Но цель моих воспоминаний, хотя и основанных на биографии, — это наблюдения и размышления над теми, кто аван-

тюрно и по-юношески необдуманно откололся от своей нации в пользу приключений и остроты жизни.

Мне всегда были непонятны тоска по родине, стремление жить там, где родился, соблюдение национальных традиций. Эти чувства и поступки казались мне атавизмом, пока я не съездила в командировку на Украину и не посетила Бухару — город, в котором я родилась и прожила один год, пока папа был зампредом облисполкома несколько лет, до возвращения в Ташкент. На Украине я в первый же день поняла, о чем всю жизнь говорила мне мама: «И в кого ты такая упрямая, грубая и скандальная?!» Ответ на этот вопрос лежал на поверхности.

Но мама его не замечала, потому что мой отец в доме был под пятой своей любимой жены — красавицы, умницы и идеальной жены для мужа, занимающего ответственные посты. Мама была потомком обедневших дворян — это проявлялось в ее царственной осанке, утонченной вежливости со всеми вплоть до последней уличной кошки, имела безупречный вкус в одежде и главное — была спокойна и мудра при всех обстоятельствах, много читала, интересовалась медициной и рукоделием: шила, вязала и вышивала. Она закончила курсы стенографии сразу после возвращения с фронта, и ее направили в ЦК компартии Узбекистана — личной секретаршей первого секретаря КПСС Рашидова.

Утром первого дня моей командировки в Днепропетровске я была потрясена громкой перепалкой между всеми пассажирами и кондуктором в трамвае. Половина была за кондуктора, вторая — за очередного безбилетника. Я была однозначно за кондуктора. Вечером это меня удивило. На третий день это меня уже совершенно не трогало, но я поняла, что во мне течет украинская кровь.

Лет шесть назад я приехала в Бухару и нашла дом, в котором мама меня выносила и родила, а я прожила в нем целый год после рождения. Новые хозяева приняли меня радушно и с большим интересом. А я почувствовала всем телом, что такое Родина, и стала каждый год ездить туда за дозой спокойствия, мудрости и энергии на весь год. В этом городе некоторое

время жили мои предки со стороны мамы. Прадедушка был начальником таможи у Эмира Бухарского и был награжден золотой звездой, украшенной бриллиантами за безупречную службу. После развода с моей бабушкой там поселился с новой женой мой дедушка, которого я так никогда и не видела.

Мой сводный брат всегда был немного «загоревшим» — как я его воспринимала. В любой еврейской парикмахерской его принимали без очереди — признавали за своего. Смуглый, с большими карими глазами, густой шапкой толстых черных волос, мягкой хитроватой улыбкой и богатой фантазией, украшенной юмором и беззлобной иронией. Мама над этим всегда посмеивалась, хотя и в ней замечалось что-то отдаленно еврейское.

Тетя, на вид чистейшая еврейка, вышла замуж за русского, но родила ребенка и с мужем развелась.

Вот в какой семье родилась я — существо без роду и без племени, без национальности, без знания предков дальше отца, матери и единственной бабушки, не соблюдающее никаких обычаев и не имеющее семейных традиций. Зато мой муж принадлежал к древнему роду арабских шейхов, один из которых прибыл в XVII веке в Алжир и высоко в горах построил большую цитадель для своих домочадцев, с поселением для челяди рядом. В его семье древние традиции были священны и нерушимы, несмотря на все достижения современности. Ни одна его родственница не стала бы готовить заказанное мужем блюдо из-за отсутствия нужной травки — и мужа посылали за ней в соседний город, в ста километрах от дома. Рецепты предков почитались, как суры Корана, и выполнялись точно, до мелочей. Это было достойно глубокого уважения.

Именно в Алжире я начала осознавать, что такое семья, народ и национальные традиции — не как блажь, а как накопленный веками опыт во благо потомков. Впитанные с молоком матери понятия о здоровом образе жизни шли вразрез с опытом алжирских женщин. Годовалые племянники моего мужа зимой бегали в одной распашонке по кафельному полу внутреннего римского дворика, босиком по снегу — а рядом сидели их мамы в трех шерстяных вязаных кофтах и трех шер-

стяных носках на ногах. Мамин авторитет целительницы был поколеблен. У меня всегда самой горячей частью тела были ноги — я тоже зимой бегала по квартире босиком, а мама уговаривала меня надеть носки и тапочки, чтобы не простудиться.

Алжир заставил меня пересмотреть свои взгляды на жизнь — ненавязчиво, фактом своего существования. Я поняла, что такое разное происхождение, разные обычаи и разные способы выживания. Моя жизнь была насыщена постоянным исследованием народа и отдельных людей. Когда живешь в привычном месте, ум застывает и не ищет объяснения окружающему. Но когда вокруг все непривычное, он начинает сравнивать факты, искать объяснение разницы в толковании и выбирать для себя лучшее. Несомненно одно: каждый народ создает для себя единственную, неповторимую и наилучшую среду выживания, включая мораль, поведение в семье и обществе.

Свекровь приняла меня приветливо и заботилась обо мне, как о дочери. Муж был нашим переводчиком. День за днем, сезон за сезоном, праздник за праздником я узнавала благородные традиции этой семьи. Хотя религия была у нее в крови, никто никогда не уговаривал меня принять мусульманство или соблюдать мусульманские правила поведения. Никто никогда не требовал, чтобы я ела только с женщинами или носила хиджаб. Никто не требовал, чтобы я помогала по хозяйству, когда мы с мужем приезжали туда погостить на несколько дней. Со мной обходились как с заморской принцессой на горошине. Уезжали мы всегда с большой коробкой дорогой, приготовленной самым древним способом турецкой сладости: пахлавой, тончайшие лепестки которой перемежаются рубленым миндалем и грецким орехом, пропитанные настоящим медом и розовым маслом. А если муж ездил к матери один, то всегда привозил от нее подарок для меня.

Семья мужа известна в регионе исторического города Константина, да и в столице, своим благочестием, образованностью и отменным воспитанием. Родственники занимают ответственные должности в стране. Муж сразу стал проректором института. Ему выделили бесплатную квартиру в доме для преподавателей. Вокруг дома жили обычные люди — рабочие,

мелкие бизнесмены, инженеры, преподаватели школ — как и везде. Но я увидела четкую разницу между ними и родственниками мужа.

У нас было много друзей — родственники и сотрудники мужа, соседи, женщины из СССР и иностранки, которые вышли замуж за алжирцев. Все были примерно одного возраста и материального положения. Общение носило характер светских раутов, без особой дружбы или вражды. Тон задавали иностранцы — преподаватели из разных стран, не обремененные заботами о хозяйстве и карьере. Эта дружба не была проверена ни временем, ни трудностями: приятное общение без особых обязательств. Жены алжирцев были особой прослойкой общества. Разных национальностей, они жили либо с родителями мужа, либо своей семьей, но отношения с семьей мужа у всех были разные. Были и такие, которыми часто пугают девушек, отговаривая от брака с мусульманами: их заставляли носить традиционную арабскую одежду, закрывать лицо и выходить из дома только в сопровождении мужчины.

Привилегированное положение иностранок в Алжире позволяло им делать что угодно и вести себя как угодно — в рамках приличий. Так как арабы соблюдали свои вековые традиции и не собирались менять их ради кого бы то ни было — они были уверены, что и люди других наций имеют свои обычаи и чтут их. У меня никаких традиций не было. Я воспринимала это как полную свободу. Мне казалось, что все относится ко мне благожелательно — просто потому, что я иностранка. Но оказалось, что это не так.

Когда на выборах президента победили, честно или нет, братья-мусульмане, которых долгие годы формировали религиозные журналы, присылаемые из Ирана, то существовавшее правительство объявило выборы сфабрированными и не признало их победу. В ответ братья-мусульмане объявили, что начиная с первого ноября все иностранцы должны покинуть страну — иначе их ждет смерть. Дружба народов кончилась. Первой погибла русская, жена алжирца, которая выскочила из дома, чтобы купить пучок зелени к обеду. Ее застрелили.

Мы жили в эпицентре этих событий. По ночам шли перестрелки, по утрам — похороны, потому что мы жили рядом с кладбищем. По утрам по телевидению объявляли, сколько и кого из иностранцев зарезали ночью. А иностранцев было много: югославы строили завод колбас, кто-то преподавал в вузах, другие работали в Сахаре — искали месторождения нефти и газа. Однажды наш маленький квартал оцепили, и я смотрела в окно через жалюзи, как на площади перед домом завязалась битва — братья-мусульмане убегали, отстреливаясь, правительственные войска стреляли им вслед. Квартал был в дыму от нервно-паралитического газа. Конечно, он просачивался и в квартиру. Я хохотала задыхаясь.

Но жизнь продолжалась. Надо было выходить из дома за продуктами. Я бесстрашно и, скорее всего, бездумно — шла на нашу единственную торговую улицу, на которой по обе стороны сплошняком шли маленькие магазинчики со всем необходимым. Когда моя нога вступала на эту улицу, владелец первого магазинчика включал песню «Джихад» и, стоя в дверях магазина, в упор смотрел на меня с ненавистью. И так поступал каждый торговец на протяжении всей улицы. Моя глупость доходила до предела. Я чувствовала себя героиней и шла мимо них с высоко поднятой головой. Пока меня не вызвали в полицию и не порекомендовали уехать в безопасное место — желательнее на родину.

На родине тоже было несладко. Соседи европейских национальностей покинули Узбекистан и разъехались по разным странам. Во времена СССР казалось, что дружба народов нерушима — мы были действительно братьями. Наш дом после землетрясения 1966 года построили горьковчане и подарили республике. Среди соседей (в доме было всего 36 квартир) не было ни одного человека без высшего образования, много кандидатов и докторов наук. Все праздники мы отмечали вместе — от дней рождений и свадеб до похорон. Но мама сказала, что после перестройки соседи перестали с ней здороваться, хотя до этого все они приходили к ней за мудрым советом и часами рассказывали о своих проблемах за чашкой чая. Что же это за дружба, если она рушится из-за политической пропаганды?

Но многие выходцы из СССР до сих пор с глубокой грустью вспоминают именно теплые отношения между людьми разных наций. Вспоминают друзей, с которыми провели счастливые годы, полные шуток, общих праздников, дел и сочувствия.

Когда я вернулась, обстановка уже улучшилась. Но былой дружбы уже не было. Узбеки дружили между собой, а другие национальности никогда не кооперировались по национальному признаку. Между людьми появилось ясное понимание — кто есть кто по национальности. Раньше люди не придавали этому большого значения, а теперь стало понятно, кто в стране хозяин, а кто гость. Возможно, это было только мое личное мнение.

Еще через пару десятков лет, когда в обществе появилась молодежь, не верящая дедам, что квартиры в СССР давали бесплатно, делали операции бесплатно и ездили в отпуск по путевкам за копейки, ситуация изменилась. Многие стали учиться за границей, приезжали с новыми привычками и новой моралью. Но незыблемым, к счастью, остался закон — уважение к пожилым людям любой национальности и оказание помощи. Однажды я бежала сломя голову на работу, споткнулась о выступ в бетонной плите и упала со всего размаху, несмотря на попытку удержать равновесие. И вот я лежу лицом в пол и плачу. А меня уже поднимают двое мужчин и усаживают на скамейку рядом! Они сделали это молниеносно! В транспорте молодежь уступает место, завидев издали, помогает нести тяжелые сумки — и это несмотря на национальность. Сейчас возникают небольшие проблемы с языком: легче объясниться на английском, чем на русском. А можно говорить так: каждый на своем языке, и все друг друга понимают.

Я смотрю на узбекские семьи и завидую. Узы крови — это закон. Каким бы ни был родственник — он родной человек, и его принимают таким, каков он есть. В нашей семье, как и во многих русских семьях, каждый живет обособленно и не собирается помогать родным, даже если речь идет о простой рекомендации при устройстве на работу. Я очень жалею, что мы оказались оторванными от своей родины — России. Когда я вижу русские леса и реки, меня гложет страшная тоска.

Наверное, это память предков. Мне так нравятся русский народный юмор, русская доброжелательность и помощь животным. Мне так приятно слушать современную русскую речь — это виртуозное владение языком и его непрерывное развитие! Мне так нравится интеллектуальная современная русская молодежь. Но за эти годы вдали от России мы стали другими, мы развивались в другом направлении. Я с ужасом думаю, что могилы моих родных, и моя тоже, будут уничтожены, потому что Ташкент строится и, естественно, все ненужное для нации заменится на нужное — новые дома, парки и торговые центры.

Двадцать пять лет назад во Франции уже было всего пять процентов чистых французов — это сообщали по французскому телевидению. Я очень жалею, что нации теряют свое лицо, свои обычаи, свои отличительные признаки, становясь бесцветной рабочей массой — одинаковые, как клоны, жертвы лживой пропаганды. Если еще совсем недавно можно было поехать в другую страну и полюбоваться на национальную одежду, попробовать национальную кухню, купить поделки — народное творчество, послушать народную музыку, то сейчас это становится редкостью. Мир украсили стандартные дома и магазины, все на одно лицо, везде одинаковые автомобили и общая мода, в каждом доме — одинаковый интерьер... Это очень печально. Это смерть наций — а настоящей дружбы так и не возникло. Есть взаимопомощь, есть торговые, промышленные и научные связи, которые, как показывают сейчас события на Украине, так легко рушатся и превращаются во вражду из-за политических амбиций стран, идущих по пути «Властелина мира».

Дружба? Не миф ли она? Не идеализируем ли мы ее? Настоящая, крепкая, как любовь, — существует. И национальность в ней не мешает, а обогащает общение. Но такая дружба возможна только между отдельными людьми. Народ — это совокупность разных характеров, мнений и предрассудков. Толпу всегда легко убедить в чем угодно. Как убедить ее в том, что дружба дает силы и спокойную уверенность в счастливом будущем?

**Борис
МАРИАН**
(Молдавия)

НЕ УНИМАЮТСЯ МОЛДАВСКИЕ ДАНТЕСЫ

Уснувший было антипушкинский вирус в нашем обществе проснулся весной 2022 года. Разбудила его кончина известного писателя Николая Дабижи — лидера и, я бы сказал, главного звонаря унионистского движения в Молдове, по совместительству главного редактора еженедельника антимолдавской и антирусской направленности «Литература ши Арта». А в недавнем, еще незабытом прошлом он был щедро обласкан советской властью (депутат Верховного Совета СССР, Лауреат госпремии МССР, член бюро ЦК комсомола и т.п.).

1

Признаюсь, как на причастии: по-человечески, мне жаль новопреставленного раба Божия Николая Дабижу, несмотря на нашу с ним многолетнюю взаимную неприязнь, газетные и судебные баталии. Ведь не прошла и неделя после его пышных проводов на небеса, как он, бедняга, в очередной раз оказался возбудителем политического скандала на почве хронической русофобии части местной румыно-патриотической интеллигенции. На сей раз, однако, не по своей воле и без лич-

ного участия. Даже в загробном мире не нашел заслуженного покоя видный поэт, публицист и неутомимый духовный лидер румыно-бессарабского унионистского движения. Ему не дали по-христиански упокоиться его же поклонники и соратники — молдавские дантесики, потребовавшие от столичной примэрии переименовать улицу Пушкина в улицу Николая Дабижи. Причем срочно, не дожидаясь ни свято чтимых православными сороковин, ни спада пандемии, ни даже великой unigі. Меня лично огорчило участие в этой позорной истории на стороне молдавских «дانتесов» авторитетнейшего нашего композитора Евгения Доги, давно уже живущего на два дома, в Москве и Кишинёве, на две правды и на две правительственные субсидии.

Естественно, тысячам молдавских читателей и почитателей Пушкина было отчего недоумевать, возмущаться, звать к уму и совести подписавших упомянутое обращение унионистов. Только не мне, прошедшему через два подобных антипушкинских приступа.

2

Шельмование Пушкина в Молдове начал еще в 1994 году писательский еженедельник Литература ши Арта (ЛИА), возглавляемый Николаем Дабижей. После ряда мелких наскоков и укусов там появилась обширная статья некоего Тудора Кжокару «Мы и Россия», в которой автор собрал целый букет «антирумынских» прегрешений юного русского поэта, отбывавшего ссылку в Кишинёве, а также надергал с десятков пушкинских цитат в защиту внешней политики царской России.

В то время я был главным редактором русскоязычной правительственной газеты «Независимая Молдова», и схватка с дабижевским еженедельником стала неизбежной. Опровергнуть идейно и научно несостоятельную аргументацию статьи было

несложно. Но нас страшно возмутил дикий призыв автора к городским властям наказать великого русского поэта, переименовав улицу его имени, а также убрав из пушкинского парка знаменитый памятник поэта работы выдающегося скульптора Опекушина, установленный еще в 1885 году и переживший Октябрьскую революцию и Гражданскую войну, 22-летнюю румынизацию края (1918–1940) и Великую Отечественную войну.

В ответ мы опубликовали подборку эмоциональных читательских высказываний в защиту памятника и улицы Пушкина, организовали громкую пресс-конференцию с участием зарубежных журналистов, подключили к дискуссии местных и российских пушкинистов, приправив материал сатирическими куплетами и карикатурами на местных «дантесов». И противник отступил: бронзовый Пушкин остался на своем месте, его имя не удалось разлучить с улицей.

Однако полгода спустя «ЛА» угостила читателей новой порцией антипушкинской стряпни под названием «Румыны в оптике Пушкина». На сей раз первый русский классик был обвинен в презрении к румынам. Это звучало смешно и безграмотно, поскольку в пушкинские времена Румыния вообще не существовала как государство. На эту клевету наша газета ответила блистательной репликой фельетониста Анатолия Горло, которая так разозлила молдавских «дантесов», что они подали на нашу редакцию и автора реплики в суд, и нам пришлось отстаивать честь поэта в суде.

3

Вторая антипушкинская кампания была развязана в аккурат к выдающемуся пушкинскому юбилею — двухсотлетию поэта, в июне 1999 года. Николай Дабижа отметил праздник публикацией в своей газете двух слабеньких статей второ-

разрядных литераторов. Обе сводились к мелкой провинциальной обидчивости из-за пушкинских выражений вроде «Проклятый город Кишинёв», «Сия пустынная страна», «молдавские дуры», «сонные молдаване» и т.п. В общем, ничего стоящего внимания.

Гораздо серьезнее, тревожнее и позорнее для писательского Союза оказался антипушкинский демарш ведущих молдавских литераторов во главе с тогдашним председателем СПМ Михаем Чимпоем. Дело в том, что никто из них не приехал в предъюбилейный день в село Долну на чествование русского поэта в тамошнем доме-музее, никто не пришел к столичному монументу поэта в юбилейный день 6 июня 1999 года на запланированное торжество, где собрались общественность молдавской столицы и руководящие деятели республики. Наша газета отозвалась тогда на это циничное действо и на «юбилейную» публикацию в писательском еженедельнике передовой статьей «Пушкин один, дантесов много», о содержании которой можно догадаться по заголовку...

Нынешняя антипушкинская выходка с переименованием ставшей родной для Кишинёва пушкинской улицы — третий удар унионистов по великому русскому поэту и десяткам тысяч его читателей и почитателей в Молдове. Они не могут представить себе без такой улицы город, где жил и творил поэт, город, который врос в его биографию. Как тут не вспомнить проникновенные слова самого Николая Дабижи, сказанные им незадолго до начала «антипушкинианы»: «Мы гордимся тем, что первым языком, на который был переведен Пушкин, был молдавский»!

Читая это, хочется согласиться с мнением Михаила Швыдкого, бывшего министра культуры Российской Федерации, лично знавшего покойного молдавского поэта: «Убежден... такая история Николаю бы не понравилась... В такого рода переименованиях есть какая-то пошлость». А по-моему, еще и подлость. Вывод же М. Швыдкого, что упомянутая скандальная инициатива придумана врагами Молдовы и России для того, чтобы столкнуть их между собой, — точный диагноз

произошедшего. Еще больше меня впечатлил отклик на данное событие известного молдавского бизнесмена и депутата Кишиневского муниципия Василия Киртоки, высказанный на днях в интернете: «Можно быть убежденным националистом и унионистом, но нельзя быть идиотом».

***

Осенью 1941 года, во время визита вождя Румынии Йона Антонеску в Кишинёв, тогдашний примар* бессарабской столицы водил маршала со свитой по городу, показывая достопримечательности. Завернули также в центральный парк, на выставку местного виноделия. Примар все отводил высокого гостя подальше от памятника Пушкину, опасаясь скандала. Но кто-то из маршальской свиты разглядел бронзовый бюст поэта среди деревьев. Примар, ни жив ни мертв, сбивчиво доложил, что запаматовал о Пушкине, и тут же повинулся: мол, простите, г-н маршал, не успели убрать монумент к вашему приезду, но завтра же, дескать, исправим ошибку. Однако вместо ожидаемого разноса городской голова услышал от диктатора такую невероятную фразу: «Не вижу в этом никакой ошибки, господин примар! Мы ведь воюем с русскими большевиками, а не с русскими поэтами».

Благодаря этому высказыванию памятник Пушкину уцелел и дождался освобождения вместе с Кишинёвом, в августе 1944 года. А наши унионисты-антипушкинисты интеллектуально еще не доросли до уровня маршала Антонеску, которого чтят как патриота и идеолога румынизма, но недооценивают как ценителя высокой поэзии.

---

* Примар – мэр города в Румынии и Молдавии.

Виктория ХРИСТОВА

(Канада)

НЕ ЗНАЯ ПРОШЛОГО НЕ ПОСТРОИТЬ БУДУЩЕГО

Сейчас очень многие, особенно приверженцы неких либеральных течений, пытаются либо очернить страну, в которой многие из нас родились и выросли, либо просто-напросто забыть, зачеркнуть, уничтожить все ее немалочисленные достижения.

О том, что в СССР было плохо, галдит вся современная молодежь, ни дня не жившая в 70-х и 80-х годах прошлого века. И мне, родившейся, учившейся и жившей там, рассказывают, как, оказывается, мне было плохо и тоскливо... Нет, дорогие мои! Плохо и тоскливо вам, кто вместо того, чтобы радоваться жизни, чего-то достигать, к чему-то стремиться, только и умеет хаять, чернить, гадить...

А вот молодежь моего времени не тратила на это время и не занималась очернением чего-то незнакомого, а заодно и не зажимала свои души. Другие занятия были — замечательные и созидательные! Но современным людям, которые под влиянием различных гаджетов уже практически разучились общаться, этого не понять...

Вы скажите мне, племя молодое, знаете ли вы что-либо о городе Обнинске? Подозреваю, что крайне мало. А меж тем именно там, через девять лет после Великой Победы, заработала первая в мире атомная электростанция! Первая! В мире!

В стране, которую еще совсем недавно стирал с лица земли фашизм!

О Юрии Гагарине, Валентине Терешковой и Алексее Леонове, которые полетели в космос с разницей в два года каждый, в начале 60-х, вы, молодежь, может и знаете! А вот то, что в 1959 году на Луну был спущен аппарат, сделавший фото ее обратной стороны, знаете? И этот аппарат разработан в СССР, дети дорогие!

О «Буране», «Салюте», иже с ними вы наверняка даже и не знаете. Но о том, что существует автомат Калашникова, наверняка слышали, правда! Так вот, он создан вскоре после Победы и находится на вооружении более чем в 50 армиях мира!

А про Семипалатинск и водородную бомбу что-то знаете? Про атомную подводную лодку «Акула»? Или про атомный ледокол «Ленин» слышали?

И как вы можете очернять страну, в которой жили и работали Туполев, Илюшин, Антонов, Яковлев? Без них и их достижений не видать было бы вам всяких-разных Карибов да Мальдив... Но кто из вас об этом задумывался?

Ну ладно, с наукой у вас не задалось... Давайте поговорим о другом! Как вы, молодежь, считаете, без достижений Сергея Эйзенштейна как бы выглядел сегодняшний кинематограф? А, вы не знаете, кто это? И о его достижениях тоже не в курсе? Плохо, ребята... А меж тем его технику хвалил и использовал Хичкок. Его-то вы хоть знаете, а?

Вот видите, сколько вы не знаете, а все же хааете... О Беломорканале и Днепрогэсе слышали? А чем знаменит на весь мир «Тихий Дон», знаете? А тем, что за него автор получил Нобелевскую премию, равно как и разработчики выше мной упомянутого ледокола «Ленин». Сразу несколько Нобелевских — и все в СССР! Чуть позже ее получит Пастернак.

Тогда же фильм Михаила Калатозова получит высшую награду в Каннах. А картина Тарковского — «Золотого Льва». Это ли позор? Это ли то, чего стоит стесняться, а, молодежь?

Чуть позже фильм Владимира Меньшова завоюет «Оскар». Фильм, который пересматривается и цитируется по сей день!

Давайте о спорте, если хотите! Вам знакомо имя Риммы Баталовой? Нет! А она — 43-кратная чемпионка Европы в беге. 43-кратная, ребята! Назовите мне еще одну такую в мире. Нет таких!

А академика Колмогорова знаете? Теория вероятности — его изобретение, между прочим! А Зинаиду Ермольеву знаете? А без нее, дорогие мои, может, не все бы из вас появились на этот свет. Она создатель и разработчик пенициллина в таблетках. И на ее счету — спасение миллионов жизней людей! Равно как и Сергей Соколов — человек, нашедший способ победить малярию.

Про Станиславского вы, может, и слышали. А то, что он создал новое направление — сценический реализм — в мировом театральном искусстве, знаете?

Чего стыдиться, молодежь? Норильского комбината, где в крупнейших объемах до сих пор производят никель и палладий? А может, БЕЛаз, карьерный самосвал — наш стыд и срам? Или забыть крупнейший в мире солнечный телескоп в Иркутской области? Предать забвению крупнейшую орбитальную станцию «Мир», являвшуюся гордостью российской космонавтики?

В связи с чем, я опять спрашиваю вас, мне должно быть стыдно? Мне, чей дед в том числе победил нацизм и отстроил вместе с другими людьми великую страну? А школьный класс был увешан портретами пионеров-героев, ни один из подвигов которых вы, сегодняшние пустословы, не в силах повторить?

Перечислять достижения можно столько, сколько не охватит предоставленный объем повествования. Но зачем? Зачем вам, не знающим основ, это все? А если нужно — начните с азов! И прежде чем поливать сточными водами все, что создали и добились поколения ваших прадедов и дедов, найдите то, что ваше поколение может этому противопоставить. А потом уж ругайте то, чем ежедневно пользуетесь и без чего не можете обойтись.

И вообще, не тратьте драгоценное время молодости на негатив! Потратив ценные минуты жизни с пользой, можно достичь

многого хорошего и полезного. Именно так жили люди в СССР, оттого и столько всего создано и получено, придумано и развито!

СССР — страна, за которую не стыдно! Это наша гордость, колыбель предков, плеяда гениальнейших людей! И любой умный человек это понимает.

Благодаря СССР я получила отличное образование, побывала в самых лучших музеях и театрах страны, прочла, вдумчиво и осознанно, всю классику, построила свою карьеру и сегодня продолжаю работать только благодаря владению русским языком даже за рубежами бывшего Союза. Мне СССР дал все! И моя благодарность — бесконечна!

Не зная и не ценя прошлого, не построить будущего! И вот об этом, молодежь, задумайтесь! Ведь именно вам оно, это будущее, необходимо! И на каких основах постройте, тем и будете тешиться... Не прогадайте!

Виктория ГОЛБАН

(Приднестровье)

ТАК БЫЛО

Папа часто рассказывал мне про свое детство, про то, как он учился, играл с друзьями, ходил в школу. Он с ностальгией вспоминал о советском мороженом, газировке и беззаботных деньках, когда без проблем можно было путешествовать по территории СССР, имея только один паспорт.

Приднестровье — это небольшая республика между Молдовой и Украиной. Многие по ошибке относят его то к одной, то к другой стране, не беря в расчет тот факт, что у нас есть свои границы, паспорт, автомобильные номера, валюта, флаг, герб, гимн и своя история.

Во времена Советского Союза территория нынешнего Приднестровья славилась своей промышленностью.

Высокая плотность населения (200 на 1 км²), которая распространилась на территории четырех городов, восьми поселков городского типа и 129 сел. Такая плотность населения обеспечила регион трудовыми ресурсами: машиностроители, энергетики, деревообработчики, швейники, консервщики, виноделы, овощеводы, садоводы и др.

Открытие трикотажной фабрики, насосного завода, транспортных баз, птицефабрики, свинофермы, коровника обеспечило население работой. Товар уходил в Германию, Сибирь, Москву, Венгрию и т.д. При Советском Союзе был построен металлургический завод-гигант — ОАО «Молдавский металлургический завод».

У моего папы семья была не из богатых, отец часто болел, но была возможность бесплатно лечиться в Крыму, ездить в санатории, отдыхать на базах. Да и просто устроить отдых на море не представляло сложности. Достаточно было иметь желание. Ни груды документов, ни дорогих билетов, перелетов и границ.

Образование в школах и в высших учебных заведениях было на качественном уровне. Мой папа не был отличником в школе, но знал больше, чем нынешний медалист. От его рассказов о школьных временах во мне возникала зависть. И я не идеализирую. В его школьном возрасте также были дебоширы и двоечники, но в детях воспитывали уважение к учителям и старшему поколению, прививали любовь к наукам. Так, до сих пор папа помнит историю, даже ту, что не печатали на страницах школьных учебников. Дети историю часто слышали из уст свидетелей, переживших войну, на встречах с ветеранами, которым постоянно помогали и с уважением и гордостью называли их именами свои классы. Нынешняя система образования во многом уступает советской.

Детям прививали не только тяготение к знаниям, прилежность, пунктуальность, любовь к Родине и малой Отчизне, но также приобщали к труду. Устраивали детские трудовые лагеря, смены которых длились месяц, а не как сейчас 7–14 дней. Да и без лагерей детям всегда было чем заняться. Папа рассказывал, как они любили ходить в кино на добрые советские фильмы, на театральные постановки, в кружки и клубы по интересам.

На территории нынешней Приднестровской Молдавской Республики в СССР даже люди казались другими — более открытыми, добродушными; уверенные в завтрашнем дне, они больше доверяли друг другу. Уровень преступности был значительно меньше. Сейчас сложно представить, что можно выйти из дома и не закрыть двери на все возможные замки. Такое бесстрашное явление я встречала у бабушки в деревне, когда она, уходя из дома, просто ставила рядом со входной дверью веник, который обозначал, что никого нет дома.

Многонациональное население региона славилось своей разнообразной культурой. Здесь всегда проживало множество национальностей, которые имели родственников по всему Советскому Союзу. Тогда они беспрепятственно могли ездить друг к другу в гости. Мои родственники также проживают и в Молдове, и на Украине, и в России. С развалом Советского Союза поехать к бабушке в гости не всегда получалось. Появились таможни с постоянно меняющимися правилами пропуска, люди оказались зажатыми со всех сторон. Это повлияло не только на родственные связи, отдых и путешествия, но и на экономику Приднестровья и уровень жизни.

Моему папе нравилось жить в Советском Союзе, он оставил очень добрые и теплые воспоминания. Если бы подвернулась возможность его вернуть, он бы за нее зацепился.

100 лет СССР. Счастливое детство

Галина
БОЕЦ
(*Казахстан*)

НАС НЕ ОДОЛЕТЬ

Как трудно было в девяностые,
И как смели выжить мы тогда?
Сегодня даже страшно вспомнить,
Насколько было тяжело в те времена.

Пустые полки в магазинах,
Очередей длинющий хвост,
Стагнация, потом упадок в производстве
И цен неудержимый рост.

Грабительская приватизация,
Которой обманули весь народ,
А также ваучеризация,
Которой суть не каждый и сейчас поймет.

И денег не было,
Лишь бартер мог выручать тогда людей,
А цены лишь договорные,
И возмущаться ты не смей.

Лился отток мозгов на Запад,
Которые привыкнуть не смогли
К стыду и унижению такому,

Что их труды здесь больше не нужны.
Распад советской армии и флота,
Которыми гордилась вся страна.
Последней, к сожалению, не стало —
Политэлитами была предана.

Разгул бандитизма, преступности,
Взимание мзды с торгашей,
А также раздел сфер влияния
И страх жить обычных людей.

Они спивались и вешались,
Не в силах детей прокормить,
Были морально раздавлены
И не могли больше жить.

Вклады их обесценились,
Копейками стали они,
Все то, что трудом было нажито,
Вмиг превратилось в нули.

Смертность людей увеличилась,
Детей боялись рожать,
Как бы самим только выжить
И душу свою не продать...

Отчизна катилась к пропасти
На радость натовских стран,
Что демократию сеяли,
Открыв финансовый кран

Для тех, кто готов прогнуться,
Слить интересы страны,
Чтоб только обогатиться,
Носить дорогие штаны,

Пожрать посытнее и слаще,
Предав свою Родину-мать,
Готовы продать свою землю
И иностранцами стать.

Но, к счастью, Россия сумела
Все трудности преодолеть,
Подняться с колен, возродиться —
Теперь ее не одолеть!

Сергей
МАСЛОБРОД
(Молдавия)

ЖИВ СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ

Мне приснился Советский Союз —
И свалился с души моей груз!
Нет и не было «тройки» паршивой —
Жив, ребята, Союз нерушимый!

Что же было потом наяву?
Сон прибавил мне сил для иллюзий.
Я ж с друзьями душевно живу,
Как когда-то в Советском Союзе!

Вот страна была — первой статьи!
Всей истории на удивленье!
С благодатью единой семьи,
Как на родине малой, в деревне!

Разве может такое уйти
Безвозвратно с земного пути?

О ХУДОЖНИКЕ ЭТОЙ КНИГИ

Зенин Владимир Владимирович родился в 1983 году в городе Владивостоке. Живет и работает в Санкт-Петербурге.

В 2006–2012 годах учился в Академии художеств имени Репина в монументальной мастерской. С 2013 года — член Союза художников Санкт-Петербурга. В 2017 году был удостоен диплома Международной премии имени Николая Рериха. Организатор и участник многих российских и международных выставок.

Владимир Зенин является представителем монументальной и станковой школы живописи. В своих произведениях художник изучает, синтезирует и развивает опыт русской живописи. Сюжеты его картин — это в основном исторические события, религиозные и этнические мотивы. В проектах художника существуют различные культуры мира — русская, сирийская, греческая, византийская и т.д.

В области творческих интересов Владимира Зенина входит также создание серии портретов. Кроме того, художник работает над иллюстрацией различных книг. При создании своих произведений автор использует весь спектр художественных материалов — как графических, так и живописных. Самый универсальный и часто используемый материал — это акриловые краски.

Сайт художника: zenin-vladimir.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений Григорьев Приветствие	5
Мы родом из СССР	
Ксения Бондарева (Беларусь) Родом Из СССР.....	8
Александр Анфиногенов (Молдавия) К юбилею Советского Союза	10
Ольга Петрова (Молдавия) Рожденная в СССР	15
Елизавета Волкова (Узбекистан) Сплоченность — это синоним СССР	18
Зухра Бердигожина (Казахстан) Мой дом — Советский Союз	20
Ольга Сидорович (Беларусь) Могу гордиться, что родилась в СССР.....	22
Райхан Тулякова (Узбекистан) СССР — это моя судьба	24
Диана Абдина (Турция) Алания — копия СССР.....	31
Светлана Глембоцкая (Беларусь) Рождался новый материк — Отечество мое	32

Анна Немцова (Словакия) Мой адрес — не дом и не улица... ..	36
Светлана Светлова (Болгария) Горжусь тем, что я — русская советского происхождения.....	38
Светлана Аль-Хальди (Палестина) Мы родом все из СССР.....	42
Алия Маматказина (Узбекистан) В парке нашей памяти	44
Галина Радионова (Беларусь) Васюткин Вишняк	48
Лейла Шахназарова (Узбекистан) Она не была похожа на Целиковскую.....	56
Елена Айзенберг-Гальперина (Германия) Дорога жизни.....	63
Геворг Геворгян (Армения) Россия.....	76
Раиса Мельникова (Литва) Русский язык.....	77
Назар Шохин (Узбекистан) Заметки о минувшем.....	78
Виктория Пошотян (Армения) Страна моего счастливого детства.....	88
Ольга Назаренко (Молдавия) Пророчество	91

Символы эпохи

Сергей Воробьёв (Латвия) Символы эпохи	94
--	----

Геннадий Царедворцев (Молдавия)	
Снова в СССР	102
Евгений Орлов (Латвия)	
Наше поколение зимы	109
Бахтияр Койчуев (Киргизия)	
Гроза.....	113
Александра Бандурина (Латвия)	
Герою смутного времени	121
Юрий Лащевский (Молдавия)	
Как стать гением в советской Молдавии	123
Елена Асланян (Армения)	
Женщина русского лейтенанта.....	134
Наталия Рахимова (Узбекистан)	
Принцесса.....	144
Илона Синютина (Германия)	
Мечта советского человека.....	156
Александр Свистунов (Узбекистан)	
Чудо по-русски.....	159
Татьяна Радван (Приднестровье)	
Папин сюрприз	167
Алия Маматказина (Узбекистан)	
Тутовник	171
Юрий Касянич (Латвия)	
Поколения	181
Восток и Запад	
Фаина Осина (Латвия)	
Восток и запад	184
Перемены	185

Нина Шклярова (Беларусь) Волюшка	187
Марк Аквила (Казахстан) Искажение советской эпохи в историографии независимого Казахстана: тенденции и последствия	189
Гуарик Багдасарова (Узбекистан) На малой родине	201
Андрей Гречко (Молдавия) Крах западной модели на примере республики Молдова	203
Александра Федотова (Узбекистан) Дружба проверяется временем	210
Борис Мариан (Молдавия) Не унимаются молдавские дантесы	218
Виктория Христова (Канада) Не зная прошлого не построить будущего	223
Виктория Голбан (Приднестровье) Так было	227
Галина Боец (Казахстан) Нас не одолеть	231
Сергей Маслоброд (Молдавия) Жив Союз нерушимый.....	234
О художнике этой книги	235

НАШ АДРЕС — СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

<i>Редактор-составитель</i>	Е. Лукин
<i>Корректоры</i>	В. Вересиянова
<i>Верстальщик</i>	И. Каблучкина
<i>Выпускающий редактор</i>	О. Гражданкина

Книги: от рукописи до тиража
ИЗГОТОВЛЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ
www.skifiabook.ru

Издательство «Скифия»
190103, Санкт-Петербург, 9-я Красноармейская ул., 3/7
Тел.: +7 (812) 575-25-66
e-mail: skifiabook@mail.ru

Возрастная категория 12+

Формат 60 × 90/16. Печать офсетная. Объем 15,125 печ. л.
Гарнитура *Georgia*. Тираж: 300 экз. Заказ №3292-22.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Амирит», 410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.